СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО
ИСКАТЕЛИ
НЕБА
ХОЛОДНЫЕ БЕРЕГА
БЛИЗИТСЯ УТРО

Миры Сергея Лукьяненко

Сергей Лукьяненко

Искатели неба: Холодные берега. Близится утро

«Издательство АСТ»
1998, 2000

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С.

Искатели неба: Холодные берега. Близится утро /
С. Лукьяненко — «Издательство АСТ», 1998, 2000 — (Миры Сергея Лукьяненко)

ISBN 978-5-17-137227-9

Земля, которая не знает железа. Здесь люди ездят на лошадях и в экипажах, не пользуются электричеством и почти не знают огнестрельного оружия, – а авиаторы поднимают в воздух деревянные планеры. Здесь нет привычных нам государств, – есть наследница Римской империи, гигантская, захватившая чуть не всю Европу Держава, властительница всего Востока Османская империя, гигантское русско-татарское Руссийское ханство и всегда стоящий особняком Китай. Величайшее сокровище этого странного мира – таинственное магическое Слово, способное перенести любой предмет в параллельное пространство, где оно будет храниться, пока владельцу (или тому, кто силой либо хитростью выманил у него Слово) не понадобится его извлечь. За секрет Слова умирают и убивают, идут на любую подлость и предательство. Но какой же силой Слова должен владеть парнишка Маркус, если его пытаются захватить или уничтожить лучшие агенты Державы? Вот вопрос, который не дает покоя единственному другу и защитнику Маркуса – отважному «благородному вору» Ильмару…

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137227-9

© Лукьяненко С., 1998, 2000
© Издательство АСТ, 1998, 2000

Содержание

Холодные берега 7
Часть первая 7
Глава первая, 7
Глава вторая, 16
Глава третья, 27
Глава четвертая, 37
Глава пятая, 47
Часть вторая 56
Глава первая, 56
Глава вторая, 67
Глава третья, 77
Глава четвертая, 84
Глава пятая, 94
Часть третья 103
Глава первая, 103
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Сергей Лукьяненко
Искатели неба: Холодные берега. Близится утро

© С.В. Лукьяненко, 1998, 2000
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Холодные берега

Часть первая
Печальные острова

Глава первая,
в которой я делаю выводы и пытаюсь в них поверить

Плеть в руках надсмотрщика казалась живой. Она то спала, прикорнув на мускулистых, поросших курчавым рыжим волосом руках, то лениво потягивалась, едва не касаясь плеч каторжников, то, рассвирепев, начинала бросаться из стороны в сторону, посверкивая крошечным медным наконечником.

И лицо надсмотрщика, всегда скучное и безучастное, будто говорило: это не я, не я, без обид, ребята! Она, она – что хочет, то и творит…

– Ну, разбойнички, душегубцы… бунтовать будем?

Нестройный хор голосов ответил, что нет, никак не собираемся. Надсмотрщик выдавил улыбку:

– Хорошо, радуете старика…

Для надсмотрщика он и впрямь был стар – лет сорок, пожалуй. Редко до таких лет доживают на его работе – кого придушат цепью, кого затопчут ногами, а кто и сам уйдет, подкопив деньжат, от греха подальше. Лучше уж маршировать в строю или бродить по ночным улицам в худой кирасе стражника, чем иметь дело с десятком-другим готовых на все негодяев.

Но этот, с укоренившимся прозвищем Шутник, был слишком осторожен, чтобы попасть в руки отчаявшегося, и достаточно умен, чтобы не злить без нужды весь этап. Велик ли труд – разобраться, кто виноват, прежде чем пустить в ход плеть, или прикрикнуть на кашевара, чтобы из недоворованных остатков провианта сумел сготовить что-то съедобное?

А нет… не каждый это понимает. Вот и вспыхивают в трюмах кораблей такие безумные бунты, после которых растерянные офицеры и следов не находят от свирепых, здоровенных бугаев. И остается одно – вешать каждого третьего, хоть и это угомонит каторжников лишь на время.

– А ты, Ильмар? Еще не разобрался с замками?

Тяжелая рука опустилась мне на плечо. Ох, здоров Шутник! Не хотел бы я его рассердить – даже без цепей.

– Что ты, Шутник. Не по зубам они мне.

Надсмотрщик, нависший над моей койкой – почетной, носовой, с одним только соседом, – осклабился.

– Это верно, Ильмар… верно. Только у тебя за зубами еще и язык есть. А? Может, есть у тебя Слово, а на то Слово – связка ключей прицеплена?

На миг его глаза стали жесткими, буравящими. Опасными.

– Будь у меня Слово, Шутник, – тихо сказал я, – не болтался бы вторую неделю в этой вони.

Шутник размышлял. Потолок в трюме был низкий – чего уж тут, зачем для каторжников стараться, и он невольно горбился, чтобы не задеть болтающийся прямо над головой фонарь.

– Тоже верно, Ильмар. Значит, судьба твоя – дерьмо нюхать.

Он наконец отошел, и я перевел дух.

Дерьмо – не беда. И не такое терпели. Другое дело – рудничную вонь нюхать, вот от нее можно и вовсе дышать разучиться.

Надсмотрщик вышел, повозился с засовом и забухал сапогами по трапу. Трюм сразу ожил. Шутник не из тех, кто делает вид, что уходит, а потом подслушивает под дверью.

– Куда колоду дел, Плешивый? – заорал Локи, карманник, залетевший на каторгу по какой-то злой усмешке судьбы.

По всем законам полагалась ему разве что хорошая плеть, да, может, еще отсечение пальца. А вот нет – не приглянулся судье, или вспомнил тот подружку, которой на базаре карманы обчистили, – и все. Плыви к Печальным Островам, надейся, что молодость поможет протянуть три отмеренных года. Впрочем, Локи не унывал – такие никогда не унывают. Свое прозвище в честь древнего северного бога проказ он получил не зря…

– А ты поищи, ты же у нас мастер, – хмуро отозвался Плешивый, мелкий чиновник, угодивший к нам за казнокрадство. Все ясно, сегодня не его масть…

В дальнем углу Волли-сладкоголосый затянул прерванную появлением надсмотрщика песню. Длинный язык довел его до каторги, но выводов он из того не сделал. Что говорить, третий раз сажают, а Волли честно вкалывает полгода – больше за крамолу не дают – и принимается за старое.

Сборщик сказал – новый налог,
Что ж, заплачу, я отвечал…

Голос у него был и впрямь хорош, и дерзости хватало, но вот больше ничего за душой певец не имел. Наверное, ему рукоплескали в селах и кварталах ремесленников… Впрочем, он иной славы и не искал. Я лениво слушал про то, какой именно продукт герой песенки собрал в большую корзину, за что этот продукт выдал, и как оплошал тупой сборщик налогов, вывалив содержимое корзины в общий воз с податями.

Пел бы лучше чужие песни, дурак… Про любовь, про лунную дорожку на воде, про потаенное Слово. Жил бы безбедно и людей бы радовал.

– Новую! – завопил Локи. Ему сегодня везло. Может, виной был фарт, а может, ловкие пальцы. Интересно, на что играют – на пайку, на дежурство, на интерес?

– Хватит, – глядя в покачивающийся деревянный потолок, сказал я. Потолок поскрипывал – кто-то ходил по палубе. – Наигрались. Спать пора.

– Ильмар, да ладно тебе… – неуверенно начал Локи.

– Хватит, я сказал!

Командовать двумя десятками балбесов мне особенно не улыбалось. Но пришлось этим заняться – иначе власть в трюме держал бы Славко-дубина, самый натуральный душегуб, пойманный прямо у свежего трупа. Сто кило мускулов и костей и чуть-чуть мозгов под крепким лбом. Я от души надеялся, что в рудниках его случайно придавит груженой вагонеткой. Сам бы поспособствовал, вот только нет у меня желания под землю лезть.

Значит – завтра придется изворачиваться. Ловчить, убегать, таиться. Доказать, что не зря слыву самым ловким вором во всей Державе. Из шахты не очень-то убежишь – вся надежда на короткий путь из порта в горы.

Надо выспаться…

Я встал и затушил фитиль в фонаре. Запахло горелым маслом. В темноте сразу стал слышен плеск волн за бортом, будто слух обострился. Поскрипывали койки, кое-кто торопливо бубнил положенные вечерние молитвы Искупителю, Волли вполголоса допевал песню – не умел он останавливаться посередине, я даже и окликать его не стал.

– А вот у меня однажды была девка… – Славко затянул обычную вечернюю историю. На каторге о женщинах лучше не говорить – к концу второй недели народ распаляется, и начина-

ются непотребства. Но Славко я не перебивал – все его истории были такие тупые и тошнотворные, что действовали лучше лекарского брома, который положено было добавлять в наше пойло. Распалялся от них только сам Славко, причем так лихо, что на второй день я посоветовал Шутнику поменять народ на койках. Теперь рядом со Славко-дубиной лежал молчаливый здоровенный верзила из какой-то, еще древними богами забытой, руссийской деревеньки. Как попал в Державу, где научился разговору, за что на каторгу угодил – не знаю. Парень он был неплохой, а мускулами – еще покрепче Славко. Кажется, дома кузнецом был. Одна беда – очень уж инертный, погруженный в свои мысли. За себя-то постоит, а вот народ в порядке не удержит. Мальчишку, который поначалу оказался рядом с душегубом, я от греха подальше поместил на койку над своей – хоть и есть у старшего по этапу право жить с комфортом, но так оно спокойнее будет. И кажется, в тот миг и посмотрела на меня Сестра-Покровительница с заоблачных высот… верно я сделал, ох как верно.

– А на третий день, когда поставили ее свинарник чистить, я и подошел, вроде как невзначай… – захлебываясь, бубнил Славко. – Юбки-то она задрала выше колен, чтоб не извозить, а я как подкрадусь…

– Как про женщин говоришь! – с тоской и глухой яростью воскликнул верзила-кузнец. Это у него было больное место, видно, в диком краю до сих пор верховодили бабы – и душегубу приходилось постоянно выкручиваться.

– Как? – с наивной звериной хитростью спросил Славко. – Хорошо говорю! Красивая была баба!

– Женщина!

– Ну женщина… Юбки, говорю, задрала…

– Нельзя так говорить!

– Почему ж нельзя? – искренне поразился Славко. – Ноги у нее красивые были. Морда…

– Лицо!

– Лицо, лицо… Лица – никакого, а ноги – да! Можно ведь говорить, что женщина красивая?

– Можно, – поразмыслив, сказал кузнец. – Это – хорошие слова.

– А что мор… лицо у нее красивое?

– Можно…

– А что ноги красивые?

– Тоже можно… – растерянно признал кузнец.

– Так я и говорю, ноги у нее – во! Я сзади-то подкрался, да и шлепнул… любя. Она как растянулась, для вида сердится, а сама мор… лицо протирает и улыбается!

Захихикал Плешивый, видно, для городского чиновника первобытный идиотизм Славко был очень забавен. Чувства юмора он не терял, не без оснований надеясь пересидеть два отмеренных года на непыльной работке счетовода. Проблем с ним оказалось куда меньше, чем ожидал, и потому я Плешивого немножко оберегал от опасностей.

Кто-то из каторжников, в очередной раз обманутый в лучших ожиданиях, смачно плюнул. Спросил:

– Что у тебя, Славко, все истории про то, как баба в грязь падает… или еще куда похуже?

– Да нравится мне, когда ба… женщина к матушке-земле поближе, – чистосердечно признался душегуб. – Самое оно…

– Ладно, всем спать! – Я счел за благо вмешаться. Кузнец мог все же воспринять слова душегуба оскорблением для женского пола и придушить дурака прямо в койке. Дело-то, конечно, хорошее, но не на корабле же! Шутник так бедолагу отделает – кровью харкать будет…

– Не прав ты, Ильмар, ой не прав! – хитренько, как ему казалось, произнес Славко. – Ребятам байку послушать интересно, а ты командуешь.

Но поддержки он не нашел. Никого уже его байки не развлекали. Ха… под старшего копать пытается. Не с его умишком…

– Заткни пасть! – гаркнул я, и кузнец охотно добавил:

– А то я заткну! Неправильно ты говоришь, сердцем чую!

Душегуб мгновенно заткнулся, и наступила благодатная тишина. Скрипели койки, порой прогибалась под чьими-то шагами палуба, стучали в борта волны. Суденышко маленькое, для быстрого тюремного клипера полного этапа не набрали. Потому и плыли так долго.

Я лежал, кутаясь в куртку, иногда машинально разминая пальцы – словно собирался немного поколдовать над замком. Тьма была кромешная – огонек паршивого фитиля давно дотлел, а иллюминаторов нам не положено. Спать бы и спать… вот только нельзя.

Или мне начала по ночам мерещиться всякая чушь, или…

Вот!

Нет, не показалось!

Я услышал, как надо мной едва-едва слышно звякнул металл. И пусть другие посчитают, что это гремит бронзовая цепь – уж я-то знаю, какие звуки издает замок, когда в нем пытаются ковыряться куском стали.

Весь расслабившись, я лежал и мысленно шептал благодарения Сестре-Покровительнице. Не оставила в беде глупого братца, не загнала под землю на семь нескончаемых лет! Сестра, как вернусь на Солнечный берег – приду в храм, упаду в ноги, ступни мраморные целовать буду, пять монет на алтарь положу – хоть и знаю, ни к чему ей деньги, все в карман священника попадет. Спасибо, Сестра, послала удачу мне, неумелому!

Ай да мальчишка!

Пронес, пронес на корабль с этапом железо!

И где только прятал – досмотрщик ведь был умелый, в такие места заглядывал, что и вспомнить противно. А все равно – пронес!

Целую неделю я трюм проверял, нет ли подарочка от прежнего этапа, нет ли случайного гвоздя в досках, за всеми приглядывал – только на пацана внимания не обращал. Не знал, в ком моя удача!

Да и кто бы знал?

Мальчишка как мальчишка, едва вошел в возраст, чтобы по эдикту «Об искоренении младенческого злодейства» на каторгу загреметь. То ли карманы кому-то важному обчистил, то ли в дом залез – молчаливый оказался паренек, сам ничего не рассказывал, а расспросы я первым делом пресек – не положено!

Может, проглотил железяку загодя? Нет, не мог, первые три дня я глаз не спускал с параши, все следил, не роется ли кто в своем дерьме.

Значит, и впрямь – Сестра удачу послала.

Кто-то вскрикнул сквозь сон, может, шахту представил, может, свои же делишки вспомнил, и звяканье надо мной стихло. Ничего, дружок, ничего. Теперь дождусь.

…И все-таки – как он пронес с собой железо?

Порода – вот что меня должно было насторожить. Чувствовалась в мальчишке порода: лицо тонкое, черты правильные, взгляд упрямый, твердый. Такие по базарам не промышляют. Чей-то незаконный сынок, наверное. Кто-то его на каторгу отправил, а кто-то и помог. Дал на карман Шутнику, тот и забыл про уставы, пронес отмычку, вложил мальчишке в руку.

Только так, а не иначе.

Тишина давно уже устоялась, а пацан все таился. Наконец скрипнуло железо. И в тот же миг я соскочил с койки, беззвучно, цепь рукой зажимая, чтоб не гремела.

Но мальчишка услышал. Дернулся, но поздно – схватил я его за руку, лежащую на замке, прижал, прошептал вполголоса:

– Тихо, дурак!

Он замер.

А мои пальцы разжали ладонь, проверили – ничего.

Я осторожно выпустил цепь и уже двумя руками провел по узкой койке, все надеясь, что пальцы почувствуют холод металла.

Ничего!

Я ощупал замок, обыскал нары – и под мальчишкой пошарил рукой, и вокруг, потом его самого ощупал – спал он, как все, в одежде, и мог, чем черт не шутит, спрятать отмычку в карман или за пазуху.

Пусто.

– Что вы делаете! – тихо возмутился мальчишка. И вот это он сделал зря. Если бы за собой не чувствовал вины и заподозрил плохое, то стал бы сейчас кричать. Раз таится…

– Уберите лапы! Я кричать буду!

Поздно, поздно. Сообразил, что неправильно себя ведет, но поздно… Я стоял, держа мальчика за руки и лихорадочно соображая. Он пока не дергался, ждал.

И вот когда я почти уж уверился, что перетрусивший пацан сглотнул отмычку, и ничего теперь не поделать – не вспарывать же ему живот, как волку из сказки, и не сажать на парашу – утром к Островам подойдем, ничего он уже не высидит… – тут-то Сестра-Покровительница вновь на меня посмотрела. Головой покачала, глядя как я, недотепа, в руках ответ держу, а ничего не понимаю, вздохнула, да и послала просветление.

Я от волнения руки мальчишке сдавил. Потом перехватывать начал – правой рукой его левую взял, левой правую, и наоборот. Мальчишка молчал – видно, все понял.

– Не будешь ты кричать, дружок, – прошептал я. – Никак не будешь. Даже если пальцы тебе сломаю, промолчишь. Только ты не бойся, малыш, все теперь путем, мы теперь друзья лучшие…

Правая ладонь у пацана была холодной! Просто ледяной! Вот и весь ответ.

– А сделаем мы вот что, – шептал я, лихорадочно вспоминая, как мальчишку зовут. В первый день он назвался, но не до того было, порядок пришлось в трюме ставить, а потом все его только пацаном и окликали. – А сделаем мы, Марк, вот что – сядем рядышком и поговорим. Тихонько и по-дружески…

– Не о чем мне с вами говорить! – огрызнулся Марк, когда я сгреб его с полки и опустил на свою, нижнюю. Вокруг все тихо оставалось, а если кто и услышал, то подумал, верно, худое. Пускай думают, мне с ними за вагонеткой не идти. Теперь я уверен!

– Есть о чем, Марк, – прошептал я мальчишке на ухо. – Есть. Ты Слово знаешь!

Он чуть дернулся, но я держал крепко.

– Нет, ты не спеши, – продолжал уговаривать я пацана. – Подумай. Ты вторую ночь замок ковыряешь, ничего сделать не можешь. А завтра – порт. А потом – рудник. Там с тебя цепи и так снимут, не думай. Из рудника выход один, и замков там нет – там стражники караулят. Я знаю, я бывал. Так что упустишь шанс – не поможет и Слово!

Мальчишка притих.

– Ну а снял бы замок? – Я тихонько засмеялся. – Что дальше? Думаешь, я не могу свой открыть? Потрогай!

Я заставил его взяться за дужку замка, сам быстро нашарил в кармане припасенную на крайний случай щепку – прочную, хорошую, еле отодрал от койки, – и провернул механизм. Замок тихонько щелкнул, отпираясь.

– Понял?

– Почему тогда…

– Почему я здесь? А куда мне податься? Положим, с засовом тоже справлюсь, не велик труд. Дальше что? За борт прыгать?

– Шлюпка…

– Да, да, в шлюпке за сотни миль плыть. Умница. Хочешь – сейчас тебя выпущу? Беги… Только железяку свою мне отдай… кстати, что там у тебя?

Марк сделал вид, что вопроса не услышал. Или вправду задумался?

– Тогда что делать?

– Порта дождаться. Поведут на канате, дело обычное. Ну и… в общем, можно уйти.

– Как?

Мальчишка от волнения заговорил громче, и я зажал ему рот.

– Тихо! Как – не твоя забота. Главное, что вот тогда-то как раз металл нужен, щепкой я только такую ерунду открыть смогу. А придется отпирать хороший, большой замок. Быстро отпирать придется!

– Ножом – сможете?

– У тебя нож? Да… наверное. Покажи!

Я сказал и прикусил язык, слишком уж резкой была просьба. И громкой.

Но Марк решился. Что-то прошептал – одними губами, я ничего не расслышал. И протянул мне руку.

Ладонь была холодной, словно мальчик несколько минут подержал ее на льду. С замиранием сердца я осознал, рядом со мной и впрямь – знающий Слово! А вот сталь – теплая, согретая рукой. Не зря говорят – Слово лишь живое морозит.

– Осторожно, острый! – запоздало предупредил Марк.

Зализывая палец, я ощупал нож другой рукой. Короткий и узкий обоюдоострый кинжал. Рукоять из кости, резная. Видимо, хорошая сталь – раз пацан не сломал острие и не зазубрил кромку лезвия, неумело ковыряясь в замке.

– Годится, – сказал я. – Дай-ка…

Конечно, он не дал. Конечно, я на это и не рассчитывал. Еще секунду я держал лезвие, потом оно исчезло. Растворилось под пальцами, и я схватил воздух.

– Тебе все равно придется мне довериться, – предупредил я.

– Тогда объясните.

Выхода не было.

– Слушай, повторять не буду. Нас поведут на канате…

Минут через десять я ему все втолковал, не забыв несколько раз напомнить, что нож все-таки придется мне дать. Мальчишка молчал, но у меня сложилось ощущение, что он согласен.

– Значит – поладили? – спросил я для верности.

– Да.

Правильно. Куда же ему деваться? Не дурак, понимает, что в лабиринтах старых шахт, куда напиханы тысячи каторжников, ничего хорошего ему не светит.

– Утром держись рядом. Выведут, будут на канате строить – станешь за мной. Как придет время, я тебе дам знать.

– Нельзя мне на Острова… – прошептал мальчик.

– Верно, нельзя.

– Вы не понимаете. Мне с корабля сходить нельзя.

– Почему?

– Я… случайно на этап попал.

Вот оно! Старая песня. Все мы тут невинные, верные сыны Искупителя, несчастные братья Сестры. А вокруг нас – злодеи, душегубцы…

– Меня должны были казнить.

Такого я никак не ожидал. Говорил пацан с убежденностью, и сомневаться не приходилось. Только вешают-то не зря, судьи, может, и сволочи, но они лучше душегуба на каторгу упекут, в рудниках ковыряться, чем без толку веревку потратят.

Если крайностей не брать, то казнят лишь таких злодеев, которых все равно попутчики-каторжники на части разорвут. Ну, если кто убьет женщину, что ребенка носит, – это понятно, это сама Сестра завещала, когда ее на костер вели. Сонного или беспомощного убить – тоже грех смертный. Если жертвам обычным счет за двенадцать перевалит – и тут дело ясное, Искупитель же сказал: «Даже дюжину кто положит, все равно передо мной чист, если чистосердечно раскается», а про вторую дюжину промолчал. Можно, конечно, и перед Домом провиниться – только какую крайность измыслить мальчишке, чтобы Дом рассердить?

На всякий случай я от Марка отодвинулся. Если у паренька с головой не в порядке, то придется стеречься. Ему миг нужен, чтобы Словом в Холод потянуться и нож достать. А что я против стали – в темноте, когда своего носа не видишь?

– Не бойтесь, – сказал мальчишка, и я от такой наглости дернулся. Но смолчал – что поделать, и впрямь ведь боюсь. Хоть чуть-чуть бы света, хоть щелочку в палубе, лампадку на другом конце трюма – ко всему привычен, по саксонским подземельям ползал, в курганах киргизских копался, китайские дворцы ночами обчищал – когда одна смальта фосфорная с потолка светила… Но нет ничего – и сиди, жди, не вонзится ли в бок кинжал.

– И за какие же такие дела тебя вешать должны?

– Мое дело.

– Это верно. Только чего теперь боишься? Приговор получил, в корабль сел, до Островов почти доплыли. Чуешь, как волны бьют? Это уже прибрежная качка, лоцман неопытный, боится ночью в бухту входить.

– Если они поймут… там…

– И что? Клипер вдогонку за тобой снарядят? Велика птица! Пошлют с оказией приказ повесить на месте или обратно отправить.

– Может, и клипер, может, и планёр.

Ну-ну. Со всяким бывает. Помню одного типчика, тот девицу соблазнил, так в камере трясся – «повесят меня, повесят»… А получил плетей, да и поплелся домой.

– Ложись-ка спать, – велел я, будто Марк сам на разговор напросился и с койки слез. – Завтра силы понадобятся. Учти: хитрость хитростью, а если бегать не умеешь – конец.

Подсадил я мальчишку обратно на койку, цепь громко забренчала, и уж теперь точно не один каторжник проснулся. Заворочались, закашляли, закряхтели, кто-то сонно выругался. А я прилег, между делом щепкой своей верной замок закрыл и задумался.

Великое дело – Слово знать. Не раз я таких видал, только обычно поверх голов. На войне, когда по молодости в армию затесался. Или из темного угла в чужом доме, молясь Сестре, чтобы прошел мимо хозяин, не вынуждал грехи множить.

А вот так, рядом, за руку держа, когда Слово шепчут и в Холод лезут, – никогда. Был, правда, Гомес Тихой, лихим делом промышлявший, но не зверствовавший. И пили вместе, и гулянки устраивали. А потом нашли его в переулке, так изрезанного и исколотого, что всякому стало ясно – Слово пытали. На лице у Гомеса улыбка застыла, страшная, злая. Видно, все вытерпел, а Слово не открыл…

Но мальчишке-то, мальчишке откуда знать? Отец подарил? Тогда точно – из аристократов. Ах, Шутник, ко мне приглядывался, на Плешивого посматривал, а кто Слово скрывает – не понял. Значит, такой твой фарт…

Накормили нас торопливо и откровенной дрянью. Осмелели морячки, бунта больше не боятся. Шутник сам принес котел с клейкой кашей, даже не сдобренной рыбой, и миски. Стоял у дверей, поглядывал, как каторжники, морщась, набивают животы, плеточку баюкал. Корабль слегка покачивало на волнах, но лениво – даже те, кто маялся морской болезнью, повеселели. Отшумел уже, спуская якорь, кабестан, и совсем рядом, за бортом, слышались приглушенные голоса. И то верно, не только нас, скот рабочий, привезли, еще и провиант столичный для

офицеров, оружие, одежду, инструменты. Городок-то не такой уж и малый, близ гарнизона многие кормятся.

– Ну, пора! – Шутник изобразил самую разлюбезную улыбку. – Рад я за вас, ворье несчастное. Честным трудом вину искупите – обязательно назад отвезу.

– Не задерживайся только, – буркнул Локи. Еще вчера мог бы и плеткой за дерзость получить, а сегодня с рук сошло.

Шутник двинулся по трюму, останавливаясь у занятых коек и отпирая цепь. Человек он был все же смелости отменной – не побоялся в одиночку снять оковы с двух десятков бандитов. Хотя, конечно, и то понимал, что мы все знаем – и палуба, и причал сейчас стражниками кишат.

Возле меня Шутник остановился, спросил:

– Снять замок, или сам сумеешь?

– Сними уж, – попросил я.

Шутник покачал головой:

– Чтоб такой, как ты, и не сумел щепкой замок снять…

В груди у меня ёкнуло, но надзиратель открыл замок и прошел дальше. Нет, ничего он не подозревает. Разочаровался, наверное, что Ильмар Скользкий на поверку оказался так прост.

Ничего, потерпи, друг. Вскоре будет тебе спектакль…

Марк спрыгнул с верхней полки, потирая натертое цепью запястье. Как всегда бывает с мальчишками, его сковали слишком туго, чтобы не вывернул гибкую кисть из кольца. Но кровоточащий след Марка не волновал. Он уставился на меня с таким заговорщицким видом, что я мгновенно отвернулся. У Шутника все же чутье есть, не стоит Сестру гневить, собственной глупостью на неприятности напрашиваться.

– По одному, по одному вверх! – крикнул Шутник. – Двинулись!

Я шел пятым или шестым, за мной Марк. После десятидневного заточения в тесном, душном и вонючем ящике сама возможность выйти из трюма казалась чудом, неслыханным подарком. Все радовало – и коридорчик, и крутой трап, и – вот оно, счастье! – квадрат безоблачного неба в люке.

– Проходи, не задерживай! – рявкнули на меня с палубы. Щурясь от ослепительного солнечного света, я поднялся, получил беззлобный, но крепкий толчок в спину и присоединился к группе каторжников.

Кораблик, на котором нас привезли к Печальным Островам, был небольшой, но крепкий и чистенький. Палуба – отдраена, паруса – аккуратно спущены и уложены, всё на своих местах, всё имеет строгое морское назначение и непонятное название. Если б не был вором, стал бы моряком…

Десяток стражников, охраняющих нас, казался куда расхлябаннее корабельных матросов. Даром что вооружены прекрасно – и самострелами, и бронзовыми палашами, а у одного даже пулевик в руках. Зато форма грязновата, морды кислые и опухшие. Правды железом не скроешь.

Перед стражниками лежала бухта толстого каната. Все как заведено.

Это хорошо. На это и надеялся.

Отведя взгляд от охраны, я залюбовался островами. Глаза слезились, но ничего, после тесноты трюма с удивлением вспомнилось, что есть на свете расстояния и перспектива.

Печальных Островов – три, но мы сейчас стояли у берега большего, самого обжитого и самого красивого. Скалистые берега, поросшие сочной зеленью, бурые холмы вдали, форт на огромном крутом утесе, господствующем над бухтой, городок, прижимающийся к порту – бестолковый, шумный и яркий. Вдали, в горах, поднимались дымы печей… вполсилы, раньше куда сильнее дымило. Красиво было, и красиво той умирающей, последней красотой, что я больше всего люблю…

Посреди города, как положено, вздымались шпиль церкви Искупителя и купол храма Сестры-Покровительницы. Я ревниво отметил, что шпиль куда выше, и вызолотка на дереве недавно обновлена. Эх, Сестра, жив буду – принесу подношение, нехорошо, что забывают тебя нынче… Корабль стоял у самого причала, по перекинутым мосткам сновали туда-сюда грузчики, со снисходительной ухмылкой поглядывая на нас. Ладно, еще посмотрим, кто посмеется последним…

Выбрался Марк, поплелся, едва находя дорогу. Стражники похохатывали, глядя на наши неуклюжие движения, и явно не ждали дурного. Кое-кто из каторжников даже падал, это вызывало особенно бурное веселье.

А я наслаждался светом. Глаза уже привыкли, в моей работе без этого нельзя. Грудь никак надышаться не могла сладким, чистым воздухом. Даже ругань стражников улучшала настроение – как-никак новые люди, не эти опротивевшие за неделю морды.

– К канату, – приказал наконец один из стражников. – Давай, кто смелый…

И Марк вдруг шагнул вперед.

Молокосос!

Мальчишка!

Я чуть не завопил: «Стой!», но нельзя было привлекать к себе внимание. Никак нельзя.

– Молодец, – похвалил Марка стражник, пожилой и добродушный на вид. – Приказов слушайся, Искупителя чти – домой вернешься…

Он ловко набросил на шею мальчишке веревочную петлю, короткой веревкой соединенную со второй петлей, совсем узкой. Выдернул из бухты конец смоленого каната, продернул в маленькую петлю, заботливо осведомился:

– Не давит?

Марк покачал головой и, конечно, затянул хитроумно увязанную петлю. Стражники заржали.

Пожилой стражник ослабил узел, наставительно сказал:

– Головой не дергай, удушишься… Следующий!

Придуманный план летел ко всем чертям. И все же, оттолкнув уже шагнувшего вперед Локи, я пошел к канату. Молча дождался, пока мне на шею наденут поводок, потом нагнулся и стал бухту разматывать.

– Эй, ты чего? – удивился стражник.

– Удушится мальчишка, если между двумя взрослыми будет стоять, – объяснил я. – Ему первому придется идти.

– И впрямь… – Стражник зашарил взглядом по каторжникам. Видно, соображал, кого бы поставить сразу за Марком, чтобы ростом поменьше был.

Но каторжники как на подбор были рослыми. Я и впрямь казался самым низким… особенно сейчас, когда старательно сутулился.

– Ладно, вставай за ним, – озабоченно сказал стражник. – И аккуратнее иди, задохнется пацан – получишь плетей!

Теперь ни о какой добровольности не было и речи, маленький рост Марка лишил стражников ожидаемого развлечения. Каторжников сортировали по росту, поругивая судей, определивших мальчишку во взрослый этап. Наверное, Марк был прав, говоря, что попал на рудники случайно – обычно сюда ссылали крепких и рослых мужчин. Для детей есть наказания по силам – золотой песок на севере мыть или в отвалах старых железных рудников остатки руды выискивать…

Я встал за Марком и, пользуясь общим шумом, прошипел:

– Ты что творишь?

– Сами же сказали – между двумя взрослыми удушусь, – шепотом ответил мальчишка.

Врал он. Это только после моих слов оправдание придумал. А дело-то в другом было – не хотел нож из рук выпускать…

– Тебе замок не открыть!

– Сами откроете.

Я ждал, кипя от злости. Наконец всех нас нанизали на канат, а концы его зажали в деревянных брусках на тяжелые замки. Так… ключ большой, бородка двойная, три прорези, поворачивается влево…

На двадцать секунд работы, если ножом. Много. Надо быстрее. Пусть стражники здесь службы не чтут – все равно за двадцать-то секунд любой заметит неладное.

– Вперед, хватит бездельничать! – Когда все мы оказались на запоре, тон стражников неуловимо изменился. Вроде та же насмешливость, но теперь она стала злее, раздраженнее. – Пошли!

И мы двинулись к трапу.

Глава вторая,
в которой все бегут, но немногие знают куда и зачем

Ох нелегкое дело – ходить на канате! Жесткий он, смоленый, лежит на плече как шест, не гнется. Чуть замешкаешься, чуть ускоришь шаг или, того хуже – в сторону подашься – петля дергается, грозит затянуть шею. Если кто упадет – может и убиться.

Неуклюжей человеческой гроздью мы развернулись поперек палубы, Марк первым ступил на сходни. Шел он почти что на цыпочках, чтобы хоть как-то ослабить натянувшуюся петлю. Сестра-Покровительница, Искупитель – не дайте ему упасть! И сам пропадет, и мне конец…

Не зря нас на канате водят, ох не зря! Могли бы в колодки забить, куда надежнее, так нет! Только веревка – напоминание о позорной казни. Чтобы почувствовали себя униженными, будто уже готовыми в петле болтаться. Чтобы поняли – каторга не сахар. Если мне память не изменяет, нас еще мимо площади Кнута проведут, покажут, как упрямцев наказывают.

Давненько я не был на Печальных Островах, лет пятнадцать прошло. Попал сюда чуть старше Марка, хорошо хоть по мелочи и на неполный год.

– Шевелись! – покрикивал стражник, что рядом со мной шел. На лицо добродушный, пузатый, ему бы по базарам ходить, с торговок оброк взимать. Ан нет, приставили к каторжникам, вот и пыжится, силу почувствовал. Я голову опустил, шел старательно, в землю глядя. Стражник поглядывал на меня, потом дальше вдоль ряда двинулся.

– Зачем стал впереди? – шепнул я Марку. Мальчишка, не оборачиваясь, хоть на это ума хватило, ответил:

– Я сам. Разрежу канат, и убежим.

– Побрякушки себе отрежь! Ты смоленые тросы резал когда?

Марк покачал головой.

– Его мечом с размаху не перерубишь! Лезвие завязнет!

Мальчишка сбился с шага. Провел ладонью по канату, обернулся. В глазах теперь была растерянность, понял, значит. Потом коснулся накинутой на шею петли. Стянуть-то ее нелегко, никто и не пытается, удушишься, а вот ножом порезать – запросто.

– Только не вздумай поводок сечь, – напомнил я то, что объяснял ему вечером. – Один далеко не уйдешь, надо чтобы все… сразу…

Конечно, иному дай нож поострее да времени минут пять – сможет канат рассечь. Если сила немереная, если Искупитель улыбнется, если стражники глаза отведут.

Только не бывает такого, чтобы все сразу случилось – и нож острый, и умение великое, и сила дурная, и стражники подкупленные.

– Я открою… замок открою…

Мимо нас прошел другой стражник. Глянул подозрительно, но спросил спокойно:

– Что разболтались, тля рудничная?

– Страшно пацану, успокаиваю, – сказал я.

На миг в глазах стражника появилось сочувствие. Не мне, конечно, а мальчику.

– А нечего разбойничать… – самого себя одергивая, изрек он. – Закон – он для всех писан. Хватит болтать!

Но следить не стал, пошел вперед, где по улице толпа скопилась. Арбалетом помахал – расходитесь, мол… Толпа, конечно, только на метр и сдвинулась. Не боялась его толпа, стражнику тут еще жить, вечерами по улицам ходить. Своего развлечения островитяне не упустят.

– Душегубцы! – тоненько взвизгнула в толпе девчонка. Знаю я таких, истеричек с горящими глазами, сама небось каждый год в чреве плод травит, потому и других обвинить всегда готова. – Убийцы! Насильники! Чтоб ваши руки-ноги отсохли! Чтоб у вас…

Это ничего. Эта толпа мирная была. Даже девица – покричала, покричала, да и пошла по своим делам, корзинкой плетеной покачивая. Видно, на базар собралась. Шла бы с базара – не пожалела бы мятой помидорины или яйца давленого…

– Замок тебе не открыть, – сказал я. – Слышь, Марк? Тут умение нужно.

Молчал он. Сам все понимает, сопляк.

– Чуть вперед подайся, – велел я, – чтобы брус тебе на плечи лег.

– Поймут…

– Что плетешься как вошь! – завопил я в полный голос. И пнул мальчишку по заду. Марк дернулся, рванулся вдоль каната, прижался к деревяшке, что его канат щемила.

Стражники захохотали. Ясное дело, у каторжников нервы не выдерживают. Все развлечение.

Я продвинулся вслед за мальчишкой, впился взглядом в замок. Эх, не везет, германская работа, с таким всегда трудно справиться…

– Не усердствуй! – бросил мне возвращающийся стражник. – Задохнется пацан…

Отмычку бы мне, тонкую отмычку, да с двойным изгибом, тогда бы справился…

А мы уже к площади Кнута приближались. Самое место бежать. Дальше по холмам потянемся, там места голые да безлюдные, не укрыться…

Эх, германская работа, хорошая сталь, тугая пружина, ключ в три прорези…

Никогда мне такой замок ножом не открыть!

И когда я понял это, так сразу и начал действовать. Нельзя панике поддаваться.

– Нож! – прошипел я в спину Марку.

Хоть сейчас не ослушался.

Повел рукой – будто потянулся куда-то, далеко-далеко… Даже на меня холодом дохнуло, когда в руке у пацана кинжал сверкнул.

Хороший клинок.

За такой клинок домик в пригороде отдают без торга.

Протянул я руку Марку через плечо, нож взял – у парня пальцы задрожали, но отдал, смирился. И даже, хоть я и не просил, придержал брус, приподнял, чтобы мне орудовать было легче.

Одно хорошо – стражники сейчас на нас не смотрели, в хвосте колонны порядок наводили. И впереди толпы не было. Только маленькая девочка-замарашка на углу стояла, сосала грязный палец да на нас смотрела. Будь постарше – сразу бы крик подняла. А так только глазенки вспыхнули, уставилась на нож, руки опустила, рот закрыть забыла…

Смотри, смотри, маленькая, только не кричи, прошу тебя! Сестра-Покровительница не велит беглецов выдавать! Не кричи, прошу, пошлет тебе Сестра куклу фарфоровую, платье новое, как вырастешь – мужа богатого и дом – полную чашу. Только не кричи!

Так я про себя девочку заклинал, а сам в замке орудовал и вроде нащупал что-то, только вот сталь скрипела, и нож блестел на солнце, значит, времени у меня – до пяти сосчитать, не больше…

За спиной уже поняли. Славко-дубина рык издал – приготовился. Вот такие всегда из чужого умения пользу получают! Кузнец крякнул, с шага сбился, видно, решил что-то сказать, да никак с языком управиться не мог…

– Эй, чего творите? – крикнул кто-то из конвоя. Еще не увидел, но почувствовал – все, пропадаю, что же ты, Сестра, за что так надсмеялась…

И стоило мне Сестре взмолиться, как замок проклятый щелкнул, дужка раскрылась, из прорезей вылетела, деревяшка разошлась и под ноги упала. Марк запнулся, я подпихнул его – он мигом с каната слетел, – и сам следом рванулся. А дальше уже напирали – и Славко, и кузнец, и все остальные. Кто и впрямь бежать решил, кого напором понесло.

На это я и рассчитывал.

Как рыбешки с порвавшегося кукана, рассыпались каторжники по улице. Те, кто подурнее, вперед кинулись бежать. Ага, на площадь, прямо толпе в лапы. За поимку беглого – три монеты плата. А если голову, руку или ногу беглого принесешь – две. Ох, не дура же толпа, умеет складывать. Умеет и отнимать. Толпа, она чудовище, но никак не дура.

Те, кто позлее да поотчаяннее, на стражников бросились. Того, что с пулевиком, сразу с ног сбили. Может, и остальных задавят толпой. Все бывает. Может, и корабль потом в порту отобьют.

Только поднимут с гарнизона пару планёров, да и сожгут их вместе с кораблем…

А я, как последний идиот, с мальчишкой боролся. Марк у меня нож выдирал, уже пальцы изрезал, но не отпускал.

Нет, парень, мне с тобой умирать не с руки!

Я выпустил нож – пусть натешится, может, зарезаться успеет, – и бросился в узкую боковую улочку, на ходу петлю с шеи сдирая. Рядом бежали кузнец и Славко – это ж надо, кто умнее всех оказался!

И тут Славко, по своей злобе и общей тупости, ошибку совершил. Прямо на пути оказалась та девчонка, по малолетству не додумавшаяся убежать.

– С дороги! – завопил Славко и отшвырнул девочку. Ну зачем, спрашивается? Времени больше потратил, чем если бы обежал ее!

– Женщин обижаешь! – взвыл кузнец. В голосе не только ярость была, еще и восторг. Наконец-то он убедился, что Славко – мерзавец.

Через миг здоровяк уже прижал душегубца к стене какой-то лавки и молотил головой о стену, выкликая:

– Нельзя женщин трогать! Грех! Нельзя женщин трогать! Винись перед малышкой! Нельзя…

Я пробежал мимо вопящего Славко, гневающегося кузнеца и ревущей девочки. Ничего с ней и не случилось страшного…

Ах, Сестра, спасибо, Сестра! Не оставь и кузнеца в заботах своих, хороший он человек, просто темный. Сейчас народ набежит, стражники из порта подтянутся – может, и не убьют его? Бежать вроде не пытается, стоит, душегубца колотит. Может, и уцелеет. В рудниках нужны работники.

Ах, Сестра, дай мне уйти…

– Ильмар!

Я обернулся на бегу. Надо же, Марк тоже сообразил, куда бежать. И бежал хорошо, догнал. Ножа у него в руках уже не было, конечно, и от петли он тоже избавился.

– Щенок сопливый! – выдохнул я. – Чуть все не попортил…

– Не бросайте меня!

Хотел было я огрызнуться, но передумал. Нельзя, после того как судьба смилостивилась, в помощи другим отказывать. Вмиг все переменится.

Я просто продолжил бежать, с легкой надеждой, что пацан сам отстанет. Но мальчик явно был не из слабаков.

Дважды навстречу попадались люди. Однако первый, крепкий, но умный мужик, не рискнул нас останавливать, а не в меру воинственного старика с клюкой я скрепя сердце уложил на мостовую одним ударом.

Не дело тебе, дедуля, чужой крови жаждать. Не по возрасту.

– Ильмар…

Мальчишка начал отставать. Ноги у него, может, и быстрые, молодые, зато я всю жизнь в бегах провел.

– Ильмар…

Направление я правильно выбрал. Дома вокруг тянулись все плоше и плоше, а потом и вовсе пошли развалины, давним пожаром оставленные. Под ногами уже не мостовая, а просто земля утрамбованная, трава кое-где лезет. Полгорода такие вот, заброшенные. Даже на Печальных Островах шахты пустеют, вот народец и разъезжается.

И когда я совсем уж было поверил, что ушли мы, Марк сзади вскрикнул.

Остановившись, я посмотрел на него. Марк пытался встать, хватаясь за левую ногу. Сломал, что ли?

Никого вокруг не было, и, проклиная себя за глупость, я все же вернулся к мальчишке.

Марк жадно ловил ртом воздух.

– Больно?

– Да…

Штанина вся в крови была – неужели кость наружу вышла? Тогда все, тогда конец ему. Потом я сообразил, что у мальчишки ладони изрезаны, вот сам себя и замарал. Засучив брючину, прощупал кости. Да, вроде целы. Мышцу потянул сильно.

Только какая разница – сломал, потянул, – если погоня следом, и медлить нельзя?

– Попробуй встать.

Он встал. И даже шаг сделал, перед тем как рухнуть.

Мы оба молчали.

– Судьба твоя такая, Марк, – сказал я. – Понимаешь?

Он кивнул. На глазах уже слезы блеснули – не от боли, от страха.

– Может, и обойдется, – утешил я. – Вон, в развалины отползи и укройся. К вечеру нога отойдет, дальше сам думай…

Марк молчал.

Я плюнул с досады.

– Ну не могу же я тебя тащить! Сам посуди! Тут уж так… каждый за себя, один Искупитель за всех… Не поминай злым словом.

Мальчик начал медленно отползать к развалинам.

– Если духу хватит, так соври стражникам, что я туда убежал. – Я махнул рукой к морю. – Тебе все равно, а мне поможет.

– Я… – Он замолчал.

Ну и правильно. Чего уж тут. Я б его не гнал, даже помог бы. Сам виноват, надо под ноги смотреть.

Развернувшись, я пошел по улице, восстанавливая дыхание перед новым рывком.

– Ильмар!

Все-таки я обернулся.

Марк взмахнул рукой, и в воздухе сверкнула сталь. На мгновение я уверился, что нож летит мне прямо в лоб, и сейчас я улягусь рядом с пацаном.

Нож упал к ногам.

– Мне… ни к чему теперь…

Приловчившись, Марк на четвереньках потащился к выбитым, осевшим на прогнивших деревянных петлях дверям. Вот дурашка. След за ним тянется, только слепой не заметит.

Я нагнулся и подобрал кинжал.

По выпачканной кровью костяной рукояти шла узорная вязь. И лезвие было протравлено тем же узором, в котором какой-то герб угадывался. Старая работа, настоящий металл, подлинная сталь. А главное – не отнимал я его, мальчик сам отдал. Значит, приживется нож.

Как там Сестра сказала Искупителю, когда кинжал ему в тюрьму принесла? «От меня откажись – не обидишь, а нож возьми»…

– Сволочь ты, Марк, душегуб, убивец, – беспомощно выругался я. – Оба ведь сдохнем!

Вот так всегда оно бывает, когда удача сама в руки идет. Удача – птица насмешливая, капризная, не удержишь при себе. Я давно знаю, если повезло в чем – следом жди беды.

По любому разумению сейчас следовало мне бежать из города, то ли в холмах затаиться, то ли в береговых утесах, но не прятаться в пустом доме. Пустят хоть одну собаку вслед – пропаду. Стражник повнимательнее пройдет – тоже не спастись. Много ли навоюю, пусть даже с кинжалом дареным? Да и дюжина моя давно располовинена… что Искупителю скажу, когда в петле отболтаюсь?

Но забивать голову переживаниями было некогда. Первую залу я пробежал с Марком на руках, не останавливаясь – очень уж грязно тут было. Люди тут ночевали, и крысы, и собаки бродячие. И каждый что-то жрал, и каждый гадил.

Во второй зале оказалось почище. Наверное, потому, что потолок тут давно провалился, пол весь в деревянных обломках и осколках черепицы. Кому охота под открытым небом ночевать?

Опустил я Марка на балку, что с виду покрепче казалась, хотел еще разок высказать все… да некогда, некогда. Только махнул рукой и побежал обратно.

Перед выходом, плюнув от омерзения, набрал две пригоршни сухого крысиного помета, вышел на улицу. Разбросал вокруг, растер подошвами. Лучше бы в руках растолочь, как старый Ганс учил, да совсем уж было невмоготу. Чистоплюй я, что поделаешь.

Собаки, они крыс не любят. Да и побаиваются – кроме мелких шавок, что специально охоте обучены. Едкая вонь запах наш перешибет… опять же, если Гансу верить.

С чахлой акации, что росла у стены, я обломил ветку, стараясь, чтобы не видно было слома. Затер ранку на стволе грязью и стал заметать следы.

Сколько еще времени у меня? Минута, десять, или полчаса Сестра отпустит?

Ох не знаю.

Пыль вилась, лениво оседая. Я побежал по улице, нарочито тяжело ступая. Потом, метрах в ста, где журчал у дороги мелкий арычок, остановился и пошел назад по своим следам.

Пусть решат, что по воде ушел. Пусть поверят, пусть поищут. Арык, если повезет, до холмов дотянется, а то, глядишь, впадет в какую ни на есть речку и доползет с нею до моря.

Добежав обратно, я одним прыжком влетел в распахнутую дверь. Притворил ее, потом еще в зале прибрал немного. Точнее, восстановил прежний вид. Вроде нет следов. Вроде все сделано.

Ветку я забросил в дальний темный угол, где целая гора хвороста высилась – листья у ветки теперь пыльные, от засохших и не отличить. Вот тут кто-то и ночевал. Неужто не противно было?

– Марк, живой там? – спросил я вполголоса.

– Да. – Голосок у мальчишки был напряженный, но больше от страха, не от боли. – А вы… вы не ушли?

Как будто он своим поступком оставил мне шанс уйти! Это ведь плевком в лицо Покровительницы стало бы!

– Не ушел, – сказал я, притворяя за собой вторую дверь. Марк баюкал ногу, смотрел на меня испуганно и тревожно. – Лучше помоги.

– Да… а в чем?

– Думать помоги! – рявкнул я. – Что дальше делать? Следы я замел, только все равно сюда заглянут. Пока меня не поймают – не остынут стражники.

Марк морщил лоб, честно пытаясь помочь. Эх, не от тебя, бастарда, помощи ждать…

– Ильмар… вы вор?

Надо же. Не только я о нем обидное подумал.

– Да.

– Это дом… богатый? Был богатый?

Как будто сам не видит! Залы громадные, двухсветные, стены до сих пор стоят, на потолке рухнувшем вроде как остатки фресок проглядывают. Хороший был дом, и хозяин не бедствовал.

– Да. Купеческий дом или офицерский. Купеческий, пожалуй, офицер бы такое богатство не бросил. Да и планировка купеческая.

– Если бы вы здесь воровали… где искали бы тайники?

Я секунду молчал. Надо же. То ли и впрямь мне весь ум отшибло…

– Жди, – велел я и бросился из залы.

Сразу у входа, ясное дело, торговый зал был. А эта, где потолок проломлен, гостиная. Купец не то второй, не то первой гильдии, крепкий, таким положено приемы устраивать.

Я словно увидел этот дом прежним, каким он был лет двадцать назад. И стены в гобеленах, и потолки в росписи, и двери с железными замками…

Вот в этих комнатенках прислуга жила. Немного, два-три человека, по хозяйству работать, охранять… торговлю купец чужим не доверит.

Эти комнаты получше, тут обитали дальние родственники, приживалы. Те же работники, только дармовые, за стол и кров.

На второй этаж вела лестница. Перила ослабли, кое-где вывалились, а вот ступени устояли. Хорошие, дубовые ступени. Я взбежал наверх, на всякий случай вытащив из-за пояса кинжал.

Разгром здесь был еще похлеще. Тут не бродяги с крысами постарались, а сами хозяева. Когда уезжали, все самое ценное со стен срывали – и доски резные, и барельефы мраморные. Мебель всю увезли, хорошая была мебель, видать. Даже паркет с пола выбрали.

Это даже хорошо. Значит, бродягам тут делать было нечего.

Какой бы крепкий купец ни был, а в одном Марк прав: тайники должны быть. И большие тайники. Не все же золотом да железом платят. Мех, ткани, пряности в мешочках – их на складе не оставишь. Должен быть у купца надежный тайник. Пустой, конечно, но я сейчас не вор, я сейчас беглец.

А там, где от воров ценности прячут, там и беглецу самое место укрыться.

Вот только как тайник обнаружить?

Я уже и спальню нашел хозяйскую – огромную кровать из нее вынести не смогли, а потому просто разбили в щепу. Ни нашим, ни вашим. Кровать была огромная, видно, купец был из восточных стран, или из Руссии, и имел двух-трех жен, как у них принято.

И кабинет я нашел – совсем уж пустой, отсюда все утащили. Выглянул в пробоину окна – никого пока не было, лишь налетевший ветерок гонял по улице пыль. Это хорошо.

Где же ты богатства хранил, гость заморский? Где меха мягкими грудами лежали, где штабеля шелков и сукна, где пахучий перец и мускатный орех?..

Я вздрогнул от безумной надежды.

Нет, не получится, конечно. Десять лет прошло. Или двадцать.

Или получится?

Закрыв глаза, я принюхался. Пылью пахло. Крысиным дерьмом… может, с пола, а может, с моих рук.

А еще – чуть-чуть – свирепым южным солнцем, пряными травами, далеким чужим миром…

Я задрожал. Открыл глаза и снова обшарил весь кабинет безумным взглядом. Погоня рядом, это я чувствую, только и спасение рядом. Здесь тайник. Здесь! Заметавшись вдоль стен, шаря ладонями по гладким доскам, я пытался нащупать щель.

Нет ничего. Или так ладно все пригнано, или ошибся я, принял желаемое за действительное. Никаких потайных дверей в стенах. Не в полу же люк – на втором-то этаже!

И все-таки я посмотрел на пол. Крепкие широкие доски. До сих пор лежат без скрипа. Лишь в одном месте пол чуть неровный…

Бросившись на колени, я смел пыль, сдул ее – и увидел контуры люка. В полу. На втором этаже!

Невозможно.

Только сейчас мне как раз невозможное нужно.

Вогнав кинжал между досками, я сильно поддел. Сталь изогнулась дугой, грозя лопнуть. У меня сердце заныло от такого издевательства над оружием. Но что еще делать?

Люк пошел вверх. Когда-то у него были хитрые запоры, и крепился он на металлических петлях. Но железо проржавело, и запоры не устояли. Вцепившись в доски ногтями, я поднял и откинул люк. Посмотрел вниз, готовый увидеть комнату прислуги. Может, любвеобильный хозяин не только жен ублажал?

Под кабинетом оказалась маленькая темная комната. Волна густого пряного запаха шибанула мне в нос. Перегнувшись, я попытался определиться.

Все ясно. В эту комнату не было хода с первого этажа. Она была затеряна между клетушками слуг, между коридорами и залами. Только сверху, из хозяйского кабинета, и можно было сюда спуститься – по узенькой приставной лестнице. Я попробовал ногой перекладины – они держали.

Хороший купец. Основательный. Зря только петли не из черной бронзы поставил – ее бы ржа не взяла…

Не закрыв люк, я бросился вниз, за Марком. Оставалось у нас минут пять, не больше. Хороший вор тем от плохого и отличается, что опасность загодя чувствует.

Мальчишку я посадил на закорки, так было надежнее. Спустился вниз, усадил на пол. В тайнике было сухо и чисто, сюда даже крысы не проникли. Надо же. Может, им запах пряностей не нравится?

Вскарабкавшись наверх, я осторожно закрыл люк. Тьма воцарилась полная. Даже мне ничего не разглядеть.

Покачиваясь на лестнице, я подумал, что теперь можно и бежать. Пацана припрятал, долг уплачен. Впрочем, куда теперь бежать? Время упущено. Весь этап уже перебит, переловлен. И кто замок открыл – известно. Сейчас вся стража на Островах моей крови жаждет.

– Ильмар…

– Да что тебе? – раздраженно отозвался я.

– Вы здесь?

– Ты, может, темноты боишься?

Ответом было молчание. Я покачал головой. Да уж, послал Искупитель товарища. Мало того, что ребенок, что ногу на ровном месте подвернул, так еще и в темноте скулит!

– Здесь я, – буркнул я, спускаясь. Похлопал Марка по плечу, чтобы успокоился, сел рядом. Пусть в полной темноте и я слепец, но уж на звук ориентироваться умею.

– Боюсь, – запоздало ответил Марк.

– А на корабле вроде не хныкал.

– Там людей много было…

Я вздохнул:

– О… приехали. Ты что же, парень? Темноты бойся, когда люди рядом. А если один, то темнота не друг, но и не враг.

Самое место и время, конечно, прописные истины растолковывать. Сидеть, не смея голос повысить, ждать, пока стража вздумает на второй этаж подняться да на пол посмотреть.

– Имбирем пахнет… – тихо сказал Марк. – Перцем, имбирем… мускатом… Здесь пряности хранили?

– Да.

– А долго мы здесь прятаться будем?

– Что, уже устал?

Поднявшись, я прошел по тайнику, ощупывая стены. Семь на семь шагов. Два раза рука натыкалась на деревянные держалки, в которых до сих пор были зажаты факелы. Смоленая пакля – сухая как порох, искру бы…

– Искру бы, – сказал я.

– Зачем?

– Тут факелы.

Марк завозился… и на меня вдруг дохнуло холодом.

– Щенок! – от неожиданности я повысил голос. – Да ты…

– Возьмите.

В мою ладонь лег теплый металлический цилиндрик. Не веря удаче, я откинул колпачок, провернул колесико. Вспыхнул желтый язычок пламени, вырвал из темноты бледное лицо Марка.

– И что еще у тебя на Слово привязано? – спросил я.

Мальчишка не ответил. Лишь жадно смотрел на зажигалку. Спохватившись, я подошел к факелу, запалил. Пламя разгорелось мигом. Недолго факелу жить, зато ярко.

– Царапины сильно кровоточат? – Зажигалка была чуть липкой, я отер ее о штаны.

Марк глянул на ладони:

– Нет уже… почти…

– Хорошо. Будет урок, как за лезвие хвататься…

Покрутив в руке зажигалку, я вновь ощутил завистливое восхищение. До чего ж хороша работа! Корпус серебряный, ни щелочки, керосин держит крепко, зубчатое колесико само просится под пальцы, крышка на стальной пружинке. На серебре узорная вязь… та же, что на клинке, кстати.

Да, либо ты, мальчик, вор получше меня, либо кто-то крепко тебя любит.

– Держи. – Я отдал зажигалку. – Что еще у тебя есть?

Марк колебался.

– Отбирать не буду. Даже показать не прошу. Только лучше знать, что у нас в запасе на трудную минуту. Что еще прячешь?

– Кольцо… перстень.

– Еще?

– Больше ничего.

Слишком быстро он ответил. Я воткнул факел в держалку, сел перед Марком, сказал наставительно:

– Мальчик, из-за тебя я жизнью рискую. Мне твоя ухоронка не нужна. Живы будем – можешь мне кинжал подарить, вот и сквитаемся. Но сейчас нам каждый гвоздь, каждая веревочка, каждая монетка в помощь. Ты вот понимаешь, что есть замки, которые я перстнем открою быстрее, чем кинжалом?

Марк покачал головой.

– Я должен знать, что ты на Слове прячешь. Настанет нужда – попрошу. Нет – так и не вспомню.

– Книга у меня еще там. И все.

– Толстая книга?

– Не очень.

– Все равно может сгодиться. Факелов надолго не хватит…

У него глаза раскрылись, как от боли. Мальчишка замотал головой, отодвигаясь от меня:

– Нет…

– Ты что?

– Нет! Я не дам! Она одна в мире такая! Нельзя ее жечь!

Ну вот. Задел за живое.

– Хорошо, – согласился я. – Твое дело, парень. Не дашь так не дашь.

Он все не мог успокоиться:

– Ильмар, вы поймите! Вот этот кинжал… можно еще такой же сделать. Даже лучше. А книгу, если сжечь, то все! Такой уже не будет!

– Успокойся, – попросил я. – Сказал, не дашь, – все. Разговор кончен.

Мальчишка неуверенно кивнул.

– Нам тут сидеть до вечера, – сказал я. – Даже дольше, уходить под утро станем. Факел сейчас догорит, новый пока палить не станем. Так что давай… располагайся.

И сам я последовал этому совету. Прошелся по камере… хоть что-то бы осталось – сукна грубого кусок, или полено, под голову подложить. Ничего. Все выгреб купец. И в стенах дверей больше нет, один выход.

А в полу?

Мысль была дурацкая. И все же – видал я сейфы с двойным дном, видал и тайники в тайнике. Опустив факел, я всмотрелся в доски пола.

Надо же!

Еще люк.

– Подержи огонь, – велел я Марку. Тот торопливо подполз на четвереньках. – Еще одна ухоронка, – пояснил я. – Купец-то был не прост…

Этот люк я открывал не спеша. И шуметь не стоило, вдруг стража уже в дом заглянула, и кинжал стоило поберечь. Когда люк пошел вверх, Марк подполз под самую руку, с простодушным любопытством заглядывая под пол.

– Сестра-Покровительница… – только и вымолвил я.

Пространство под вторым люком было куда меньше. По сути, просто большая яма. Зато – не пустая. Вся заложенная мохнатыми от рыжей трухи кирпичами.

– Понимаешь? – схватив Марка за плечо, спросил я. – А? Пацан? Чуешь?

Конечно, запах не такой приятный, как от специй. Зато будоражит побольше.

Нагнувшись, я поднял один кирпич. Руки обсыпала ржавая труха. Ну и сволочь купец, гад заезжий! Ладно, что ворованное скупал – так зачем бросать-то было на погибель?

– Железо! – сказал я. – Одиннадцать предателей и праведник… это ж надо…

– Хорошее железо? – поинтересовался Марк.

– Плохое. Десятой пробы, а то и восьмой… но…

Я покачал кирпич в ладони.

– Только все равно – здесь центнера два будет, а то и три…

По нынешним скудным временам выходило, что перед нами чуть ли не дневная добыча большого рудника. Если доставить на материк все это железо… даже если через жадных скупщиков перепродать…

Мне сразу представился огромный каменный дом в центре Парижа – на Сене, рядом с пассажирским портом, – собственный конный выезд, мордоворот-охранник у входа… Шутника можно нанять для смеха…

Вот так – появиться в столице, как граф Крист из книжки. И начать светскую жизнь.

– И сколько это стоит? – спросил Марк. Я опомнился.

– Довольно много. Нет, ерунда. Ничего это не стоит.

– Почему?

– Ты не забыл, кто мы? Нам бы самим ноги унести. Один слиток – и то тащить опасно. А если вдруг возьмут с ним – кожу живьем сдерут. Все кражи на рудниках на нашу шею повесят.

Я не смеялся и не запугивал Марка. Так оно и было. От найденного клада пользы нам ни на грош. Одежда, оружие, горстка монет – это пошло бы в дело. А так – лишнее расстройство.

– И думать забудь, – строго сказал я.

– Да я и не думаю…

Не понимает он еще всей цены такого клада. Хорошо ему. А мне теперь, пусть даже уйду живым, до конца дней будет сниться яма, забитая железом.

Пусть даже низкой пробы.

Конечно, если через год-другой, через пять лет рудники вконец оскудеют, охрану отзовут на материк, народец разбежится… Можно будет нанять корабль или, лучше, купить небольшую яхту. Приплыть, забрать железо, и вот он – дом в городе, экипаж, охрана, вино из лучших погребов, шепот девиц на светских приемах: «А кто такой этот Ильмар? Он так таинственно разбогател… это так романтично»…

Впрочем, и Марку эта мысль придет в головенку через год-другой. Или расскажет по юношеской дури приятелям за кружкой пива – перед тем как уснуть с ножом в груди. Клады ждут одного, двое – уже слишком много.

Спаси от искуса, Сестра!

Железный кирпич был тяжел. Когда я швырнул его обратно в яму, металл отозвался недовольным гулом. Марк вздрогнул и удивленно посмотрел на меня.

– Не суй голову, расшибет! – прошипел я.

– Извините…

– Задело бы висок – все, хана! Это тебе не камень, это железо! Железо!

– Вы же видели, куда кидаете, – растерянно сказал Марк. – Я осторожно…

Чем больше я понимал, что хотел сделать, тем сильнее меня трясло. Я стал судорожно отряхивать ладони. В кожу будто въелись и корабельная грязь, и крысиный помет, и кровавая железная ржа. Воды бы. Утром выпил полкружки, и все. Раньше давали умыться после корабля…

– Не сердитесь, – попросил Марк. Чуть отстранился. Наверное, что-то у меня мелькало в глазах. – Ильмар…

Факел он держал на отлете, в левой руке. Дурак. Факел – тоже оружие. Хоть и мало он стоит против кинжала в умелой руке.

– Прости, парень, – сказал я. Захлопнул люк. Взял из рук Марка факел, укрепил на стене. Постоял, глядя на него сверху вниз. – Убить я тебя хотел, понимаешь? Искус большой… прости уж.

На секунду губы у него дрогнули, потом сжались. Марк молчал.

– Ладно, считай – забыли. – Я махнул рукой. – Ты мне помог, я тебе. Сейчас обоим бежать надо, а не ссориться.

– Вы меня могли убить – из-за этого? – растерянно выдохнул Марк. – Из-за полусотни железных кирпичей?

Эх, мальчик. Я лишь покачал головой, глядя на него. Сразу видно – сладко ел, мягко спал. Не знает, что такое нужда, не знает, что такое смерть.

Из-за ржавого гвоздя убивают. Из-за медной монеты. Пусть не я, но чем я лучше других?

– Не убил же, – сказал я. – Все. Хватит. Забыли.

– Я думал, раз вы меня не бросили… – Марк будто размышлял вслух. – Значит, шеей из-за меня рисковать вы готовы. А из-за денег готовы голову размозжить?

Да, действительно, глупо получается. Честь соблюсти, товарища стражникам на поживу не бросить – я готов. И тут же едва-едва удержался, чтобы не убить мальчишку на груде ржавого железа.

Это что же получается?

Жизнью рискнуть я могу, лишь бы все по совести было, как Искупитель велел, как Сестра заповедовала. Сам погибай, а товарища выручай. Запросто, выходит. А вот за деньги, которые и достать-то почти невозможно будет, готов пацана железом в висок…

Странно. И впрямь – странно. Злая скотина – человек. Злая и глупая.

– Вот так оно бывает, – сказал я. – Не сердись, мальчик. Вырастешь – поймешь. Искус – он голову кружит.

Марк молчал. Потрескивал факел, уже обглоданный пламенем до деревяшки.

– Все, хватит, – решил я. Затоптал огонь. Не почуяли бы дым стражники… эх, раньше надо было думать. Вся надежда, что люк хорошо пригнан. От пряностей запах годами сочился, в дерево впитывался, чтобы насквозь пройти.

Сев на холодный пол, к стене, я вслушался. Тихо. Может, и нет никого в доме. Одно теперь остается – ждать.

– Скажите, Ильмар, а если бы вместо вас был Славко?

Я ухмыльнулся. Если дурак-душегуб еще жив, то ему несладко…

– Лежал бы ты сейчас под полом, мертвый. А может, и нет. Может, оставил бы тебя Славко до утра. Ночью потешиться, да и мясо свежее будет.

Не видно было ни зги. Так что я, наверное, услышал, как мальчик вздрогнул. Никогда не думал, что можно так громко вздрогнуть!

– М-мясо?

– Ага. Такие, как он, либо бегут не останавливаясь, либо забиваются в нору на неделю. Он бы сожрал тебя.

Нет, откуда он такой взялся? Сидит в темноте, не шелохнется, только в горле что-то булькает. Неужели никогда не слышал, как душегубцы с каторги бегут? У них это называется «теленка прихватить».

– А если бы тут был Иван?

Я едва вспомнил, что так звали кузнеца.

– Тогда ничего. Он человек простой, дикий. Не обидел бы. Вот только не ушли бы вы с ним, тут хватка нужна.

Марк, укрытый темнотой, продолжал размышлять:

– А от вас чего ждать, Ильмар?

– Теперь – ничего особенного. Не разгневаем Искупителя, не забудет нас Сестра – уйдем. Если уж совсем прижмет… – Я вздохнул, но все же честно закончил: – Тогда я тебя брошу. Убивать не стану, помог ты мне.

Марк молчал. Кажется, напугал я его словами про «мясо».

– Я человек неприхотливый, – сказал я. – Могу и крысой перекусить. Могу из дождевых червей запеканку сделать. Не бойся. Да и не душегуб я, простой вор. Будет на то воля Искупителя – уйдем.

Про червей я соврал. Только сейчас Марку нужна была такая ложь – противная, отрезвляющая.

Да и аппетит пропадет. Утренняя каша в воспоминаниях уже казалась вкусной. Я-то привычный, а мальчишке, верно, живот сводит…

Он завозился в темноте. Подполз, привалился ко мне тощей спиной. А неплохо парень на звук ориентируется!

– Как нога? – спросил я.

– Уже получше, – без особой уверенности сказал Марк. Он был напряжен, как каторжник под плетями. На корабле мальчишка словно в дремотном оцепенении был, а теперь ожил – и сразу попал в переплет. Тяжело. Понимаю.

– Возьми-ка, – попросил я. Протянул ему нож и зажигалку. Рука Марка вздрогнула, касаясь металла. – Припрячь на Слово. А то потеряем в темноте.

Порыв холодного ветра.

– Спасибо, – сказал Марк.

Так оно правильнее будет. И мальчишка перестанет трястись, что я его прикончу – зачем бы тогда клинок и огонь отдал? И мне спокойнее… не проснусь от вцепившихся в горло онемелых от страха рук.

Глава третья,
в которой я довожу счет до восьми, а Марк его уменьшает до семи

Проспал я часов пять-шесть. От усталости не было сил поточнее себя на пробуждение настроить. Уснул я быстро, пробормотав про себя молитву о напрасных терзаниях, что Сестра когда-то сложила. Никогда меня эта молитва не подводила, с самого детства. Нашкодишь вечером, знаешь, что под утро либо материнскую оплеуху получишь, либо ремня отцовского – по настроению, а помолишься Сестре – и сразу легче. «Воля моя, я сделал, что хотел, сделал, что мог. Если будет беда – мой страх ее не прогонит, если не будет беды – мой страх не нужен. Не жалею о том, что сделано, размышляю о том, что сделаю»…

Простенькая молитва – это не прошение об исцелении и не покаяние в грехах, зато всегда помогает.

Марк, наверное, уснул не сразу. Но тоже уснул, уронив голову мне на живот. Когда я пошевелился, мальчишка проснулся. Вздрогнул, но больше ничем пробуждения не выдал.

Молодец.

Нет, есть в нем правильность. Как над аристократами ни смейся, сколько анекдотов ни трави: «Попали на необитаемый остров лорд, купец и вор»… А все равно – посмотришь на дворянина и позавидуешь. Словно все его предки высокородные за спиной стоят, подбородки гордо выпятив, руки на мечи положив. Не подступись… такого даже убей – все равно победы не почувствуешь.

Видел я однажды атаку преторианского манипула. По молодой дури завербовался в баскский легион, что против иберийцев под Баракальдо выступил, выделения Басконии в отдельную провинцию требовал. Ох… дали же нам жару. Угораздило меня оказаться именно на тех позициях, куда преторианцев и послали. Понятно, все эти бароны да графы иберийские экипированы были – нам не чета. Стальные доспехи, мечи, самострелы, у каждого третьего – пулевик многозарядный. Да только не этим они нас взяли, совсем не этим. У нас тоже оружие имелось приличное. А по флангам два наших лорда засели со скорострельными пулевиками… как начали стрелять – свои в землю зарылись. Я рядом был, видел, как его светлость лорд Хамон Слово произнес да из ниоткуда пулевик вытащил. Личная охрана вокруг сомкнулась, мечи наголо, в глазах – ярость. А Хамон пулевик установил, оруженосец зачем-то воду в ствол

залил – и началось. Грохот, будто все барабанщики легиона тут собрались и в припадке о свои барабаны бьются.

Смяли. Семерых положил лорд Хамон, а уж сколько ранил – не сосчитать. Только все равно дошли преторианцы до позиции, порубили охрану да в спину лорда пику вонзили, пока он с замолчавшим пулевиком возился. Вот она – дворянская стать!

Только и Хамон не слабее был. Умирал, кровью захлебывался, а Слово сказал. Исчез пулевик скорострельный, прямо из рук иберийцев-победителей исчез. Навсегда. Вряд ли Хамон кому свое Слово при жизни раскрыл…

Я потрепал Марка по голове:

– Подымайся, мальчик. Хватит притворяться.

– Я не притворяюсь. – Марк отстранился.

– Достань огонек, – попросил я. Через миг мне в руку легла зажигалка.

– Сколько времени? – спросил Марк.

– Часов нету. Ты уж извини, – хмыкнул я. Встал, побрел сквозь темноту к стене, где был факел. – Может, у тебя есть? На Слове?

Марк сердито засопел.

– Я вам все назвал, что у меня на Слове есть. Да и какой толк от часов в Холоде?

– А почему бы и нет?

– Они же не идут там. В Холоде как положишь, так и достанешь.

Вот оно как. Не знал. Значит, и пулевик лорда Хамона сейчас там, в Холоде, а пар из ствола брызжет, брызжет и не кончается…

Я зажег факел, посмотрел на трущего глаза Марка.

– Вечер сейчас, парень. Темнеет уже. Еще часика три подождем – и в путь-дорогу. Как нога?

Он пожал плечами. Оставив факел на стене, я подошел, приподнял мальчишку.

– Обопрись на ногу. Осторожно.

Марк ступил, аккуратно перенося вес на больную ногу.

– Вроде ничего… ой. Колет немного.

На лбу у него выступила капелька пота. Хорошенькое «немного».

– Сядь, – с досадой сказал я. – Штаны снимай.

Пока он покорно расшнуровывал ботинки и раздевался, я снял куртку, начал отдирать рукава.

– Возьмите…

Марк протянул нож. Никак я не привыкну, что рядом – знающий Слово.

Два взмаха – и вместо куртки я получил жилетку. Эх, долго одежка служила. У хорошего портного шил – так, чтобы с виду дрянь дрянью, а на деле и тепло было, и крепко.

– А зачем это?

Неужели и впрямь не понимает?

– Ногу тебе перетянуть.

– Можно было мою рубашку…

Я покачал головой. Тонкий батист тут не сгодится.

– Так лучше выйдет. Теперь потерпи.

Минут десять я массировал ему голень. Наверное, Марку было больно, но он терпел. Потом я плотно замотал мальчишке ногу разрезанными вдоль рукавами. Не слишком туго, но так, чтобы поддержать мышцы.

– Спасибо, – тихо поблагодарил Марк.

– На том свете сочтемся, – отрезал я. – Руки перевязать не надо?

– Нет… спасибо, уже нормально…

Вот уж чего не люблю – когда благодарят. Словно привязывают благодарностью – с одной стороны, приятно, а с другой – и дальше выхода не будет, кроме как помогать.

– Штаны налезут?

Брюки у него были узкие, из плотной, крашенной индиго парусины. Конечно, на замотанную ногу они не налезли, пришлось распороть штанину.

– Вот теперь ты нормальный оборванец, – решил я, поглядев на Марка. – Уже не так смахиваешь на высокородное дитя.

Марк испуганно посмотрел на меня.

– Не бойся, – сказал я. – Мне, в общем, плевать, каких ты кровей.

– Почему вы… решили, что я высокородный?

– Да у тебя на лбу фамильное дерево нарисовано. Голубая кровь, фамильный дворец, все дела…

Он по-прежнему был напуган.

Я вздохнул и разъяснил:

– Марк, вот ты вроде обычный пацан. Одет неплохо, но не более. Грязный, тощий. Только я-то вижу, тебе вся эта грязь – как рубашка с чужого плеча. Порода в тебе есть. Благородные предки, камердинер, гувернантка по утрам умывает, охранник до двери нужника провожает… Что, ошибаюсь?

Марк молчал.

– Ну и Слово… сам понимаешь. Откуда тебе его знать? Один ответ – подарили.

– И что?

– Ничего. Мне-то какое дело? Марк ты, или Маркус, мне едино. Хочешь расскажу, как все с тобой было? Отец твой граф или барон. Вряд ли принц из Дома, хотя… А матушка небось попроще. Бастарду тоже всякая судьба выпадает. Нет у папаши наследника – вот и растят в роскоши. Мало ли как сложится… вдруг придется род наследовать.

Мальчик молчал. Впился в меня темными глазами, выжидал.

– А потом вдруг получилось у аристократа. Законная жена дитя родила. И тут уж… стал ты обузой. Могли и прикончить. Но кто-то постарался, верно? Думаю, папаша твой добрым оказался. Спрятал тебя… на рудники отправил. Все лучше, чем помирать. Так?

– Не… не совсем…

Глаза у Марка заблестели. Ну вот. Довел пацана до слез.

– Перестань. – Я присел рядом и рукавом его же рубашки утер слякоть. – Нечего жалеть. Жизнь крутит-вертит, а Искупитель правду видит. Кого любит, того испытывает. У тебя все равно… такое сокровище осталось, что мне и не снилось никогда.

Марк тут же затих.

– Да не буду я Слово пытать… Скажи лучше, что ты чуешь *при этом?*

– Холод.

– И все?

– И все. Словно руку в темноту протянул, но знаешь, что должен найти. И находишь. Холодно только.

– Понятно. Значит, все равно что жратву с ледника воровать. Ничего особенного.

И что это все мысли к еде сводятся? Марк уставился на меня. Удивленно сказал:

– Вы смеетесь. Вы же смеетесь!

– Да. А что, нельзя?

Он неуверенно улыбнулся:

– Нет, я не думал, что вы умеете. Вы все время такой мрачный.

– Знаешь, Марк, брось свое «вы». Я тебе не граф, да и ты мне не принц. Оба мы беглые каторжники – один молодой, другой старый. Договорились?

Мальчик кивнул:

– Ладно. Ты прав, вор Ильмар.

– А ты молодец, бастард Марк, – вернул я любезность. – Дворцов, может, и не наживешь, но и не пропадешь. Ты хоть что-то делать обучен?

– Кое-что.

– Например?

– Фехтовать. Стрелять.

Я не сразу его понял. Кто же ребенку оружие доверит?

– Из пулевика?

– Да.

– Тебя и впрямь в наследники готовили, – признал я. – Что ж, полезное умение. Значит, воевать обучен. Дюжину-то начал?

Мальчишка сжал губы. Неохотно выдавил:

– Не знаю. Может быть.

– Это плохо. – Я покачал головой. – Пока точно не узнаешь, считай, что начал. Дюжине как счет ведут? Если ранил кого и за неделю не помер – значит, не в счет. Если не убил, а дал помереть… ну, вот если бы я тебя на улице страже бросил, – так тоже не в счет. Это судьба. Но если точно не знаешь – считай, что убил. Так спокойнее.

– Я знаю.

– Хорошо. Диалектам обучен? Романский ведь тебе не родной, верно?

Марк промолчал.

– Не родной, чувствую. Да не беда, ты на нем говоришь здорово, не придирешься. Чуть по-ученому, словно выпендриваешься, но такое бывает. Русский ты знаешь – слыхал, как ты с кузнецом говорил. По-галльски говоришь?

– *Oui.*

– Иберийский, германский?

– *Si, claro. Ich spreche.*

– Небось еще языки знаешь? – предположил я. – А?

Мальчишка кивнул. И в глазах у него мелькнула легкая гордость.

– Уже много, – похвалил я. – Вырастешь, так сможешь переводчиком работать. Хорошие деньги, особенно если к аристократу в прислугу устроиться…

Вот, опять. На этот раз он заплакал. Молча, но по-настоящему. И впрямь, чем я его обрадовать вздумал? Что он будет занюханному барону прислуживать, когда себя графом или герцогом мнил?

– О прошлом не плачь, о будущем думай! – гаркнул я, пытаясь грубостью прервать слезы. – Здоровый уже парень!

Марк продолжал реветь. Моего тона он не испугался – оно, конечно, приятно, но как успокоить-то?

– Тебе думать надо, как вырасти! – резко сказал я. – А там лови счастье, повезет, так и титула добьешься! Вот выберемся с Островов, – я постарался вложить в эти слова такую уверенность, которой вовсе не испытывал, – чем зарабатывать станешь?

Он дернул плечами.

– Голова у тебя умная, – вслух рассуждал я. – С такой головой на мануфактуру наниматься – Искупителя гневить. В монастырь? Ты не калечный, чтобы монахи пригрели… да и паршивое это дело, монашеская любовь, они там через одного извращенцы, покарай их Искупитель… В храм Сестры не предлагаю тем более, сам понимаешь.

Марк торопливо кивнул. Он словно всерьез решил, что сейчас решается его будущая судьба. Да и я увлекся этой игрой. Надо же, Ильмар Скользкий, вор из воров, о брошенном бастарде заботится!

– Есть у меня пара купцов знакомых. Хороших купцов, крепких. – Я не стал уточнять, что крепость их проистекает из скупки краденого. – Могу поговорить, чтобы взяли тебя в ученики. Не насовсем, конечно, подрастешь – уйдешь. Заодно подзаработаешь немного. Математике ты хорошо обучен, не сомневаюсь. Диалекты знаешь. И сам парень крепкий. Если попрошу, тебя не обидят. Могу сказать, что ты мой сын. – Я ухмыльнулся. – По возрасту впритык, но можно наплести. Будет крыша над головой, сыт будешь. И опять же – в языках практика, в математике, интересные люди каждый день приходят, с охранниками сдружишься – будет с кем на мечах тренироваться…

Я с таким увлечением начал живописать радости купеческой жизни, словно сам вырос в лавке и ушел оттуда по несчастливой случайности. Марк плакать перестал. Зато спросил:

– А что же вы… ты, Ильмар, торговлей не занимаешься?

– Я птица вольная.

Марк усмехнулся.

– Еще я взрослый человек. Ясно? Меня даже душегубцы боятся, мне везде приют.

– Странный ты, Ильмар, – очень серьезно сказал Марк. – Я вначале думал, ты ловкий дурак. Не обижайся!

Ох и приложил! Я проглотил обиду:

– А чего тут обижаться? Ворье – оно такое и есть, мальчик. Ловкое, хитрое да глупое. Сколько ни прыгай, а конец один – или от чахотки в руднике, или на мече солдатском.

Марк кивнул.

– Я о том и говорю. Ты же сам диалекты знаешь. И вообще всему ученый. Я же видел, как ты нож держал…

Я вздрогнул.

– Воевал я, мальчик. Довелось.

– Простым солдатам стальной клинок не положен, – спокойно возразил Марк. – Да и не в этом дело. Тебя и впрямь всякие бандиты слушаются и стража побаивается. Не силы, ума боятся. Неужели ничего другого не нашел, кроме как воровать?

– Воры разные бывают, – стараясь оставаться спокойным, ответил я. – Одни на ярмарке карманы чистят, другие с кистенем по большой дороге гуляют, третьи дома грабят.

– А ты этим не занимался?

– Бывало, – признал я. – С голодухи чего только не сделаешь, парень. Только у меня другое умение.

Марк ждал, и я почему-то решился на откровенность:

– Я то ворую, что уже никому не принадлежит. Думаешь, почему Ильмара Скользкого, о чьей ловкости и фарте песни поют, на виселице не вздернули?

– Ты откупился, – спокойно ответил Марк.

– Не без того, – признал я. – Рассказал кое-что судье, когда писарь отлить ушел. Только, будь на меня жалоба от какого лорда, не помогло бы это. А вот – нет обиженных.

– Ты грабишь могилы?

Голова у него работала.

– Не совсем могилы, мальчик. Мертвых тревожить – гнусное дело. Знаешь, сколько старых городов по миру раскидано? Пустых, заброшенных. Городов, храмов, курганов, склепов. Всеми они забыты, никому не нужны. В склепах тех уже не мертвецы – тлен, и никому с моего воровства обиды нет. Найти такие места, древние, непросто, нетронутые – того труднее, а уж сделать так, чтоб никого по своему следу не навести… А ты знаешь, как раньше люди жили? Ты видел когда железные двери? Железные двери в склеп, где мертвые лежат? Я видел. Сил унести не было, а так… сидел бы я тут.

– Повезло мне, что у тебя сил не хватило, – сказал Марк.

– Значит, повезло, – согласился я. Мне было очень интересно, попросит мальчик взять его в подручные или нет? Я бы на его месте – попросил. Точнее, я в свое время – попросил.

– А почему ты мне это рассказываешь, Ильмар?

– Это не тайна, Марк. И я не один такой, может, удачливее других – вот и все. Ну, знаю кое-что полезное. Языки древние, например.

Мальчишка молчал. Сейчас он сидел, подтянув колени к груди, опустив на них подбородок, и, казалось, о чем-то глубоко задумался. Лицо у него умное, даже под размазанной слезами грязью. Если попросится в подручные… а ведь возьму, точно возьму! Смышленый, не подлый, да еще со Словом. Знай я Слово – ох, что бы тогда было! Сбил бы железные ворота с петель, коснулся, да и отправил в Холод. А потом…

Меня обожгло припоздалой мыслью.

– Марк, мальчик, а можешь ты еще что-нибудь в Холод спрятать?

Он грустно посмотрел на меня. Словно я сказал ужасную глупость, отрывая его от важного дела:

– Кирпичик железный?

– Например. Можно не один.

– Нет, Ильмар. Честное слово, нет, Слово не то. – Он улыбнулся, то ли своему незамысловатому каламбуру, то ли моей огорченной физиономии. Будем считать, что каламбуру.

– Тяжело тащить?

– Да нет, что ты. На Слово можно что угодно подвесить, разницы не чувствуешь. Дело в том, какое Слово.

– Понятно. У тебя – слабое.

– Тут не в силе дело, я же говорю. И от Слова зависит, и от человека. Может, кто другой с тем же Словом сумел бы все эти кирпичи…

Марк замолк и съежился под моим взглядом.

А мне пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, вспомнить, что Сестра заповедала, да представить себе ад, куда Искупитель подлецов отправляет.

– Знаешь что, Марк… Пойдем мы, пожалуй. Подальше от этих кирпичиков.

Я встал сам, помог подняться мальчишке. Ступал он уже неплохо, может, с перепугу, но не морщась.

– Только если нас поймают… не ляпни стражникам про Слово, – посоветовал я. – Видел я однажды мужика, из которого Слово пытали…

– Ильмар…

Вытащив факел – тот уже начал потрескивать и чадить, я посмотрел на Марка. За эти мгновения мальчишка словно повзрослел года на три.

– Спасибо тебе, Ильмар. Пусть Сестра тебя отблагодарит. А я никогда не забуду. Что хочешь для тебя сделаю, Искупителем клянусь!

Я не стал ловить его на клятве и просить Слово. Вместо того потрепал по плечу и стал подниматься по лесенке. Кинжал я взял в зубы, опасливо поджав язык. Полезная предосторожность, от многих бед избавляет.

Еще бы и Марк это понял…

Марк шел сзади, с факелом. Он хромал и оттого шумел, но шел довольно быстро. А я крался впереди, вне круга света. Бесшумно, никто не учует. Если вдруг есть в доме засада – кинутся на мальчишку, тут и настанет черед кинжалу поработать.

Но никого в доме не было. Видно, сработали мои уловки. Отбил крысиный помет нюх собакам, замела ветка следы. Двинулись стражники по улице, уткнулись в арык, да и решили, что по воде мы ушли…

У дверей я дождался Марка. Молча забрал факел, затоптал. Крепко взял мальчика за руку и повел за собой. Темно было, очень темно, луну тучи закрыли, Опять спасибо Сестре. В темноте мне любой стражник не помеха. Для меня – едва контуры домов проступают, а для солдат – непроглядная темень.

– Хорошо складывается, – прошептал я на ухо Марку. – Теперь в горы пойдем. Там отсидимся – неделю, две… да и двинемся к порту. Морякам приработок не лишний будет. Заплатим – укроют, отвезут.

Марк замотал головой:

– Нет! Нельзя в горы!

– Это еще почему? Меня боишься?

– Нет… Ильмар, меня искать будут!

– Неделю, не больше. Солдатам дел больше нет, как по горам…

– Ильмар, милый! – Он схватил меня за руку, впился ногтями до боли. – Ты же умный! Поверь! Я на каторгу по ошибке попал… как поймут в чем дело, пошлют за мной! И тогда весь остров перероют, горы снесут, шахты наизнанку вывернут… Ильмар, поверь!

От такого напора я остолбенел. А Марк все цеплялся за меня и шептал не переставая:

– Ты же хорошо людей понимаешь, я вижу. Так подумай, правду я говорю или нет!

– А сам-то ты себя понимаешь? Ну с чего тебя искать будут?

Марк тихонько застонал. Безнадежно сказал:

– Ну вот…

Я закрыл ему рот ладонью – уж очень голос повысил. Спросил:

– Мальчик, а что делать прикажешь? Солдат всех перерезать да власть на островах держать? Корабль штурмом взять, да черный флаг на мачте выкинуть? Планёр в крепости захватить да улететь как птицы?

– Можно и планёр.

– А летуна попросим, чтобы вез куда надо?

– Я сам поведу. Я умею.

– Да ты с ума съехал… – Я легонько тряхнул мальчишку. – Планёры водить лет семь учатся, лучшие из лучших! Это тебе не из пулевика стрелять, это наука тонкая, ее и в Доме не всякий знает!

– Я знаю!

– Марк. – Я постарался, чтобы в голосе сейчас появилась вся строгость, от природы отпущенная, и несложно это было сделать, честно скажу. – Я дурью страдать не намерен и голову в петлю не суну. Не хочешь в горы – уходи куда знаешь. Нож я тебе… нет, нож не отдам. Тебя не спасет, мне поможет. А в остальном преград не ставлю. Решай.

Он всхлипнул.

– Марк, говори!

– Я… я пойду… с тобой.

– Вот и хорошо. Умный мальчик. Идем.

Двинулись мы по улице, и Марк сразу затих. Не стал на слезы сил тратить и шуметь не стал. У меня даже подозрение закралось, что все всхлипы были для того, чтобы меня растрогать.

Нет уж, дружок. Я не злой, видит Искупитель. Даже добрый, наверное. Но по глупости умирать не собираюсь.

В горах нас никто не достанет, и с голоду там не пропадешь – в холмах кроликов, как на болоте комаров. Холода тоже бояться нечего, Печальные Острова – они теплые, не чета материку. Отсидимся в горах, доберемся до побережья, найдем корабль с жадным капитаном, вернемся домой. Поумнеет парнишка, так и впрямь не брошу, пристрою к лысому Жаку или Пейсаху-иудею. Все хорошо будет. Если уж Сестра с этапа вытащила, так теперь…

Слишком я расслабился. И почуял засаду шагов за двадцать, хотя должен был за пятьдесят. Впрочем, и засада была хороша – застыли недвижно у стены три силуэта, два побольше, один поменьше. Молча, без болтовни, без курева. То ли новобранцы ретивые, то ли опытные служаки.

Я застыл, сжал ладонь Марка до боли. Мальчишка понял, замер.

Вот ведь незадача. Они нас пока не слышали, может, задремали все же? Но не ровен час… треснет щепка под ногой пацана, откроет он рот…

Очень медленно я подхватил Марка под коленки, поднял на руки. Его шагу я не доверял, лучше уж за двоих прошагаю.

Только бы молчал, погодил с вопросами!

Марк словно онемел. Даже дышать перестал. Молодец. И вот это его понимание, готовность довериться меня и подвели. Вместо того чтобы сразу отступить, я решил пройти мимо дозора. За кольцо облавы вырвемся – легче будет. Поутру стражники доложат, что никто мимо не проходил, значит, станут развалины прочесывать. А мы уже далеко!

И я шагнул вперед. Бесшумно, не подвели ботинки на дорогом заморском каучуке, и все навыки разом вернулись, и мальчик застыл, цепляясь мне за шею, съежившись, будто стараясь полегче стать.

Вот только тот силуэт, что поменьше, шелохнулся – и залаял!

Дурак!

Я дурак!

Конечно, кто же наряжает в ночь дозор из трех человек, по караульному уставу положено посылать двоих с собакой!

– Кто идет! – рявкнули от стены. Голос был совсем не сонный, прокуренный, крепкий. Не салага-новобранец, опытный стражник там сидел.

Уже не таясь, я поставил Марка на землю, толкнул за спину, выхватил кинжал.

– Взять их, Хан!

Все правильно, как еще свирепую русскую овчарку назвать, как не Ханом…

Черная тень метнулась к нам, я вытянул вперед руки с кинжалом. Когда между нами оставалось шагов пять, пес прыгнул, норовя вцепиться в горло, как учили.

Вот только я уже присел, вскидывая руки, ловя беззащитное собачье брюхо на стальное острие.

Пес взвыл, когда металл вспорол ему живот. Инерция прыжка была велика, и ударил я хорошо. А уж к заточке лезвия никто бы не придрался. Вспорол я пса от горла до кобелиных достоинств, меня окатило кровью, словно небеса разверзлись. Пес перелетел через меня, сбил с ног Марка, задергался – но уже в предсмертных конвульсиях. Мальчишка вскрикнул, но не от боли, от испуга, разницу тут сразу чувствуешь.

– Сукины дети, душегубцы! – заорал стражник. Видно, понял, что с его псом случилось, и остервенел. – На клочки разорву!

Все бы ничего, в темноте он бы мигом отправился свою собаку догонять, вот только второй стражник время даром не терял.

Зашуршало, и ночь расступилась под светом новомодной карбидной лампы, ярче которой и у высокородных ничего не водится.

Оказались мы перед стражниками как на ладони – я с кинжалом, весь в крови, и Марк, по земле от дергающегося пса отползающий.

– Оба тут! – сказал стражник с фонарем. Голос был не испуганный и не злой, а это хуже всего. Еще и лампа у них оказалась не с зеркалом, что только в одну сторону светит, а круговая – не вырвешься из света. Стражник поставил фонарь и потянулся к поясу.

Сверкнули палаши. Хорошие палаши – пусть и не стальные, и не такие острые, как мой кинжал, да только длиннее его раза в четыре.

Они оба на меня двинулись – видно, поняли, что Марк им не помеха. А может, еще почему… стражник с фонарем напомнил товарищу, быстро и коротко:

– Пацана не тронь, награда…

Это что же такое, братцы-воры, не за меня – Ильмара Скользкого, о котором по всей Державе лихая слава идет, – за маленького бастарда награда назначена!

Я начал отступать, отведя кинжал к плечу, к броску изготовившись. На миг-другой это их сдержит. Без кинжала я добыча легкая, только тому, кто первый вперед шагнет, от этого не легче.

– Эй, шваль…

Марк, согнувшись, стоял над затихшей собакой. И голос у него был… правильный голос, настоящего аристократа, которому глупый стражник на улице дорогу заступил. Солдаты вздрогнули и невольно повернулись.

Руки у мальчишки почему-то были во вспоротом собачьем брюхе. Он распрямился, сжимая ладони – лодочкой, прости Сестра! – взмахнул ими – как детишки, играющие и брызгающиеся в воде.

Густая, темная собачья кровь плеснула в лицо стражникам. Вот уж чего они не ожидали – так это умыться кровью.

– А… – как-то глупо и растерянно сказал стражник, который спустил на нас пса. А в следующий миг обида перестала его занимать – я прыгнул вперед и дотянулся клинком до шейной артерии. Что там брызги собачьей крови… теперь он в своей был с ног до головы.

Второго стражника я ударить не успел. Он отступил, умело прикрываясь палашом, не тратя времени на напрасную атаку. Только теперь силы были неравные – он один, а нас двое. И мальчишку он больше со счетов не сбрасывал, не решался к нему спиной повернуться. Так и пятился, отступая, ловя взглядом кинжал в моей руке. Взгляды наши встретились, и в его глазах я прочитал страх. Достаточный для того, чтобы рискнуть нагнуться и вынуть из мертвых рук палаш.

– Брось оружие, – сказал я. – Слово Ильмара – не трону!

Я бы его и впрямь пощадил. Если бы оружие кинул и рассказал все, что знал – где другие посты, сколько человек нас ловит, что за награда обещана за Марка, – связал бы да и оставил в развалинах судьбы дожидаться.

Только стражник не поверил. Пятился, сколько мог, а потом развернулся и бросился бежать, на ходу что-то из кармана доставая. В запале мне померещилось, что это ручной пулевик.

Ножи метать я умею. Самое воровское оружие, что уж тут говорить. К этому кинжалу я еще не привык, да и не пробовал его метать. Но баланс был правильный, кровь кипела в горячке драки, и я решился.

Кинжал вошел ему под лопатку, и стражник кулем рухнул. Лежал, подергивался, но ноги его уже не слушались.

– Одиннадцать предателей… – выругался я. Посмотрел на Марка – хотелось на ком-то сорвать злость.

– Я же говорил, не надо в горы, – быстро сказал мальчишка. И я опомнился. Все верно, это я выбрал дорогу. Да и в схватке Марк себя показал настоящим мужчиной, а не высокородным сопляком. До такого додуматься… кровью из собачьих потрохов глаза врагам залить.

– Спасибо, Марк, – сказал я. – Снова я твой должник.

Мальчик посмотрел на собаку. Попросил:

– Дай палаш, Ильмар.

Я подошел, протянул ему оружие. Марк нагнулся и одним взмахом перерубил собаке горло.

Правильно. Пес еще жив, просто оцепенел от боли. Нечего ему мучиться. Он-то не виноват.

С голыми руками я пошел к стражнику. Тот отчаянным усилием перевернулся на бок. Посмотрел на меня, скривился в злой ухмылке… и поднял руку с короткой трубочкой.

Нет, это был не пулевик. Ракета сигнальная. С самозапалом. Стражник последним усилием сжал трубку, и в небо с воем взмыла огненная стрела. У меня все внутри похолодело – я запрокинул голову и увидел, как над городом расцвела алая звезда. Ракета визжала еще секунд пять, потом разорвалась красивым карнавальным дождем.

Я нагнулся над стражником, оперся на одно колено, с запоздалым ужасом понимая, что подожди он, пока я приближусь, да направь ракету мне в живот – все. Отбегался бы Ильмар. Стал бы не Скользким, а Жареным.

Видно, и впрямь он был хорошим стражником. Предпочел не с убийцей своим поквитаться, а сигнал подать.

– Конец тебе, душегуб, – прошептал стражник. – Линкор завтра в гавань входит… десант высокородный весь остров прочешет. Нахлебаешься кровушки…

– Не ври перед смертью, – сказал я, чувствуя противный холодок по хребту. – Ради двух каторжников аристократ зад от кресла не подымет…

Стражник осклабился жуткой предсмертной ухмылкой и закрыл глаза.

Вот тебе и восьмой из дюжины, Ильмар. Видишь, как Искупитель с небес грустно смотрит? Скоро он вздохнет, да и отвернется…

– Если Серые Жилеты за остров возьмутся, тут мышиной норы неучтенной не останется, – сказал Марк из-за спины.

Я повернулся:

– Ты что, веришь ему? Орлы мух не ловят, преторианцы за каторжниками не охотятся!

– А что еще за линкор с десантом? – Мальчишка остался невозмутимым. – Серебряные Пики на Кавказе, хану руссийскому помогают…

Я вспомнил собачий прыжок и невольно вздрогнул.

– Золотые Подковы – в столице, Медные Шлемы из Лондона не выведены, неспокойно там. Только Серые Жилеты и остаются.

О лучших преторианских частях Дома Марк рассуждал с такой небрежностью, как я мог бы вспоминать подружек, сидя за кружкой пива в кабаке. Галина на юг поехала, Джуди опять замуж вышла, Натали болеет, одна только толстушка Мари готова Ильмара утешить…

– Да не станут аристократы…

Я замолчал. Марк смотрел мне в глаза – виновато и безнадежно. Он тоже понимал, что такое Серые Жилеты – не щеголи для парадов и почетных караулов, вроде Золотых Подков, а подлинная боевая сила Дома, каждый со Словом, каждый с пулевиком, пороху понюхавшие, кровушки попившие, и в огонь и в воду готовые, не ради денег – что им, высокородным, деньги, – ради славы…

Может быть, Марк понимал это лучше меня.

– Чего ты натворил, парень? – спросил я.

– Вор я, Ильмар Скользкий. Вор, как и ты. Только то, что я украл, дорого стоит. Очень дорого.

И на этот раз я ему поверил. Перевернул тело, выдернул из спины стражника нож, обтер о мундир, протянул мальчишке.

– Возьми. Я палаш прихвачу.

– Зря я к тебе навязался, – вдруг сказал Марк. – Знаешь, Ильмар, разделиться нам надо. Если Серые Жилеты меня раньше схватят, то за тобой гоняться не станут. Отсидишься, да и уйдешь.

Секунду я размышлял, нет ли в его словах чего дельного. Потом покачал головой. Даже если и впрямь – главная охота за Марком, меня все равно в покое не оставят. От такого конфуза, как высадка на остров высокородных преторианцев, стражники с ума сойдут. Им тоже сил хватит горы перетрясти и шахты вывернуть.

– Вместе уйдем, – сказал я. – Обшарь карманы у того стражника.

Марк спорить не стал. А вместо того прикоснулся к мертвому телу и сказал:

– Беру его смерть на себя, Искупитель.

Я раскрыл было рот, но промолчал. Поздно уже. Чего теперь. Имел Марк такое право, как-никак мы вместе сражались.

А мне все же полегче. Семь – не восемь. Чувствовал я, что еще придется пролить кровь на проклятых Печальных Островах.

Глава четвертая,
в которой я решаю, какая смерть веселее, но мне ничего не нравится

Эх, если бы не Серые Жилеты! Уйти сейчас в холмы, и никакие стражники не успеют на сигнальную ракету. Но теперь… это все равно что при пожаре в дальний угол забиться, чтобы попозже поджариться.

При пожаре бежать надо. Бежать, пусть даже сквозь огонь – пока не разгорелся как следует.

Я снял со стражника плотную зеленую куртку, надел вместо своей. В карманах ничего хорошего не оказалось. У второго Марк нашел три маленькие медные монетки и еще одну сигнальную ракету. Ни еды, ни карты… да зачем им карта, если они на Островах годами живут, все закоулки знают?

Фонарь брать не стали, я просто потушил его, чтобы не облегчать врагам работы. Велел:

– Пошли. Хватит медлить.

Марк вопросительно смотрел на меня. Я вздохнул:

– Нет, не в горы. К порту идем. Вдруг да повезет?

– На корабль?

– Пошли, времени нет!

Как стража посты расставила, я примерно представлял. На всякий случай прикинул по самому тревожному расписанию – когда офицеры с пеной у рта бегают, комендант оплеухи налево-направо раздает, сержанты пинками солдат гоняют. Сеточка была плотная, но не настолько, чтобы не прошмыгнуть. Если бы еще один пост заметить, совсем спокойно бы шли…

Отошли мы метров на сто, когда мимо нас, затаившихся в переулке, прогрохотали сапоги. Бежали четверо, к счастью – без собак, двое с фонарями, яркие лучики скользили по развалинам. Я прикинул направление, время, и мы свернули правее. Вовремя – как раз успели разминуться с еще одним нарядом. Эти были с собакой. Хорошо, что их азарт передался псу, и тот нас не учуял.

Ох, сейчас станет тяжко. Найдут тела – озвереют вконец. Из самой опасной зоны мы, правда, выбрались, и затянутые силки поймали лишь пустоту. Зато и развалины кончились, потянулись трущобы. Кое-где в окнах горел свет. Хорошо хоть по улицам никто не шастал, все укрылись за крепкими дверями… беглых каторжников боятся. Это значит – нас. Я поглядывал на Марка. В неверном жиденьком свете лицо казалось бледным, но губы сжаты твердо, и глаза живые. Хорошо держится. Я решил, что можно особо за него не беспокоиться.

Мы уже почти до порта добрались, когда с окраины с визгом взмыли сигнальные ракеты. Три красные, желтая, а потом еще красная.

– Армейским кодом сигналят, – шепнул я мальчишке. – «Дозор потерян, враг не обнаружен».

Марк промолчал.

– Постой здесь, – велел я. – Если услышишь шум… ну, шум – ничего. А вот если после шума минут десять пройдет, а меня не будет – уходи. Куда хочешь уходи, Сестра тебе в помощь. Чуть-чуть я позапираюсь, потом все выложу, уж не серчай.

Мальчик кивнул, и дальше я пошел один. Место у него было удобное, за толстыми колоннами, поддерживающими полукруглый балкон, в полной тьме. Искать тут не станут, а случайно не увидят.

Я собирался присмотреть корабль, что готовится в море выйти, и приметить, как к нему добраться. Вся надежда у нас была – укрыться в трюме да выйти уже в море. Тогда, может, и столкуемся с капитаном. Была у меня на материке еще заначка, на черный день берег, но куда уж чернее?

Вот только все мои надежды рухнули, когда я выбрался к набережной и посмотрел на порт. Сердце в пятки рухнуло и пот прошиб.

Весь порт был яркими огнями опоясан. Прямо на земле расставили карбидные фонари, у каждого солдат сидел, да еще несколько патрулей прохаживалось. И корабли в гавани стояли, вытравив канаты на всю длину, и тоже в огнях, как на тезоименитстве главы Дома, и матросы на палубах.

Они и не таились ничуть. Вовсе не для того порт оцепили, чтобы нас поймать, – понимали, что мелкая рыбка в любой сети прореху найдет. Отпугивали они нас от порта, вот как. Ясно давали понять – не подходи, ничего здесь не выйдет.

– Сестра-Покровительница… – прошептал я. – За что же так? А? Разве я последний гад на земле? Разве заветов не чту?

Молчала Сестра. То ли не хотела помочь, то ли не могла. Говорят же – Сестра всем помогает, только кому больше, кому меньше.

Вот, видно, и для меня настало меньше.

За минуту в голову двадцать безумных планов пришло, и все оказались недостаточно безумными. Не пройти. Никак. Не проползти по канавам, не проплыть вдоль берега, не пройти в одежде мирного гражданина или стражника.

Конец.

В порт не пробиться, а завтра придет к острову линкор… тут-то потеха и начнется. Выйдут на берег высокородные, в своих жилетах серого металла, что и пулей-то не пробить, выведут лошадей, привыкших и по горам лазить, и по болотам плестись. Выгонят всех жителей из домов, с собаками прочешут остров…

Тихонько застонав, я двинулся обратно. Это что ж такое! Откуда такой переполох, такое рвение? И почему комендант готов из рук славу нашей поимки выпустить, лишь бы совсем не упустить? Словно не о почестях речь идет, а о том, чтобы голову сохранить!

Марк ждал меня под балконом. Молча выступил навстречу, взял за руку, прижался на миг. Я почувствовал, что сердце у него колотится. Волновался, значит.

– Плохо дело, – честно сказал я. – Порт оцеплен, не пройти. Стражи – как блох на псе. Да и псов хватает… Приплыли мы, Марк. Видно, не стоило дергаться… в руднике тоже живут.

– Если в каком-нибудь доме укрыться? – спросил Марк.

– Отсрочка. Только отсрочка.

Мы стояли во тьме, прижавшись голова к голове и шепчась. Два неудачливых беглеца, успевших к тому же руки кровью обагрить.

Самая пора себя пожалеть.

– Ничего, Ильмара так легко не возьмешь, – сказал я, даже не Марку, а себе самому.

– Много солдат в порту?

– Очень много.

– А город плотно оцеплен?

– От души.

– Тогда кто в форте?

Я заглянул мальчику в глаза. Глаза были злые и упрямые.

– Да я и не знаю толком, есть ли тут планёры. Тем более – дальние.

– Один точно есть. Как бы еще в гарнизоне узнали, кто я?

Прикрыв глаза, я начал вспоминать, не маячил ли на воде быстроходный военный клипер. Вроде бы нет. Значит, по воде нас никто догнать не мог.

– В одной сказке говорится, как лиса спряталась от собаки в конуре. Даже если планёра нет – укроемся в форте. Уж там они нас искать не будут.

А вот это было такое безумие, что оно мне понравилось.

– В сказках люди на небо по бобовому стеблю забираются! – буркнул я для порядка.

Но из всего, что мы могли сделать, поход в форт оставался единственным шансом. Пусть даже совсем крошечным.

– Только бы до света успеть, – сказал я. – Как нога?

– Болит, но несильно. Ты не бойся, Ильмар, я помехой не стану. Надо – так побегу.

– Надо будет, так ты у меня птичкой полетишь.

Я сдался.

Может, когда раньше и был форт неприступной крепостью. Сам Ушаков-паша Острова осаждал, и кипела здесь настоящая схватка. Только теперь форт осады не боялся, стены у него остались лишь с двух сторон, остальные снесли для удобства застройки; служил он просто здоровенной каменной казармой для трех сотен стражников. И сейчас, когда почти все они по городу бегали да порт охраняли, пройти в него было легче легкого.

На дороге, что вела на утесы, пост, конечно, стоял. Трое солдат-новобранцев сидели в кругу света от фонаря да в карты играли. У меня глаза на лоб полезли от такой беспечности. Тоже отпугивают, как в порту?

Обошли мы их легко, по крутому, заросшему жимолостью склону. Дул ровный бриз, кусты так шумели, что можно было и верхом, не таясь, проехать. Вышли снова на дорогу – хорошую, каменную, широкую. И тут меня сомнение взяло. Пост – это не дозор, собаки ему не положено. Собаки по острову бегают. Это как раз понятно. А все же откуда такое разгильдяйство, при тревоге-то, да у начальства под боком?.. Я снова оставил Марка одного и прошел вперед.

Верно. Был и второй пост. Двое солдат с офицером – в темноте блеснул ствол пулевика. Полчаса я за ними наблюдал, уже и небо чуть светлеть начало, пока не уверился, что и секрет обойти можно. Расслабились они под утро, задремывать стали. Я вернулся за Марком, и мы тихо прокрались мимо караула.

Сколько же времени? Часов пять утра, наверное. Еще часок нам обеспечен – хорошо, что небо тучами затянуто. А дальше все. Рассвет, солдаты в казармы начнут возвращаться, так и возьмут нас.

– Планёрная площадка за стеной, – шепнул я Марку. – Так сделаем… глянем, есть ли что, да и будем искать ухоронку. Может, жратву удастся своровать…

Марк меня и не слушал. Смотрел на развилку – одна дорога к самому форту вела, к казармам и комендантскому дому; другая к ровной площадке на утесе, где планёры садились. Напряжен он был как струна. Долго так пацану не выдержать.

Впрочем, и я не железный.

– Давай попробуем, Ильмар, – сказал он вполголоса. – Клянусь, я сумею планёр поднять.

– А посадить сумеешь?

– Должен.

Ничего я еще для себя не решил. Спрятаться в форту – безумие, но безумие правильное, самое подходящее для Скользкого Ильмара. А вот довериться мальчишке, что грозится планёр в воздух поднять, – я столько не выпью.

Но почему бы не поискать укрытие на планёрной площадке?

– Идем.

Дальше постов совсем не было. Видно, и впрямь, все в городе, раз такие места не охраняют.

А в общем-то чего планёры охранять? Кому они подвластны, кроме летунов высокородных?

Площадка была велика, занимала почти столько же места, как и сам форт. Да и труда в нее вложили немало – камень стесали ровнее, чем площадь перед графским дворцом. Идешь, ног не чуешь, как на льду. Только в отличие ото льда подошвы не скользят, камень ровный, но шершавый. Эх, сколько же каторжников здесь судьбу проклинали, киркой да ломом гранит ковыряя, на карачках ползая, шлифуя и выравнивая?.. На краю площадки, ближе к форту, высилось несколько строений, мы обошли их стороной.

А планёры и впрямь были. Целых три. Два поменьше, чехлами брезентовыми укрытые, один большой, без чехла. Марк сразу потянул меня к нему, и я послушно двинулся следом. Проснулось любопытство… даже если помирать, так хоть погляжу на чудо из чудес, перед которым все на свете меркнет.

Планёр казался птицей. Огромной птицей, расправившей крылья, да и замершей устало, не решаясь взлететь. С каждым шагом меня брала робость. Казалось, что исполинское тело сейчас дрогнет, повернет к нам острый клюв кабины и разразится насмешливым клекотом. Я даже не заметил, что шепчу молитву Искупителю, во всех грехах каюсь да приношения обещаю.

А Марк шел вперед.

Лишь рядом с планёром я чуть успокоился. Живого в нем было не больше, чем в телеге. Крылья оказались из дерева, из тонких, решеткой переплетенных планок, обтянутых плотной, глянцевой – будто лаком покрытой, материей. Все разукрашено большими яркими аквилами и иными эмблемами. Впереди – маленькая застекленная кабина. Высокий раздвоенный хвост – тоже из дерева и ткани, все это подрагивало на ветру и тонко, жалобно стонало. Под кабиной была закреплена длинная труба, охваченная серыми металлическими обручами. Планёр держали крепкие веревки, иначе он давно бы укатился в пропасть на своих колесиках.

– Дальний, – сказал Марк. – Дальний планёр. Вот как они узнали, Ильмар. Говорил я тебе – пошлют нам вслед планёр… повезло, наш корабль его опередил.

– Значит, ты Сестре люб. – Я чувствовал, что мне надо сказать что-то правильное и лишенное мистики. Избавиться от сказочных страхов перед планёром.

Мальчишка уже лез в кабину. Я заглянул туда – два деревянных креслица, таких хлипких, не понять, как и держатся, перед передним – рычаги, педали, тяги на тросах. На доске – несколько циферблатов – механические часы, вроде бы барометр, компас да еще что-то. Стрелки и цифры на приборах были покрыты фосфором и таинственно мерцали. Все остеклено, только потолок из туго натянутой ткани, но тоже с окошечком в деревянной раме.

Марк посидел миг в кресле, озираясь. Потом потянулся в Холод – и дал мне зажигалку.

– Подсвети, Ильмар. Только осторожно, планёр горит как спичка.

Я стал светить. Зажигалка быстро нагрелась, серебро обжигало пальцы, но я терпел. Марк внимательно разглядывал приборы.

– Туши, – наконец сказал он.

Он откинулся в кресле – при его маленьком росте оно было даже удобным. Вздохнул.

– Можно попробовать. Не струсишь, Ильмар?

И до меня стало доходить – мальчишка вполне серьезен. Он собирается поднять планёр в воздух и улететь на материк.

Сестра, вразуми дурака! Отсюда – до материка! Над морем! Такое не всякому летуну под силу!

– Когда штаны будешь сушить, спроси, не струсил ли я!

Ну кто меня за язык тянет! Дать Марку по шее, да и пойти на поиски укрытия!

– Тогда посвети еще.

Я послушался, хоть зажигалка еще и не остыла. Марк между тем запустил руку под кресло. Поискал там, покачал головой. Перегнулся назад, обшарил второе кресло. Посмотрел под доской с циферблатами – я послушно вел зажигалку вслед за его лицом.

– Карт нет, – тихо сказал Марк. – Беда. Карт нет, и…

Он уставился на приборную доску. Я проследил его взгляд.

Циферблаты, рычажки… Круглая дырка, из которой торчали два стальных штыря.

– И запала нет… – устало добавил Марк.

– Не полетим?

– До материка не долетим.

– Ну так пошли, живо!

– Подожди.

Марк выскользнул из кабины. Безнадежно глянул на другие планёры, покачал головой. Потом его взгляд вновь обрел твердость.

– Летун нужен. Ильмар, пошли.

Летун?

Это мне понравилось.

Нет, Марку веры нет, не может он планёром управлять. А вот если настоящему летуну нож к горлу приставить да потребовать крепко…

– Светает уже, – напомнил я. – В форт лезть…

– Летун далеко от машины не уйдет. Надо в тех домиках посмотреть.

Тоже мне – машина! Деревяшки да парусина. Видел я настоящие машины – насос паровой, что из шахты воду откачивает, главную машину оружейного завода, от которой сто ремней ведет, и каждый станок вертит.

Вот это – машины. Котел размером с карету. Десять кочегаров уголь таскают. Пар ревет, колеса крутятся. Шатуны бронзовые ходят, блестят смазкой.

А планёр, хоть и не суеверный я, скорее на колдовскую штуку походит…

И все же я послушно шел за Марком. Голова у него работает, и сейчас его наивная отвага – полезнее моей осторожности.

Два строения были без окон, большие, хоть планёр в них загоняй. Марк их миновал, не взглянув даже. А третье – просто домик, аккуратный, но небольшой. Может, для обслуги, может, для поста. Да разве станет высокородный летун в таком ночевать? Он лучшую комнату форта займет, коменданта из постели выгонит…

Марк потянул дверь и беспомощно посмотрел на меня. Ага, мальчик. Заперто?

Я протянул руку – он без слов дал кинжал и получил в обмен зажигалку.

– Свет, – шепнул я.

Теперь Марк светил, а я работал. Замок был простенький, халтурный. Я провернул механизм, даже не выбив ключ, вставленный изнутри. Подергал дверь – так, еще засов.

Засов не поддавался. И щели не было, чтобы клинком отодвинуть.

– Никак? – одними губами спросил Марк.

– Зачем человеку голова дана? – так же тихо спросил я.

– Чтобы рукам было меньше работы.

– А руки зачем, знаешь? Чтобы не думать там, где думать не надо…

Я отошел шагов на пять. Еще раз окинул домик взглядом.

Нет, не может тут быть крепкого засова. Никто не ожидал, что придется в домишке осаду выдерживать.

Разбежавшись, я ударил в дверь плечом. Задвижка звякнула, выдирая гвозди, дверь распахнулась. Кубарем вкатившись внутрь, я вскочил – Марк, умница, заскочил следом, подсвечивая. Нормальному человеку от жалкого язычка огня пользы никакой, а я разглядел шкафы, грубую лавку, кадку с водой, вторую дверь. Пнул ее ногой – распахнулась.

А вот в этой комнате живут. Раздался шорох, испуганный вскрик. Марк уже заглядывал следом. Я скорее почувствовал, чем увидел движение, прыгнул, навалился, нащупал горло и прижал к коже кинжал. Человек испуганно затих. Страшно оно – просыпаться с ножом у горла.

– Лампу ищи! – крикнул я. Марк заметался по комнате, зажигалка погасла. Ойкнул, налетев на что-то. – На столе ищи! – уже спокойнее добавил я. В комнате явно больше никого не было, лишние секунды роли не играли.

Наконец-то звякнуло стекло, зашипел разгорающийся фитиль. Не карбидный фонарь, керосинка…

Я посмотрел на своего пленного.

Вот незадача!

Не летун – молодая девица.

Застонав от досады, я убрал нож, сел на краю постели. Девушка сжалась у стены, натянув одеяло до подбородка. Хорошенькая. Светловолосая, волосы в косу заплетены, по модному руссийскому обычаю, мягкое голое плечо белой кожей светится.

– Не бойся, – сказал я. Посмотрел на Марка, зачарованно глядящего на девицу: – Нет фарта, мальчик. Нет.

Девица всхлипнула.

– Где летун? – спросил я строго, но без грубости.

– В форт пошел… комендант его позвал…

Голос приятный. Гулящая девка, а ведь еще не затертая, свеженькая и соблазнительная. Куревом не балуется, с солдатами не спит. Расстарался комендант ради высокородного летуна.

– Давно?

– Нет… шум был… – Она всхлипнула. – Не убивайте меня, люди добрые, ради Искупителя – не убивайте. Я вам обоим хорошо сделаю, я умею…

– Спасибо на добром слове. – Я хмуро улыбнулся. – Когда голова в петле, о забавах не думаешь. Да не хнычь ты, не трону.

Марк оторвался наконец от созерцания голого плечика, пошел по комнате, словно вынюхивая что-то. В шкаф заглянул, потом вдруг к диванчику у стены метнулся, вскинул в руке голубые тряпки.

– Ильмар, форма!

– Так. – На этот раз моя улыбка была совсем не мирной. – А что, летун голый к коменданту пошел?

– Только плащ накинул…

Девка разревелась, не хуже чем Марк накануне. Ох, у детей да у женщин всегда глаза на мокром месте…

– Ильмар, ты погляди, – очень спокойно сказал Марк.

До меня дошло не сразу. А уж когда дошло, то пришлось глазами поморгать, прежде чем я им поверил.

– А что, подружка, – спросил я. – Летун-то твой в юбке ходит?

Словно кистенем по морде отвесили!

Я и заметить не успел, как девица из-под одеяла кулаком замахнулась. Откуда такая сила… да такой навык… на два метра от кровати меня унесло. Лежал я на полу, кинжал, правда, не выпустив, и никак подняться не мог.

А девушка – девицей или девкой ее назвать больше язык не поворачивался, уж больно зубы болели, – стояла у кровати. Голая, красивая и быстрая, словно не спала вовсе. Один взгляд на меня – и рванулась к Марку. Мальчишка так и застыл, таращась, наверное, не приходилось ему еще голых женщин видеть. Сейчас и ему достанется. Только он от такого удара напрочь сознания лишится…

Марк ускользнул. В последний миг, так же ловко, как девушка. Юбкой взмахнул, набросил ей на голову, да и отскочил к стене. Девушка в окно влетела – чудо, что стекло не разбилось. Через миг оба они стояли в хитрых позах, и было это одинаково смешно, потому что никогда раньше я не видел ребенка, который бы русское або знал, а уж голая женщина в стойке задиристого петуха – ничего смешнее на свете нет.

– Не сопротивляйся, мальчик, – процедила девица. – Никуда тебе не деться больше.

Он молчал, то ли дыхание берег, то ли на движении ее ловил.

Я помотал головой и стал подыматься.

– Тебе мало? – не поворачивая головы спросила девушка. – Остынь, вор, не за тобой охота.

Может, и не за мной, верю теперь. Только когда охота медведя гонит, лисой случайной тоже не побрезгуют.

– Лицом к стене стань да ноги раздвинь, – сказал я. – Не бойся, не трахну… даже бить не стану.

Чего я хотел, того и добился. Вновь она на меня развернулась да и бросилась в атаку. Ну и фурия! Чисто черная дикарка, из тех что в цирках выступают, в грязи друг с другом бьются… только ее бой куда страшнее. Русское або – вещь страшная, оно не для обороны придумано, для убийства.

Об этом я и думал, когда задирать ее начал. Если хороший удар або пропустишь – можно и не подняться. Зато и поймать бойца або в атаке – одно удовольствие.

Налетела она на мой кулак – что уж тут поделать, руки у меня длиннее, а ловкостью Покровительница не обделила. А дальше я полный ряд провел – от подсечки под колено до удара в пах. На мужиков, конечно, рассчитано, только и ей несладко пришлось.

Прости, Сестра, но ты же сама видишь – не женщина это, а дикий зверь!

Сел я ей на живот, будто собирался снасильничать по-обидному, прижал покрепче и сказал Марку:

– Кидай сюда ее тряпки. Только карманы проверь.

Мальчишка повиновался. Я заглянул девушке в глаза, удовлетворенно кивнул. Пропала из них вся уверенность.

Неужто и впрямь считала, что может с мужиком в честном бою сладить?

– Одевайся… летунья, – сказал я, поднимаясь. Быстренько так, пока не опомнилась, а то достанет таким же ударом, как я ее. – Не срамись перед мальчишкой.

Марк ухмыльнулся. Он весь был в горячке драки, а глаза все равно нет-нет да и стреляли по голому телу.

– А ты отвернись, – велел я. – Нечего позорить девушку, не душегуб…

– Чего я тут не видел, – огрызнулся Марк, но все же отвернулся к окну. В стекле все отражалось, но я спорить не стал. Уж больно опасная девица, глаз да глаз нужен.

Всхлипывая – снова за старое взялась, только теперь меня не проведешь, девушка встала. Глянула мне в глаза:

– И ты отвернись!

Я засмеялся в голос, и она молча стала одеваться. Мне сейчас было не до ее прелестей. Многие на девицах залетают, особенно сразу, как с каторги вырвутся. Вмиг голову теряют, и насильничать готовы, и воровать без ума, лишь бы на девку заработать.

– Нужно нам кое-что от тебя, летунья, – сказал я. – Дашь – свяжем, но не тронем. А нет… прости, только все равно боли не выдержишь.

Она молчала, застегивая небесно-голубой жакет. Форма у летунов – как праздничная одежда. Голубые шелка, медные пуговицы, белые кружевные оторочки. Даже теплые чулки – в тон, из белой и голубой шерсти. Знаки различия на форме незнакомые, летунские – в виде серебряных птичек. На мужиках все это, пожалуй, слишком помпезно, а вот на девушке – заглядеться!

– А нужна нам карта, – продолжил я. – Сама знаешь, какая. И еще… запал.

Марк повернулся, кивнул.

– Ну и что? – спокойно сказала девушка. Одевшись, она снова вернула уверенность. Может, стоило голой подержать – так спесь-то живо слетает…

– Думай, подруга небесная. – Я подошел, крепко взял за руку. – Драться больше не вздумай, руки переломаю. И спорить не спорь. Давай карту и запал.

Девушка презрительно усмехнулась.

– Как тебя зовут? – резко спросил Марк. Опять тем тоном, каким солдат отвлек.

Она вздрогнула. Ответила, без особой охоты:

– Хелен.

– Романка? – на всякий случай уточнил я. Как будто высокородная летунья может старые корни сохранить. – Так вот, Хелен, выхода у тебя нет. Делай, что велю, будешь жить.

– Жизнь без чести – хуже смерти.

– Это верно. Только чести тебя лишить – дело недолгое.

Хелен пожала плечами. Стояла она прямо, как истинная дама перед провинившимся слугой. А ведь болело у нее сейчас все, что только болеть может.

– Когда дворовый пес гадит на тебя – это не позор. Позор псу под хвостом вытирать.

– Так, значит… – Я разозлился. – Мы для тебя – псы дворовые? Сейчас узнаешь, зачем псам зубы…

– Ильмар…

Марк подошел к нам. Покачал головой:

– Она карты и запал на Слове прячет. И не отдаст. Летунов учат любую боль терпеть… глянь ей на плечи – там следы от игл должны быть.

Хелен яростно сверкнула глазами.

– А что тогда делать, парень?

Конечно, я понимал что. С обрыва вниз головой прыгать, все легче да быстрее помрем.

– Веди ее к планёру.

– Далеко не улетишь, Марк. Запала нет, карт не знаешь.

Хелен вроде и не сомневалась, что поднять планёр в воздух мальчишка сумеет. Я это в уме отложил, но ничего не сказал. Толкнул девушку, повел перед собой, не выпуская руки.

Что он задумал, мой попутчик таинственный?

Если она боли не боится, если подкупить нечем, а разжалобить проще холодный камень?

В полном молчании мы шли к планёру. Беда, беда тяжкая, уже светло стало, уже со стен форта можно нас увидеть – двух каторжников, что высокородную летунью под конвоем ведут. Нет спасения.

Возле планёра Марк ускорил шаг, первым заскочил в кабину. Пояснил:

– Я не знаю, летунья, можешь ли ты весь планёр в Холод спрятать. Только теперь не выйдет.

Хелен молчала.

– Руби тросы, Ильмар! – велел Марк.

Не выпуская Хелен, я обошел планёр. Обрезал веревки, удерживающие его на месте. Планёр стал подергиваться под свежим ветром. Летунья болезненно сморщилась, глянула на меня. Прищурившись, я покачал головой: «Не вздумай».

Она не стала лезть в драку. Мы вернулись к кабине, где вовсю орудовал Марк. Поворачивал рычажки, давил на педали, дергал ручки. Планёр дергался, будто ожил, колебались концы длиннющих крыльев, ходил налево-направо хвост.

– Машину погубите, и сами погибнете, – сказала Хелен.

– Может быть, – согласился Марк. – Только я попробую. Выхода у меня нет.

Может, он надеется летунью тем напугать, что планёр разобьет? Видал я таких героев, что за верного коня готовы свою жизнь отдать…

Хелен посмотрела на меня:

– Он с тобой не полетит. Побоится. Это верная смерть.

Марк глянул виновато. Я ничего не сказал. В животе стало совсем пусто и холодно, захотелось отвести глаза.

– Прости, Ильмар. Но меня-то ты не станешь держать?

– Не стану, – согласился я с облегчением. – Каждый свою смерть сам выбирает.

– Что скажешь, Хелен? – насмешливо спросил Марк.

– Тебе даже с полосы не стронуться! – Она вся подалась вперед, вцепилась в спинку кресла.

– Сдвинусь. Ветер хороший. До воды далеко, может, и выпрямлюсь. Поток восходящий, скажешь, нет?

– Все равно не дотянешь!

– Я попробую, – сказал Марк. И в голосе была такая твердость, что я понял – он полетит. Может, недолго, но полетит.

– Я с тобой, парень, – сказал я онемевшими губами. – Все равно… один конец.

– Дай запал и карты, – потребовал Марк.

– У тебя налета нет, до материка не каждый ас дотянет!

– Конечно, Хелен, Ночная Ведьма… куда мне до тебя. Только я попробую.

Когда он назвал ее Ночной Ведьмой, по лицу девушки скользнула какая-то тень. Смесь гордости и обреченности.

– Не делай этого, Маркус. Вспомни честь!

– Моя честь со мной, капитан! Свою береги.

Вот это да. Женщина – а в чине капитана.

Значит, есть чем гордиться – с высокородным офицером справился, а какого пола – дело уже десятое.

– Разобьешься… – пробормотала Хелен. – Разобьешься, разобьешься…

Она дернулась, стряхнула мою руку, и я не стал ее удерживать. Убивать Марка она никак не собиралась, наоборот, тряслась за его жизнь. И мысль, что мальчишка разобьется, пугала ее больше собственной судьбы.

– Садись сзади, Ильмар, – велел Марк… Маркус. – А ты гляди, Хелен, как твоя птичка летать умеет.

Отстранив девушку, я полез на заднее кресло. Сестра, Сестра, образумь, что ж я делаю? Хоть часок бы еще пожить… рассвет встретить, с оружием в руках смерть принять… Мысли в голове метались, будто певчие сверчки в клетке, руки противно тряслись, на лице проступил пот. И все же я забрался в тесную клетку кабины, скорчился на втором сиденье, просунув ноги под кресло летуна, на решетчатый деревянный пол.

– Втроем точно не дотянуть, – мертвым голосом сказала Хелен. – Пусть он вылезет. Я… я поведу.

Марк обернулся.

Что же это, значит, погибать? Не мне судьба покровительствовала, а мальчику-бастарду? Унесется он сейчас на планёре с Печальных Островов, а мне расхлебывать?

Марк улыбнулся во всю перемазанную физиономию. Подмигнул, и страх, что меня бросят, вновь сменился ужасом перед полетом.

– Втроем полетим, Хелен. И не спорь.

Даже не дожидаясь ответа, он полез ко мне, плюхнулся на колени, заерзал, пытаясь устроиться удобнее.

Ночная Ведьма, летунья Хелен, обреченно посмотрела по сторонам. Будто надеялась увидеть толпу солдат, что навалятся на хрупкий планёр, не дадут ему взлететь.

Но никого не было на летной площадке.

– Искупитель… – прошептала она. Глянула на небо. И решительно полезла на переднее сиденье.

Мы с Марком затихли. Не было все же у нас полной уверенности, что она смирилась.

Дохнуло холодом. В руках Хелен возник маленький железный цилиндрик. Она не глядя всадила его в пустующее гнездо на доске с приборами.

Марк обмяк у меня на коленях. Задышал часто, словно до того от напряжения сдерживал дыхание.

Еще один порыв холода – зашуршала бумага, Хелен прижала к боковому стеклу несколько листков, щелкнула пружинным зажимом. Произнесла:

– Это смерть. Еще никто с таким грузом до материка не летал. Даже на «фальконе».

– А ты попробуй, Хелен. Я тебе верю, – без всякой насмешки сказал Марк.

Что ж, по крайней мере не один помру. Вместе перед Искупителем встанем, за грехи отчитываться.

Хелен впереди возилась с рычагами. Похоже, все самое необходимое сделал Марк – ее руки то и дело замирали на полпути.

– Держитесь, – сказала она наконец и дернула что-то на доске.

Сзади взревело. Я в ужасе обернулся.

– Не бойся, Ильмар, не бойся, это ракетный толкач, чтобы скорость набрать, без него трудно подняться, – торопливо сказал Марк. – Только не дергайся, не качай планёр.

Рев нарастал. Сквозь заднее стекло я видел, что из хвоста планёра вырывается сноп дымного огня. Не загореться бы… но они же все так летают… наверное, по уму сделано…

Планёр дрогнул и покатился вперед. Очень резко, видно, колеса на тормозах стояли, а теперь Хелен их отпустила.

– Спаси, Искупитель! – вскрикнула летунья.

Я закрыл глаза и начал молиться Сестре. Кому молился Марк – не знаю. Может, и никому. Только и ему было страшно: он обхватил меня, зарылся лицом в грудь.

– Не бойся… – прошептал я, не открывая глаз. Как он управлять планёром собирался, если так боится? Или притворяется, своим страхом меня в чувство приводит, чтобы не начал метаться, не сломал хрупкую кабину?

Открыв один глаз, я увидел, как несется навстречу край обрыва. А еще увидел взмывающие над фортом сигнальные ракеты. Заметили. Поняли.

Только поздно.

Под нами мелькнуло море.

Вот и все…

Или еще нет?

Планёр дрожал, бился в судорогах, сзади ревел «ракетный толкач», о котором говорил Марк. Неужели та дурацкая бочка с обручами – ракета? Как в сказке про барона Мюнхгаузена, что на ракете в Китай слетал…

А море неслось под нами и не думало приближаться. Наоборот, мы поднимались все выше. Хелен застыла впереди мраморным изваянием, руки ее вцепились в рычаги.

Я открыл второй глаз. Посмотрел на Марка. Тот слабо улыбнулся. Прошептал – я прочел по губам: «Не бойся».

Ах ты маленький паршивец! Вовсе тебе не страшно, ты меня успокаиваешь!

– Спасибо, – сказал я, надеясь, что он услышит.

Глава пятая,
в которой нам салютует линкор, а мы ему отвечаем

Ко всему можно привыкнуть.

Даже к тому, что летишь как птица… да нет, быстрее и выше любой птицы. Я по-прежнему был в испарине, и к горлу подпирал комок, но на смену паническому оцепенению пришла какая-то бесшабашная болтливость.

– Эй, Ночная Ведьма! А пожрать у тебя ничего не найдется?

На миг Хелен повернула голову, одарила меня ненавидящим, хоть и удивленным взглядом. Снова уставилась на свои приборы.

Марк заерзал. Крикнул:

– Сбрасывай толкач!

– Ты меня еще рожать поучи, – презрительно откликнулась летунья. Я подумал, что рожать-то ей вряд ли доводилось, судя по крепкому животику, и поддержал мальчишку:

– Давай, делай что велят!

На этот раз она ответила:

– Будь ты один – сама бы планёр в воду воткнула. Но мальчишку я довезу… попробую… молчал бы, душегуб.

– Я честный вор, – обиделся я.

– Сбрасывай толкач! – снова сказал Марк. Он был испуган. – Хвост подпалим!

Хелен помедлила еще миг. Потом рванула один из рычагов. Планёр дернулся, рев мигом стих, и я увидел в окно, как падает, кувыркаясь, дымящийся цилиндр. Вот была здоровая длинная труба, вот он превратился в карандаш, а вот уже точка несется к волнам, рассыпая искры и оставляя дымную полосу.

Мне снова стало жутко. Я ощутил высоту.

– Только не паникуй! – Марк говорил слишком громко, еще не оценив наступившей тишины. Хелен презрительно глянула на меня – и это помогло. Пацан не боится, женщина не боится, один я трястись буду?

Нет.

Решимости хватило на минуту, в течение которой я разглядывал светлеющее небо, оранжевую полосу восхода и убеждал себя в надежности планёра. Потом я почувствовал, как он клюет носом, словно лодка на крутой волне. Хелен впереди дергала рычаги, мы то заваливались на крыло, то проваливались в бездонную яму. Море и небо мелькали в окнах, будто решили шутки ради местами сменяться. Меня бы давно уже стошнило, не будь желудок безнадежно пуст. Я вцепился в спинку переднего кресла, и тонкое дерево затрещало.

– Утихомирь его! – бросила Хелен. – Быстро!

– Вниз, ведьма! – завопил я. – Са… сажай… я… убью!

Марк впился в меня, попытался придавить к креслу. Какой там… я толкнул его так, что мальчишка спиной уперся в матерчатый потолок. Дрожащая под напором ветра ткань захрустела, разрываясь. Марк дико закричал.

Это меня отрезвило. Не то чтобы страх совсем пропал, но на миг я о нем забыл. Глаза у Марка от ужаса стали круглыми, пальцы закаменели на моих плечах. Я рывком прижал его к себе, обнял. Холодный ветер хлестал по лицу, врываясь в кабину.

– Поворачиваю к острову, – сказала Хелен. – Сейчас сядем.

Марк ничего не ответил – краткий миг, когда он торчал из планёра спиной наружу, убил все его мужество. Поэтому я выдернул из-за пояса нож и коснулся шеи летуньи.

– Мы летим к материку. Слышишь?

Планёр по-прежнему дергался из стороны в сторону. Хелен молчала.

– И хватит пугать, – добавил я. – Да, мне страшно! Только вбей в свою красивую головку – на остров я не вернусь. Прирежу тебя, если обратно повернешь. Ясно?

Теперь планёр летел ровно. Неуловимыми движениями рук Хелен направляла его на верный курс. И высоту мы перестали терять, опять поползли вверх, в полной тишине, и это было страшно, но в то же время прекрасно. Лишь ветер хлестал в прорванную обшивку.

– Спрячь кинжал, – сказал я Марку. Тот взял нож и убрал в Холод – без единого слова, как во сне, еще не отошел от страха. Что-то я побаиваться стал оружия в своих руках – тем более в такой ненадежной штуке, как планёр. От ветра слезились глаза, Хелен тревожно оглядывалась на прореху.

– Есть у тебя иголка с ниткой? – спросил я ее.

– Под креслом, – быстро ответила летунья. – Аккуратно шей.

Я похлопал Марка по щеке – он слабо улыбнулся, приходя в себя. Пробормотал:

– Спасибо.

– За что спасибо, дурачок, я же сам тебя чуть не выпихнул…

– За то, что опомнился.

Пошарив под креслом, я и впрямь нашел – порезанным день назад пальцем, не везет же ему, – воткнутую в чехольчик сиденья кривую парусную иглу с вдетой нитью. Вовремя – материя медленно расползалась под напором ветра. Марк забрал у меня иглу и стал неумело стягивать прореху. Над кабиной ткань лаком не покрыта, но все равно проколоть трудно.

– Края крепи, – посоветовал я. – Вначале края, потом все зашьем.

Небо светлело. Мы летели навстречу восходу, планёр больше не трясся, а будто по невидимым волнам скользил. Я покосился налево, направо, вверх глянул. Небо самое обычное, словно и не летим, ничуть ближе не стало.

Вроде бы я окончательно опомнился. Страх сжался в груди, затаился, давил на сердце, но все-таки не превращался в панику. Марк терпеливо трудился, прореха уже была почти затянута.

– Гнилая твоя машина, летунья, – сказал я. – Неужели покрепче не могли сделать? Деревом обшить…

– Ты еще предложи из железа планёры строить, – фыркнула Хелен, не оборачиваясь. Я понял, что сказал глупость, и перестал срамиться, замолчал. Ясное дело, она же говорила: планёр большой вес поднять не может…

– Ильмар… – сказал вдруг Марк, тихо, на выдохе. – Глянь налево…

Я посмотрел – и вздрогнул. По свинцовым волнам полз, рассекая острым носом воду, линкор. Даже с высоты он казался громадным… неужели эти точки на палубе – люди?

– «Сын Грома», – сказал Марк. Странное что-то прозвучало в его голосе – гордость пополам с тоской.

Паруса на корабле были спущены, значит, он под машиной. Из трех высоких труб валил черно-бурый дым, линкор шел на полном ходу. Это с небесной выси кажется, что он медленный и неуклюжий, а на самом-то деле таран волны режет, вода бурлит за кормой, и от материка до Островов корабль за два-три дня дойдет, особенно если ветер попутный дунет. Палуба у корабля была деревянная, выскобленная добела, а вот борта обшиты золотом до самой ватер-

линии. Дом небось и на железо бы не поскупился для лучшего корабля Державы, но проржавеет такой корабль.

– Какой сигнал приветствия? – вдруг спросил Марк. Хелен молчала. – Качни крыльями! Быстро!

Она повернула голову. Зло улыбнулась Марку.

– Умный ты, жаль, что дурак. Качну, не бойся. Корабль первым сигналить должен.

Над бортом встал дымок – ударила пушка. Холостым вроде.

Планёр качнулся, Хелен ответила на приветствие. Было в этом что-то титаническое, божественное, выше мелких людских забот. Плывущий по океану гигантский корабль, могучий и величественный, и несущийся над ним планёр – хрупкий, презревший тупую силу ради быстроты и легкости.

Вот в такую минуту даже вор вроде меня гордость испытывает – за Дом, за Державу, за гений человеческий.

И в то же время – смешно. Я, тать нощной, планёр угнал, и мне же преторианский линкор салютует…

– Сколько лететь будем? – спросил Марк у Хелен.

– Если повезет – часов пять.

– А если нет?

– Падать здесь и минуты хватит.

Нет. Не буду больше пугаться.

Раскинувшись поудобнее, сколько позволила теснота, я снова спросил:

– Хелен, так есть у тебя что из еды или нет?

– Неужели аппетит проснулся? – съязвила она.

– Сутки я не ел, сладкая моя.

– Мной подавишься, – фыркнула летунья. Помолчала, потом неохотно сказала: – Сзади… на твоем кресле – карман сзади.

Мы с Марком столкнулись руками, выдирая из кармана тугой пакет.

– Не трясите планёр, обжоры! – крикнула летунья. Какой там! Нам теперь все равно было, мы до еды дорвались. Не слишком много в пакете нашлось – пара засохших бутербродов с сыром, яблоко, апельсин, половинка жареной курицы, стеклянная фляжка. Смололи мы все вмиг, и я себя на том поймал, что очень не хочется делиться с Марком поровну… мальчишка ведь, ему меньше надо…

Тьфу ты, ну почему натура человеческая такая мелочная? Как с каторги убегать – я из-за мальчишки шеей рискую! Как ухоронка с железом или куриная лапа – от жадности корчусь!

– Бери. – Я отдал Марку надкушенный вместе с кожурой апельсин. Словно наказывал сам себя.

Мальчишка спорить не стал, жадно слопал фрукт. А я откупорил фляжку, нюхнул…

Эх, Галлия, земля щедрая! Коньячок из лучших, таким и аристократ не побрезгует! Сивухой не прет, язык не обжигает, а в животе словно костер развели, тепленький, ласковый.

Хмелеть я начал тут же, на третьем глотке. На пустой желудок, да хорошего коньяка – много ли надо?

– Будешь? – дружелюбно спросил я Марка.

– Угу. – Он сделал маленький глоток, поморщился, вернул фляжку. Виновато признался: – Я вино больше люблю.

– А ты, летунья?

Сейчас я весь мир любил.

– Жить надоело? – отрезала Хелен.

Ну, не хочет, как хочет. Может, и впрямь, не стоит пьяному хитрой механикой управлять.

Через минуту меня потянуло в сон. Марка тоже сморило. Какое-то время мы возились, пытаясь устроиться удобнее на крошечном сиденье. Хоть мальчишка и худой, но уже не такой маленький, чтобы на коленках его держать. Эх, маловат планёр… будет ли когда такое, что планёры размером с линкор над океаном понесутся? Я бы слетал. Дело нехитрое, когда летун умелый: сиди, держись крепче, слушай, как ветер парусиновые крылья треплет…

Дважды я просыпался – так, на миг, когда планёр начинал кружить в поисках попутного ветра. Один раз заметил, что солнце в спину светит, и схватил Хелен за плечо:

– Куда летишь, ведьма!

Она вздрогнула:

– Поток ищу! Успокойся, вор, на Острова нам уже не вернуться, не тот ветер!

Марк открыл глаза, протянул руку, взял карты. Вглядывался в них минуту, потом вернул Хелен.

– Все правильно, Ильмар…

И тут же заснул снова.

Правильно так правильно. Я уснул. Мне снилось, что мы снова взлетаем с острова, ревет ракетный толкач, только это уже было не страшно, наоборот, я сам сижу на переднем креслице, дергаю рычаги, и матерчатая птица послушно взмахивает огромными крыльями…

– Маркус! Ильмар! Маркус!

Проснулись мы вместе. Колени у меня затекли, не разогнуть… вот незадача, будто Марк, уснув, потяжелел чуть не вдвое.

– Плавать умеете? – отрывисто спросила Хелен.

Впереди тянулись скалы. Берег! Сестра-Покровительница, и вправду – берег! И не какой-нибудь там остров, Европа впереди, Держава…

Вот только море было под нами. Совсем рядом. Казалось, что пенные брызги с верхушек волн вот-вот захлестнут планёр и утянут за собой, на дно.

– Толкач включай! – закричал Марк. – Хелен, толкач!

– Я его час назад сожгла, – хмуро отозвалась летунья. – Крепко же ты спал, мальчик…

Значит, не примерещился мне рев ракетный…

– До берега доплывешь? – спросила Хелен.

– Нет, – ответил я. – Ноги затекли.

– О тебе речи нет, дурила, – отозвалась девушка. – Маркус, доплывешь?

До берега с милю еще было, и я головой покачал. Никому тут не доплыть, вода холодная, море бурное.

– Нет, Хелен, – спокойно сказал Марк. – Не доплыву я. Тяни уж… Ночная Ведьма. Звездный час твой пришел… сама ведь знаешь, чего я стою.

Она обожгла его разъяренным взглядом. И снова в свои рычаги впилась. А планёр дергался, носом клевал, все ниже и ниже клонился.

Когда с острова взлетали, я того боялся, что море далеко. Теперь – вот как все повернулось! – наоборот. Убиться-то мы не убьемся, наверное. Только внизу – буруны да камни, а впереди – обрыв да водяные валы, дробящиеся о скалы в пыль. Изломает планёр, и из кабины не выберемся. А и выберемся – не доплывем до берега. А и доплывем – прибой нипочем живыми не отпустит.

– Тяни, ну тяни же, Хелен! – крикнул Марк. – Как в Далмации тянула, когда зажгли тебя! Тяни, Ночная Ведьма! Прошу тебя!

Девушка молчала, вся в свою механику ушла, будто частью планёра стала. И пусть мне самому было страшно, но не восхититься ею я не мог.

Неужто и впрямь она из тех летунов, что в горах воевали, бомбы на головы гайдукам бросали? У нее же, наверное, Железный Орел с венком за храбрость, особой аудиенции с Вла-

детелем удостоена… Тяни, Хелен, тяни свою машину! Никогда больше тебя ногой по животу не ударю, клянусь! Только долети до берега! Сестра, Сестра-Покровительница, глянь на меня, пропадаю! Искупитель, дай время повиниться, много зла на мне, не успею все вспомнить, пока тонуть буду!

Планёр уж было совсем к воде прижался, и Хелен такое словечко выдала, что не всякий мужик решится повторить. И словно того дожидаясь, планёр вдруг вверх подался, тяжело, но все же вверх! Правду, видно, говорят русские, что черное слово беду прочь гонит!

– Давай! – радостно крикнул Марк.

Скалы надвигались, и летели мы на одном с ними уровне. Высокий берег, больно уж высокий. Неужели врежемся в камень?

Но, видно, не зря Хелен славу имела!

Перед самыми скалами, когда, казалось, я уже листики на кустах случайных различал да ополоумевших чаек, над гнездами мечущихся, вздернула она машину, будто норовистого коня перед барьером. И не подвел планёр, перемахнул скалы, чиркнул брюхом по земле, захрустело дерево, затрещали колеса на буграх. Помчались мы, еще быстро, но уже по тверди, и планёр на ходу рассыпался, нас, драгоценных, оберегая, стекла в окошках бились и сыпались – я Марка к себе прижал, лицо от осколков укрывая, и сам зажмурился. А Хелен впереди ругалась по-черному и плакала навзрыд при каждом треске – все это в те короткие миги, пока мы останавливались.

Только в таких слезах я ее никогда не упрекну. Летуны не зря у Дома в чести, это я накрепко понял. И водить планёр – куда большее умение и храбрость нужны, чем по полю боя на пулевики скорострельные ходить…

Небо-то какое далекое…

Лежал я, присыпанный деревом и стеклом вперемешку, пол-лица тряпка оторвавшаяся прикрывала. Только одним глазом и мог смотреть вверх. А пошевелиться страшно. Ног не чую. Неужели хребет сломал и теперь доживать калекой? Кому безногий вор нужен? Только палачу…

Не дело, видно, людям по небу летать. Совсем не дело.

– Ильмар!

Марк стащил с моего лица тряпку – я даже разглядел на ней шов и ухмыльнулся тому, что торопливая штопка пережила планёр. Мальчишка вроде ничуть не пострадал, стоял прямо, лишь на ногу чуть припадал, но это еще с Островов, это ничего…

– Ты как?

– Ног не чую, – пожаловался я. – Конец мне, парень. Вот оно как… летать…

Марк задумчиво смотрел на меня. Потом сообщил:

– Ты вроде не обделался…

– Да ты в своем уме! – рассвирепел я. – Чего несешь!

– Когда позвоночник ломают, то под себя ходят, – сообщил Марк. – Пошевели ногой.

Я попробовал, но ничего не ощутил.

– Нога шевелится, – сказал Марк.

Приподнявшись на локтях, я глянул на ноги. Напрягся.

И впрямь – двигаются.

– Как же так, словно немые… – прошептал я.

Мальчишка вдруг засмеялся:

– Ильмар… да я же у тебя на коленках четыре часа просидел… отдавил тебе ноги. Пройдет!

– Тьфу ты…

Встать не получилось, зато я сел. Ноги и впрямь начало покалывать.

– Отъел задницу, – абсолютно несправедливо ругнулся я на мальчишку. – Где летунья?

– Вон…

Хелен сидела в стороне. Левая рука у нее была замотана в самодельный лубок, она как раз затягивала зубами последний узел.

– Поломалась немного, – пояснил Марк. – Да не беда, главное – живы.

– Тебе все не беда, сам-то целехонек…

Я огляделся. Вокруг, метров на сто, не вру, валялись обломки планёра. Здесь, наверху, берег был довольно ровный, абсолютно пустынный. Пригорки, песок, редкие чахлые кустики. Шум моря под обрывом позади почти не слышен.

– Хелен! – крикнул я. Летунья обернулась. – Спасибо!

Она непонимающе смотрела на меня.

– Хелен, ты посмелее любого мужика! – сказал я. – И поискуснее. Спасибо, что жизнь спасла, что в панику не ударилась. Может, я и вор презренный, только все равно буду за тебя Сестру с Искупителем молить!

Девушка дернула плечами. Ее голубая форма была вся изорвана, блузку большей частью она на лубок пустила… и все же ей явно понравились слова.

– Плохая я летунья, Ильмар-вор. Планёр разбила. Знаешь, сколько планёр стоит?

Откуда же мне знать. Много, наверное. Я за всю жизнь, может, столько не украду…

– Хорошая ты летунья, Хелен. Спасибо.

– А ведь ты к Виго тянула, Ночная Ведьма, – вдруг сказал Марк. – К гарнизону планёрному. Потому мы едва не сгибли!

– Уж очень ты смышленый, Маркус, – откликнулась Хелен.

Мальчишка усмехнулся. Он очень спокойный был, и даже чумазое лицо, грязная одежда, рваные штаны не могли скрыть этой уверенности.

– Мы где-то вблизи Байоны упали, – сказал Марк. – Знакомые места?

– Не пропадем, – успокоил я его. – Доберемся до города, отъедимся… ветчину тут хорошо готовят, переоденемся. Будь спокоен, я тебя не брошу.

Что-то меня тревожило. Не так все шло. Совсем не так, как я думал.

– А деньги откуда? Воровать будешь?

Я помедлил, но все же полез рукой в карман и достал увесистый железный слиток.

– Сукин сын! – закричала Хелен. – Лишний вес тащил!

На эти слова я не отозвался. Невелик вес. Зато хватит денег домой добираться.

Марк улыбнулся, глядя на железо. Конечно, он не заметил, как я прихватил его из купеческой ухоронки.

– Встать можешь, Ильмар?

Я попробовал.

– Нет пока. Да не стой ты, парень, помоги ноги растереть…

– Не можешь – это хорошо, – вдруг сказал Марк.

Глаза у него были виноватые, но не слишком.

– А ноги ты сам разотрешь. Ладно? Мне пора, Ильмар-вор. Спасибо тебе за все, теперь разойдемся.

У меня челюсть отвисла.

Хелен захохотала, откидывая голову. Радостно и неподдельно.

– И тебе спасибо, Ночная Ведьма, – сказал ей Марк. – Ты и впрямь лучшая из лучших.

– Никуда тебе не деться, Маркус. – Она перестала смеяться. – Все равно ведь схватят. Сам знаешь.

– Знаю, – согласился он.

– Повинись, мальчик. Повинись и сдайся. Дом простит…

– А вот это уже не твое дело, – отрезал Марк. – За себя бойся.

– Ты что же, гаденыш, уходишь? – Ко мне вернулся дар речи. – Я тебя от рудника избавил, а ты бросаешь? Да я тебя придушу, щенок!

Мальчик повел в воздухе рукой. Губы его шелохнулись.

Я первый раз увидел, как лезут в Холод при ярком свете, и так близко.

Просверк – солнечный луч на острие, что выползает из ниоткуда.

Порыв ветра. Холодного ветра.

Марк стоял с кинжалом в руке и смотрел на меня.

– Достойный поступок для мальчика твоей крови, – сказала вдруг Ночная Ведьма. Марк ее будто и не услышал. Протянул мне нож, держа за лезвие, как положено.

– За мое спасение, Ильмар-вор, жалую тебя клинком Дома и титулом графа… – он замялся, – графа Печальных Островов.

Хелен от хохота упала на землю. Ударилась сломанной рукой, застонала, но смеяться не перестала.

– Владей по праву, применяй с честью.

Я машинально взял клинок. Посмотрел на узорную рукоять, на протравленное лезвие.

И впрямь – герб Дома. Аквила – орел, парящий с мечом в лапах.

Неужто Марк так родовит, что с малолетства вправе титулы жаловать?

– Прощай, Ильмар-вор.

Марк повернулся и пошел. Спина все же напряженная была, будто боялся он, что метну кинжал. Но шел ровно и не спеша. По песку, через кусты, все дальше и дальше.

– Граф Ильмар, позволено ли будет бедной летунье присесть в вашем присутствии?

Хелен стояла надо мной, слегка согнувшись в насмешливом поклоне.

– Хозяин Печальных Островов, почему вы так спешно покинули свои ленные владения?

Она не удержалась, снова прыснула, как молоденькая глупая девчонка. Уселась рядом, сказала почти ласково:

– Граф… Граф-вор.

– Не смейся, летунья, – сказал я. – Все воры. И графы тоже. А над больным смеяться – последнее дело. Тебе руку сломало, мальчишке ум растрясло…

Хелен покачала головой:

– Ты не прав, граф Ильмар. Есть у него право дворянство жаловать. По крайней мере было. Только особо не радуйся, титул с тебя мигом снимут…

– Титул не снимают, – огрызнулся я, будто принял слова о дворянстве всерьез.

– Еще как снимают. Вместе с головой. Давай разотру тебе ноги.

Я молча спустил штаны, и Хелен принялась здоровой рукой массировать голени. Без брезгливости, не морща нос от грязи и пота.

Она и не такую грязь повидала, наверное.

– Он что, столь высокороден? – спросил я.

– А ты даже не знаешь, кто твой дружок? – Хелен хихикнула. – Ох, какие графы нынче необразованные… Высокороден, не сомневайся. Колет ноги?

– Колет.

– Хорошо. Сейчас за мальчишкой двинемся.

– Зачем?

Хелен вздохнула:

– Возьмем живым, так и ты жить останешься. И не просто жить, а с титулом. Я скажу, будто ты с самого начала мне помогал. Слово чести!

Кажется, она не шутила. Да и не шутят высокородные с честью.

– Нет. Пусть идет. Мы с ним вместе бежали, он за меня смерть в вину взял. Не стану я его ловить, Ночная Ведьма.

– Я особо и не надеялась, – просто ответила Хелен.

– Сама беги… если хочешь.

– Не могу. Тоже зашибла ноги, Ильмар. Из меня сейчас ловец… как из тебя граф.

– Давай тоже разотру, летунья…

Потянулся было к ней я, опомнился и замер. Мы уставились друг на друга.

– Это от страха, – сказала Хелен. – От страха всегда так. Хочется… жизни радоваться.

Я провел ладонью по гладкой белой коже. Спросил:

– Ну и как, летунья, рады мы жизни?

Секунду она колебалась. Зрачки у нее расширились, губы дрогнули:

– Рады… граф.

И черные женщины у меня были, и китаянки. А вот высокородных – никогда. Происхождением не вышел. И все дружки, что про любовниц-графинь рассказывали, врали напропалую, это уж без сомнения.

Одно обидно – не меня она хотела, а жизнь в себе почувствовать.

И не Ильмару-вору отдалась, а Ильмару-графу. Пускай даже графу на час.

А так… как с черными. Вначале непривычно, а потом видишь – женщина как женщина.

Страстная она оказалась, будто ее год в одиночной камере продержали, да еще со связанными руками. Только и я – от пережитого, от свободы нахлынувшей, от тюремного воздержания был грубый как насильник.

Кажется, именно это ей и понравилось.

Потом я лег рядом, положил Хелен руку на упругий животик, посмотрел искоса. Довольна? Довольна.

А вот у меня настоящего удовлетворения не было. Так… одно облегчение да сладкая усталость.

Будто не по правде все, а сон любовный приснился.

– Ноги-то разошлись? – спросила Хелен. – У меня вроде да. Даже рука меньше болит.

Она улыбалась, а мне вдруг противно стало. Что же это, я для нее лекарством послужил? Поднялся – ноги и впрямь слушались, стал одеваться.

– Не сердись, Ильмар, – сказала летунья. – Злая я сейчас. Маркуса упустила, планёр разбила. Перед Домом ответ держать…

– Пошли со мной, – сказал я. – Выбираться вдвоем легче.

Хелен облизнула губы.

– Ты иди, Ильмар-вор. И быстрее иди. Здесь пост есть, башня стоит неподалеку.

– Какая башня?

– Наша башня, летунов. Погоду изучать, ветра. Карты там составляют, чтобы летать над побережьем. Они планёр должны были увидеть, вышлют сюда конный разъезд. Ты уходи на север, к Виго. Я не скажу, куда ты пошел.

Вот оно как.

Судьба у вора – простая. Хватай да беги. О друзьях не думай, девиц выбирай на час.

– И на том спасибо, Хелен.

Кинжал я за пояс спрятал. Может, я теперь и граф, только все одно – Слова не знаю.

– Удачи тебе, вор Ильмар.

– Какой удачи, Ночная Ведьма?

– Тебе теперь жизнь сохранить – вот и вся удача. Забейся в щель, да и живи тихонечко. Кинжал лучше выброс в море, слишком вещь приметная.

– Вор Ильмар подумает, – сказал я.

Хелен улыбнулась мне с земли. Она по-прежнему лежала нагая, не стесняясь… хотя чего уж теперь стесняться? Красивая, умная и, как всегда, не моя.

Отвернулся я и захромал потихоньку на север, к Байону, к Виго. Ноги еще слушались плохо.

Но все же Хелен была права – разошлась кровь в жилах.
Испытанный, видно, способ.

Часть вторая
Веселый город

Глава первая,
в которой меня трижды называют дураком, а я и не спорю

Осень – она всюду осень. Даже на солнечной лузитанской земле. А уж в веселом вольном городе Амстердаме – тем более.

Холодно нынче. И дождь накрапывает, мелкий, противный. Две недели прошло, как я с Печальных Островов удрал… из ленного своего владения – посмеемся-ка вместе. За полмесяца всю Державу с юга на север пересечь – занятие утомительное. Даже если превращенный в денежки железный слиток позволил путешествовать с комфортом: в одежде торговца, на быстрых дилижансах во втором, а то и в первом классе. И отсыпался я не под кустом, не в притонах бандитских, а в хороших гостиницах, что нынче вдоль дорог как грибы растут. Отъелся, даже раздобрел немного. В зеркало посмотреть – не жесткая грязная морда каторжника, а благообразный лик мирного гражданина. Чем-то на священника похож. Надо будет запомнить для случая.

Почему же я себя чувствую дурак дураком?

Вот сейчас, например, когда стою перед «Оленьим Рогом», охотничьим ресторанчиком, который не только блюдами своими славен. Стою и пялюсь на плакат, уже от дождей посеревший и разлохматившийся. Всю дорогу я эти плакаты вижу, от самого Бордо, а все равно – не могу мимо пройти.

На плакате – в хорошей типографии сделанном, немалых денег стоящем, – два рисунка. Один – угрюмый тощий мужик с лицом душегуба, с гладко выскобленным подбородком. Над портретом написано «Ильмар-вор», но только никто меня в этом уроде не узнает.

Дело-то, в общем, нехитрое, когда тонкости знаешь. Как перед тюремным рисовальщиком усесться, как уголки рта опустить, щеки втянуть, брови нахмурить, глаза сощурить. Все по чуть-чуть, а в итоге – ничего похожего. Рисовальщик, конечно, тоже все эти приемы знает, но он один, а каторжников много, и каждого запечатлеть надо на случай побега, и у каждого свои способы обмануть наметанный глаз. Прикрикнет рисовальщик раз, другой, ты вроде и послушаешься, а все равно толку с такого портрета нет.

Вот он я, стою перед плакатом, призывающим меня поймать и обещающим награду в тысячу стальных марок! Ну, добрые граждане, кто первый?

Мимо все идут. Романским языком написано – «Ильмар-вор». А перед плакатом стоит вальяжный господин в дорогом плаще и сапогах мягкой кожи, сразу видно – из тех, что к высокородным вхож. Это в Байоне меня схватили бы, едва лица сравнив. К счастью, не было тогда еще плакатов, не успела Хелен, Ночная Ведьма, рассказать, кто с каторги бежал.

А вот второй рисунок – первому не чета. Марк на нем как живой, и не быстрой кистью усталого рисовальщика набросан, а опытным гравером прорисован черточка в черточку. Недавний совсем портрет, мне сразу видно. Когда мальчишка на этап попал, он еще ничуть повзрослеть не успел. Одежонка, конечно, на портрете не та, хоть и не передаст гравюра, несмотря на мастерство печатника, все богатство камзола, шитого золотой и стальной нитью вперебивку. Блеск перстней драгоценных на тонкой кисти, что эфес меча обхватывает, тоже лишь угадать можно. А от взгляда – томно-усталого, повелевающего, на Печальных Островах одно только упрямство и осталось.

Только все равно похож. Один в один.

Над портретом тоже надпись: «Маркус, младший принц Дома».

Аристократы бывшими не бывают, потому здесь этого слова нет. А следовало бы, раз весь Дом, от Владетеля нашего, Клавдия, до последнего захудалого барона призывают схватить Маркуса, аристократа тринадцати лет от роду, пусть младшего, но все же принца…

И ведь даже имя не сменил, паршивец! Марком и назывался. Имя обычное, и то, что так принца зовут, никого не насторожило. Но все равно – какова наглость!

– Почему их до сих пор не схватили?

Я посмотрел на стоящего рядом. Вполне благополучный бюргер. Потому и со мной заговорил, что решил – ровня. С короткой бородкой вроде моей, что для маскировки отпущена, лицо как будто благопристойное, но дряблое, жизнью пожеванное. На груди висит золоченая подковка магнита с прилипшими железными дробинками. Модное украшение, показушное. Может, конечно, магнит на самом деле и не магнит, а простое золото, а то и вовсе медяшка, к которой дробинки приклеены… дробинкам цена грош, а вот подковка такая немало стоит.

– И не говорите, уважаемый, – согласился я. – Безобразие. «Виновен в тяжких преступлениях против Дома и общественного покоя. Доставить только живым. Награда – пятьдесят тысяч стальных марок, прощение всех прежних грехов и дворянский чин от барона до графа, в зависимости от изначального благородства ловца».

Гражданин даже облизнулся и закивал.

– Еще тысяча за каторжника, – мечтательно сказал он. – Всего, значит, пятьдесят одна тысяча стальных…

Он будто невзначай коснулся подковки магнита и стал перебирать дробинки, отлепляя их и снова сажая на невидимую привязь. Значит, настоящее украшение. А хозяин его – позер, каких мало…

– Каторжника можно мертвым, – поддержал я. – Все легче.

– Не говорите, милый друг. Только где их теперь сыщешь?

Я вздохнул:

– Да, любезный. А не знаете ли вы, вкусно ли кормят в этом ресторане?

Бюргер скосил глаза на вывеску. Кивнул:

– Вкусно. Но если в карманах звенит глухо, лучше мимо пройти.

– Пожалуй, рискну, – задумчиво произнес я. – Успехов вам, уважаемый. Если поймаете преступников – позовите меня, помогу награду нести.

Досада, обращенная на себя самого, требовала хотя бы такого выхода. Гражданин заулыбался и кивнул:

– Не премину. И прошу о той же любезности.

Довольный и моим, и своим остроумием, достойный житель вольного города продолжил свой путь. А я и впрямь вошел в «Олений Рог». В карманах у меня было не глухое золото, а звонкая сталь и серебро, цены не пугали.

Впрочем, я сюда не есть пришел.

Зал в ресторанчике небольшой, зато во все стороны открываются двери кабинетов. Туда не только еду могут подать, а еще и девочек-мальчиков. Амстердам в этом отношении город очень либеральный, сюда даже из Руссийского Ханства развлекаться ездят. Три молоденькие девицы как раз танцевали посреди зала, на маленькой круглой эстраде. Только народ плохо реагировал, время дневное, все, кроме меня, сюда на обед явились. Чиновники-лихоимцы из ближнего порта, таможенники, даже офицер один высокородный сидел в сторонке, прямой и важный, словно копье проглотил. «Олений Рог» – заведение уважаемое.

Тем у воров и ценится.

Подошел я к стойке бара, даже плаща не сняв, монетку бросил, на бутыль с коньяком показал. Ресторанный вийн-майстер, которого всю жизнь здесь помню, глаза поднял, да и захлопал ими.

Узнал.

– Полный бокал «Реми», – сказал я, садясь на высокий стул. – Самого старого «Реми», именно полный… А все остальное, как положено.

Одной рукой мастер бутылку над пузатым бокалом опрокинул, щедро, словно молодое вино, отмерив тридцатилетнего коньяка. А другой под стойкой шнурок звонка дернул. Где-то там, в хозяйском кабинете, сейчас трезвон начался.

Сидел я, потягивая коньяк, закусывая крохотными тартинками с черной икрой и ломтиками вяленой конины, щедро приправленной перцем, по руссийской моде. Никто на меня внимания не обращал. Пришел богатенький бюргер, да и кутит себе потихоньку.

Потом стул рядом под тяжестью вздохнул, и на стойку легла морщинистая рука, вся в перстнях стальных. Вийнмайстер сразу напрягся, превратился в сплошное внимание и готовность услужить.

Одевался господин Нико как самодовольный дурак. Это в жизни помогает, когда тебя дураком считают.

– Воды, – буркнул Нико. Потом, без всякого перехода, ко мне повернулся: – Дурак.

Надо же, словно мысли прочитал.

– Почему же?

– Дурак, что сюда пришел. Неужели читать разучился? Я специально у дверей плакат вывесил… думал, поймешь.

– Неужели сдашь меня, Нико?

Я посмотрел на старика. Ему уже за семьдесят, грузный, неповоротливый, но голова работать только лучше стала.

– Тысяча стальных, Ильмар.

– А вот имя лишнее, – заметил я. – Что тебе тысяча, старик? Узнают ребята, что ты меня сдал, так за год трижды больше потеряешь.

– Ты мои деньги не считай, – оборвал Нико. – Ладно, я не сдам. А слуги?

– Много ли тут слуг осталось, что меня в лицо помнят? – спросил я. – Небось за последнюю неделю всех мало-мальски ненадежных разогнал.

Я подмигнул вийнмайстеру. Он-то точно был надежным. Мастер слегка улыбнулся, кивнул, сдвинул залихватски охотничий берет с пестрым пером.

– Все-то ты знаешь, все-то ты вперед решил. – Нико повздыхал еще, глотнул минеральной из стакана, тяжело встал. Обронил: – Как допьешь… ко мне поднимайся. Сразу бы шел, чего старика гонял? Твоим ногам ступеньки не помеха, а мне… эх, старость…

Нико ушел к себе, поднявшись по винтовой лестнице на второй этаж, где были кабинеты для самых доверенных клиентов и его собственная берлога. Я немного посидел, коньяк смакуя, потом оставил для мастера еще монетку, да и двинулся следом.

Тихо было на втором этаже. Ни стонов притворных, ни свиста кожаных плеток, ни смешков мерзких. Отдыхали все затейники, к ночи готовились.

Я стукнул легонько в дверь – не хватало еще заряд из пулевика в живот получить, входя без стука. Отворил.

Тут было жарко, камин так протопили, будто снег во дворе. Со стены торчали исполинские оленьи рога, давшие когда-то название всему ресторану. В зале такие же к стене прибиты, только эти куда более ветвистые, красивые.

Нико сидел в громадном мягком кресле, одна седая голова над столом торчала. Смотрел на меня задумчиво, и я почему-то понял – в руке у Нико и впрямь пулевик.

– Не будешь ты стрелять, – сказал я. – Ты жадный, конечно, и риск любишь. Только…

– Что «только»?

– Ты еще и любопытный, Нико.

Секунду старик молчал, потом закряхтел, захихикал:

– А что еще мне остается, Ильмар? Икру ложками есть и шампанским запивать? Меня с того пучит. Девочек молоденьких приглашать – так ведь раз в год если что получится… уже праздник. Деньги… с собой не заберу. Что мне, на железный гроб копить? В деревянном теплее, знаешь ли. Искупитель вовсе без гроба остался, и то не жалуется.

Вот такой он и был, Нико, хозяин ресторана и воровского притона, скупщик краденого, подлец и богохульник.

Сволочь, но родная сволочь, и умная.

А мне сейчас и впрямь своего ума не хватало.

– Глянь… – брезгливо сказал Нико, кидая на стол бумажные листки. Я подошел, склонился, глянул. Листовки маленькие, с теми же рисунками и текстами, что на плакате. Только здесь рисунки были цветные. На цветном Марк был вообще как живой, зато я последнее сходство утратил.

– Раскрасили? – полюбопытствовал я.

– Да нет. Говорят, машину печатную сделали, что семью красками печатает. Дорогая штука. Каждый такой листок железную монету стоит.

– И что, их тоже на стены вешали?

– Уважаемым людям раздавали. Капитанам на корабли. Офицерам, а те солдатам показывали. А кое-где и на стенах… в людных местах, чтоб не сорвали. Только все равно посрывали, висит теперь твоя морда в бедняцких домах, интерьер облагораживает.

Я еще раз глянул на свой цветной портрет. Взял обе листовки, спрятал в карман.

– Возьму на память.

– Бери. Я от твоей физиономии восторга не испытываю. Ни от живой, ни от нарисованной. Чего в Амстердам-то заявился?

– Подальше ринулся. Думал, на другом конце Державы никто меня искать не станет.

Нико нехорошо засмеялся:

– И как, не ищут?

– Плакаты чуть ли не гуще висят, – признал я. – Подвел меня Маркус. Впутал в свои дела.

– Где пацана-то оставил? – небрежно спросил Нико.

Засмеявшись, я покачал головой.

– Вот ты о чем, Нико. Брось. Не знаю я, где мальчишка. Хотел бы знать, но не знаю.

Отойдя к окну, я уставился на улицу. Была она в меру людная, в меру шумная. Проезжали экипажи и телеги, фланировали по тротуарам богатенькие бездельники и просто лоботрясы. В пестрой будочке торговал нежной малосольной сельдью с луком и печеными угрями рыбник. В другой – румяная тетка жарила в кипящем масле сладкие колобки-ойленболен, разливала горячий глювайн. Девица понятных занятий скучала под тентом в открытой забегаловке на углу – будто и не холодно ей, и не сыро в легком платье на ветру. Чашечка кофе перед ней давно остыла, но сидит терпеливо, ждет удачи.

– Как же так, Ильмар-вор. – В голосе Нико появилось разочарование, как у умного отца, дивящегося на глупого сына. – Ты с каторги сбег, мальчишку утащил, планёр угнал. А потом – упустил принца?

– Расшибся я, Нико. Знаешь, как это – летать по небу? Ноги отшиб, самого помяло. Лекарь сказал, что, может, в ребре трещина есть.

– А… – без всякой веры произнес Нико. – Бывает.

– Да не скалься ты, старик! – Я повернулся, сам пораженный своей яростью. – Не вру я! Сестрой клянусь, не вру!

Пожевав губами, Нико неохотно кивнул:

– Ладно, верю. Ты парень богобоязненный, Покровительницу чтишь. Верю. Так хоть расскажи, что было? Я многое слышал… и в газете писали, и глашатаи рассказывали, и так… слухи ходят. Только твой рассказ интереснее будет.

– Горло хоть дашь промочить?

– Дам, – засуетился Нико. – Доставай сам, вон, в углу…

– Знаю.

– И плащ сними, не марай мне кресло!

Я снял и повесил на оленьи рога.

– Нашел куда… – недовольно буркнул Нико.

В буфете красного дерева, под фальшивой дверцей была еще одна, железная, незапертая. За ней прятались такие напитки, что даже в «Оленьем Роге» редко кто закажет. Вытащил я бутылочку коньяка, постарше меня возрастом, два дорогих – резного хрусталя, в блестящей стальной оправе, – бокала, поставил на стол.

– Я не буду, – отказался Нико.

– Давай, хоть пригуби. За встречу.

Не то чтобы я отравы боялся. Но мало ли…

Нико спорить не стал. Кивнул на столик в углу, там под салфетками стояли блюдца с сыром, ветчиной, оливками, еще какой-то закуской. У него всегда к неожиданному визиту все приготовлено. Как станет засыхать еда, так ее вниз, на стол посетителю попроще…

– Здоровье твое, Нико…

– И твое, Ильмар…

– Что в газете-то писали? И в какой?

– Да во всех одно и то же. Эдикт Дома. О том, что ищется беглый каторжник Ильмар и младший принц Маркус. О награде. Портреты, опять же… хотя по газетным портретам даже я тебя не узнал.

– А кроме эдикта?

– Ничего. Видно, сказали газетчикам, что судачить не стоит. Щекотливое дело… ты рассказывай, Ильмар.

Вздохнул я – ничего из Нико не вытянуть, пока он свое любопытство не удовлетворит. И начал рассказывать, с того дня, как меня взяли в Ницце – прямо у церкви Искупителя, на улице, позорно, руки заломив и на голову колпак преступника набросив…

– Так и прогулялся до тюрьмы? – захихикал Нико. – В позорном колпаке, в колодках?

– Так и прогулялся.

– Что тебе приклеили?

Чего уж теперь таиться?

– Мелочи, Нико. Повод им был нужен, а повод найти…

– Конкретно!

– Я налог с железа не заплатил. У меня были слитки, я не стал официально заявлять… сменял у одного купца…

– Франц Сушеный?

О том, что Франца звали Сушеным, я и не знал. Но прозвище подходило. Тощий, как вяленая рыба, с белесыми глазами…

– Он самый. Его накрыли сразу, как я ушел. Он и открылся.

– За тобой следили, Ильмар. А ты подставился. Еще и купца в беду вверг.

– Ему бы мою беду, – разозлился я. – Хоть бы для вида отпирался, уйти дал!

– У каждого свои проблемы, – рассудил Нико. – Ладно, это все ерунда. Слишком ты популярный стал. Явишься невесть откуда, притащишь оружия и металлов на горбу, шикуешь, кутишь… Дому на твои шалости плевать, а вот страже – как бельмо на глазу. Еще скажи спасибо, что по закону все сделали, не зарезали в темном переулке. Ты семь лет получил?

– Да.

– Так и отсидел бы, дурак! Деньги твои я сохранил, и все остальные дождались бы. Семь лет – не вся жизнь. Вышел бы, поумнел, успокоился.

– Ты на рудниках был, Нико? – спросил я. – Знаешь, что такое год в шахте? Мне через семь лет деньги разве что на лекарей бы понадобились!

– Ладно, не ворчи. Рассказывай.

Я продолжил. И про корабль тюремный рассказал, как душегубцев утихомирил, и про то, как звяк железный ночью услышал. Нико слушал, облизывая губы, кивая, прикладываясь потихоньку к бокалу.

– И ты у него Слово не выведал?

– Не до того было. Что же ты думаешь, стал бы я мальчишку пытать?

– А то нет?

– На корабле, среди толпы? А стражники – идиоты, думаешь? Зачем честному вору мальчика мучить? Что выведывать?

– Ладно, тебе виднее…

Я рассказал про побег. Даже вспомнил, как дикарь-кузнец душегуба Славко отделал.

Нико хихикнул. Он очень любил такие вот истории – про честных и наивных остолопов.

Когда я сказал про ухоронку с железом, Нико заинтересовался еще больше. Виду, впрочем, не подал. Лишь будто ненароком задал пару вопросов, выведывая место, но я от них ушел. Нико крякнул, полез в стол, вытащил карту.

Надо же!

Печальные Острова. Да как точно – каждый дом виден!

– Откуда? – завороженно спросил я, пожирая взглядом «свои владения». Если бы я раньше ее видел – насколько легче было бы уходить!

– От Стражи… откуда еще?

Я пощупал карту. Новенькая. Не похоже, что давно сделана. И…

Линия тянется от порта, красными чернилами нарисованная. И крестик перед площадью – в том месте, где бунт начался.

– Колись.

– Стража ко мне приходила, – неохотно сказал Нико. – Допрашивали. Про тебя.

Я вздрогнул. Нет, это что же… не так часто я в вольном городе бываю, чтобы искать меня тут!

– Дали карту, велели указать, куда ты побежал.

– Откуда тебе знать?

– Так и ответил. А он – укажи, что думаешь, ты Ильмара знаешь…

– Кто он?

Нико вздохнул. Но запираться было глупо, и он ответил:

– Офицер Стражи. Чин не знаю, формы он не носил. По выправке – высокородный. Здоровый мужик, ты рядом с ним – сопляк. Вроде из немцев, по акценту, но точно не скажу, говорили по-романски. Назвался Арнольдом. Я так понял, он сейчас именно тобой занимается.

Вот незадача. Значит, в каждом городе стража на мою поимку офицера отрядила? Это плохо, совсем плохо.

– Показывай, где ухоронка, – велел Нико.

– А еще что тебе показать? Сплясать тарантеллу или штаны приспустить?

– Да что тебе толку с того железа? – визгливо спросил Нико. – Укажи – я тебе двадцать марок плачу!

Я прикинул.

– Сто. Сто стальных. Там железа на тысячу будет, даже если через самых жадных перекупщиков сбрасывать!

– Его еще достать надо. Тридцать.

– Сто.

– Пятьдесят, больше не торгуюсь.

Подумав, я решил, что предложение честное. Мне сейчас деньги ох как нужны, а достать железо с Островов – и впрямь нелегкое дело.

– По рукам.

Склонившись над картой, я поискал ориентиры.

– Вот. Этот большой дом. Он порушен немного, но второй этаж частично стоит. Там кабинет купеческий, пустой. В полу люк. Это первая ухоронка, в ней еще люк…

– Ясно.

Отмечать ничего Нико не стал, глянул цепко, сложил карту, да и спрятал обратно в стол. Из всего выгоду выжмет, собачий сын.

– Слушаю дальше, Ильмар…

– Деньги.

Нико с оскорбленным видом полез в карман. Из расшитого бисером кошеля достал новенькие монеты в десять марок. Бросил пять на стол.

Что-то больно легко расплатился.

Больше он меня не перебивал. Лишь покачал головой, когда я рассказал про схватку со стражниками, посмеялся, когда я описал поединок с голой летуньей, поцокал сочувственно языком, выслушав историю о полете.

Не стал я об одном рассказывать – как мы с Ночной Ведьмой любовью занялись. И не потому, что не хотелось сплетничать, – почему бы и не похвастаться тем, что аристократку имел? Только глупо все это выглядело. Словно не я ее взял, а девушка надо мной снасильничала.

– А потом… дело обычное. Стащил одежду поприличнее. Добрался до Байона, слиток железный продал, дальше уже с комфортом ехал.

– Покажи кинжал, – попросил Нико.

Я достал подаренное оружие. Старик его схватил, осмотрел, чуть ли не обнюхал. По ногтю чиркнул, край стола безжалостно ковырнул. Глянул вопросительно, достал свой нож – хороший, ничего не скажешь, ударил лезвием по лезвию.

Я не возражал. Такую проверку уже и сам устраивал.

– Хороша сталь, – сказал Нико, разглядывая зазубрину на своем кинжале. На отличном кинжале толедской стали. – Ума не приложу, чья работа. Вроде бы не старый, а как рубит. Я за свой двести монет отдал, веришь?

– Верю. И если ты двести платил, значит, ему цена все триста.

– Четыреста… Все хиреет, Ильмар. Все. Знали ведь мастера, как хорошие клинки делать… и забыли.

– Знаю. За один меч старой работы сейчас пять новых дают. Тем и живу.

– Вот ты мне скажи – почему так, Ильмар-вор? То ли глупеем мы понемногу, то ли земля устала хорошее железо рожать… Продашь мне кинжал?

– Нет.

– Точно?

– Нико, не говори глупостей. Хороший нож каждому нужен.

– Для вора он слишком хорош.

– Пусть. Ножу без дела лежать – позор. Не для того делан. Нико неохотно вернул кинжал. Спросил:

– Хоть цену хочешь узнать?

– Нет. Вдруг жадность задавит.

– Эх… Вору такой нож…

Он ухмыльнулся:

– Впрочем, ты же теперь не просто вор. Ты еще и граф.

– Не остри, Нико. Не я себя так назвал.

– А ведь ты и верно граф, по всем законам державным, – задумчиво сообщил Нико. – Принца никто титула не лишал, он в своем праве был. Значит, повесят тебя на шелковой веревке. Или стальным мечом голову отсекут. Может, и яду в вине поднесут… со всеми церемониями, как особо благородному.

– Подавись ты своими словами, Нико! – в сердцах бросил я. – Я к тебе не за тем пришел.

– А зачем же?

– Во-первых – деньги. У тебя триста моих монет.

– Допустим.

– Во-вторых – совет мне нужен. Ты жизнью тертый, сообразишь лучше. Что мне делать теперь?

– Вешаться.

– Нико, я не шучу!

– И я не шучу! – рявкнул Нико. – Ильмар, ты парень славный, я тебя из всех прочих выделял. Только теперь ты в такую беду попал, что выхода нет!

– Брось! С Островов я ушел, через всю Державу проехал…

Нико вздохнул:

– Ничего-то ты не понимаешь. Дурак.

От моего терпения жалкий огрызок остался:

– Нико, ты меня третий раз уже дураком назвал…

– Это я сдерживался, вор! Знаешь, в чем твоя главная глупость?

– И в чем же?

– Про мальчишку ты ничего не выведал! Про то, что он на Слове держит!

Я молчал. Ну – держит. Кинжал, перстень, зажигалку, книгу какую-то. Что с того?

– Пойми ты, Ильмар-вор, не в тебе ведь дело! Стал бы Дом всю стражу с ног на голову ставить? Линкор с Серыми Жилетами к Островам гнать? Все воровские притоны перетряхивать?

– А что, всех перетрясли? – глупо спросил я. Нико разинул рот, но сдержался и придержал ругань на языке.

– Всех! Если уж ко мне пришли! Если из-под суда половину воров, что тебя знают, выпустили – с обещанным прощением и наказом Ильмара-вора найти! Тебе повезло, что решил с комфортом добираться, к старым дружкам не захаживать. Сдали бы тебя, Ильмар! Сдали!

Нико так разошелся, словно не со мной спорил, а самого себя уговаривал.

– Неужто все-таки ты меня сдашь? – спросил я.

– Я тебя не сдам, – буркнул Нико, разом успокоившись. – Доложу, врать не буду. Вот как уйдешь от меня – сразу засобираюсь да и поковыляю к Страже в управление.

– Пугаешь, Нико?

– Предостерегаю.

Нет, не такого разговора я ожидал. Совсем не такого.

– Да откуда мне было знать, что Марк – принц Дома! – сказал я. – Сам подумай! О нем объявили, когда корабль каторжный в море вышел.

– Пусть ты не знал, кто он. Пусть. Что пацан – высокородный, понял?

– Понял…

– Что у него Слово – понял. Что на Слове он вещи прячет – знал!

– Да вещей-то там было…

– Это он так сказал! А ты, вор, поверил? Да ты пойми – не стал бы Дом никогда о бегстве принца объявлять! Зачем позориться? У них этих принцев, со всех родов, десятка два наберется. Есть кому власть наследовать, есть кому парады принимать.

– Не знал я, что он принц!

– Выведал бы Слово – понял бы! – рявкнул Нико. – Что-то важное он спер, понимаешь? Уж не знаю почему. С ума сошел, власти возжелал, с врагами снюхался. Не знаю! Только перед тем как уйти, мальчик этот на Слово что-то очень дорогое положил. Такое, из-за чего Дом готов весь мир перевернуть. Границы закрыты, понимаешь? Корабли в море не выходят! Вест-индские колонии стонут, у них краснокожие бунтуют, а войска посланные обратно отозваны.

– Да что мальчишка мог взять?

– А мне откуда знать? Подвалы Версаля! Все железо и серебро, что от рождества Искупителя накоплено!

– Нико, он сказал, что много вещей на Слове таскать не может.

– И ты поверил! Ильмар, да что с тобой? Высокородному верить – в твои-то годы! Не тот сопляк, поди, что в первый раз ко мне товар принес.

– Нико, поверь, я в людях разбираюсь. Хоть в простолюдинах, хоть в аристократах. Не было у мальчика на Слове версальских сокровищ.

– Допустим. А книга? Что за книгу он прятал? Букварь с цветными картинками? Роман Дюма о Золотых Подковах? Сочинения мурзы Толстого? А если тайные книги Дома, где знания хранятся? О том, например, как из железа такие вот клинки ковать! О военных планах Державы, об интригах политических, о подлинных родословных… Ты пойми, вор, не то дорого, что в руки взять можно. Знания – они всего дороже!

Нико замолчал. Выдул одним глотком коньяк и даже заесть не подумал. Уставился на меня покрасневшими глазами:

– Вот в чем твоя беда, Ильмар-вор. У тебя одна мысль была – как убежать. А надо наперед думать. Не только то хватать, без чего с каторги не уйти, но и то, что дальше понадобится.

Прав он был. Во всем прав. Едва я узнал, что за мальчишкой на Острова планёр послали да линкор с десантом преторианским, – сразу надо было брать его за грудки, кинжал к горлу, да и пытать Слово. Сказал бы, никуда не делся. И со своего Слова все бы отдал. Пусть бы пропадал я сейчас… но не зазря.

– А может, ты узнал Слово? А? – Нико подался вперед, и на миг в уставших от жизни глазах вспыхнул молодой огонь. – Ильмар, мальчик мой, скажи! Если ты у принца Слово выпытал, да и зарыл высокородного в песок… Ильмар, пойми, такой кусок одному не проглотить. А я тебе пригожусь. Вместе решим, что делать… вместе удачу за хвост схватим…

– Нико, да как мне тебя убедить? Не знаю я Слова! Что же я, душегуб, пытать товарища по каторге? Да еще и мальчишку!

– Добрый человек от душегуба тем отличается, что из-за мелочей не зверствует, – отрезал Нико. – А тут не мелочи. Эх, что ж ты так оплошал, Ильмар…

Все-таки он мне поверил.

– Нико, я к тебе за советом пришел, а не упреки выслушивать. Что сглупил – сам знаю. Подскажи, что теперь делать?

Старик и впрямь задумался.

– Что? Сказал бы – в глуши спрячься, только охота такая идет… не поможет. Наоборот, в малом городке на виду будешь. Из Державы уходи, Ильмар! В Руссийское Ханство, в Китай, в колонии, в африканские земли. Трудно это теперь, но кто знает?

– А дальше? Велишь по чужим землям скитаться? Среди дикарей, что до сих пор железа не знают, жить, – ракушки воровать и ножи костяные?

– Все лучше смерти. Да и незачем тебе всю жизнь на чужбине горе мыкать, Ильмар. Как поймают принца, так до тебя никому дела не будет. Выждешь год, другой, вернешься. Под другим именем заживешь.

– Прост твой совет.

– Советы не сложностью меряют, а пользой.

– Может, еще что скажешь, Нико?

Старик посмотрел в потолок, на роскошную, никогда на моей памяти не зажигавшуюся люстру.

– Будь осторожнее лисы, Ильмар. Никому не верь. Никому.

Я почесал в ухе, разглядывая Нико. Был он предельно серьезен.

– Спасибо, старик. Знаешь, задержался я у тебя. Расплатись, да и пойду потихоньку.

Нико крякнул.

– Триста марок у меня не наберется, прямо так, с ходу. Вечером зайдешь…

– Да ты что, Нико, и впрямь меня дураком счел? – поразился я. – Сам говоришь, что доносить пойдешь, призываешь не верить никому… Давай, потряси заначки.

Нико достал кошелек, картинно опрокинул над столом. Высыпалось пять десятимарочных.

– Все, Ильмар.

– Тогда давай решать, чем долг погасишь.

Нико насупился. Бросил с обидой:

– Дряхлого человека каждый ограбить норовит…

– Нико, ты себя честно ведешь. И я тебя не обижу… мало ли как сложится?

Мы уставились друг на друга.

– Возьми коньяка дорогого, – предложил старик. Денег у него, видно, и впрямь не было, иначе бы он своими драгоценными запасами не пожертвовал.

– Я не на вечеринку собрался, Нико. Знаешь что… давай я твоим пулевиком долг возьму.

– Опомнись, он пять сотен стоит!

– Да врешь, что пять… Жив буду, от погони уйду, так расплачусь. Я долги возвращаю. А схватят меня – скажешь, что пулевик я силой взял, его тебе вернут. Он же законный, верно? Разрешение есть?

Нико размышлял. Ему не в первый раз было затевать опасные игры в надежде на крупный выигрыш. Потом старик вытащил из-под столешницы левую руку с зажатым пулевиком. И впрямь хороший, многозарядный, таких я раньше вблизи и не видел…

– Ого…

– Знаешь, как пользоваться?

Я покачал головой.

– Отводишь курок… спусковой крючок нажимаешь… барабан проворачивается сам, каждый раз новый патрон подставляет… Тут их шесть, в барабане.

Осторожно приняв оружие, я спрятал его во внутренний карман плаща. Разберусь. Спросил:

– Как такое добыл? Многозарядники только аристократам положены.

– По персональному разрешению Дома, – сказал Нико. – За спасение баронессы Греты от бандитского нападения.

Эту историю я смутно помнил. И даже догадывался, что наглый налет душегубцев на высокородную даму был организован самим Нико. Рискнул он тогда – останься бандиты в живых или успей убить баронессу, хозяину бы не поздоровилось. Но все вышло складно… два дурака навеки уснули с железом в горле, а благодарность спасенной женщины была беспредельной. Поговаривали, что Нико за свой «подвиг» получит дворянство. С титулом, видно, не выгорело. А вот многозарядный пулевик старику дозволили.

– Спасибо, Нико. Пойду я.

– Подожди. – Старик поднялся. Вздохнул, оглянулся, будто примеряясь к стоящему сзади креслу. – Ударь по лицу. Так, чтобы след остался.

– Если меня схватят, – сказал я, – скажу, что ты дрался как лев.

– Лучше застрелись, если схватят, – хмуро сказал Нико. – Давай, не тяни…

Я примерился и ударил. Так, чтобы разбить в кровь губы. Нико всплеснул руками и рухнул в кресло.

– Нормально? – спросил я.

Открыв один глаз, старик злобно посмотрел на меня, сплюнул красным, процедил:

– Даже слишком…

Мне вдруг стало смешно, и вся расписанная Нико охота по мою душу показалась мелкой и несерьезной. В первый раз, что ли, от Стражи уходить?

Накинув не успевший просохнуть плащ, я вышел из кабинета, притворил дверь, спустился в зал. Публика за это время успела вся поменяться, и стало ее поменьше.

Нет, не стану я из Державы бежать. Сейчас на дилижанс, да и подальше от веселого города Амстердама. Есть у меня товарищи и понадежнее старого Нико. И в Париже, и в Нюрнберге, и в Брюсселе, и в Генте. Найдется, где переждать, пока стража схватит Марка и закончит свою возню…

За стойкой стоял новый вийнмайстер. Совсем молодой парень, и с бутылками он возился не очень умело, хоть и старательно. С чего это вдруг посреди дня сменились…

В груди возник холодок.

Нико не из тех, кто все добро на одну карту ставит. Может, он и решил мне помочь. Только при любом раскладе старый хитрец в проигрыше не останется.

Я торопливо пошел к дверям на кухню. Оттолкнул официантку – девица незнакомая, что-то вслед сказала просительно, но я внимания не обратил. Ворвался в зал, где пятеро поваров с едой управлялись. Кухня огромная, богатая, котлы и кастрюли чугунные, ножи стальные почти без пригляда лежат…

– Эй, добрый господин, сюда ходить не велено! – крикнул один из поваров. Из угла появился охранник: правильно, кто же такое место без надзора оставит? Двое поварят, близняшки, с любопытством уставились на меня, а повар помладше перехватил нож, которым только что овощи крошил. Умело перехватил, не зря на стене кухни деревянная мишень висит, вся по центру истыканная…

– Мне надо пройти на Кайзерсграхт! – резко ответил я, пытаясь говорить в той манере, что у Марка замечательно получалась. Решат, что высокородный дурью мается, пропустят…

– Через зал, уважаемый, – сказал охранник. Слегка из ножен меч потянул. Меч плохой, дешевый, и сам охранник разжирел на дармовых харчах, только не в нем опасность. Как полетят ножи поварские через всю кухню – конец мне.

– Господин Нико велел мне выйти на набережную через кухню! – возмущенно сказал я. Уж если за высокородного не сойду, так хоть за одного из тайных посетителей хозяина. Не дураки же они, должны подозревать, что старик Нико всякими делами занимается.

Прислуга и впрямь замялась. В тишине, нарушаемой лишь шипением сока, капающего на огонь с жарящегося окорока, я пошел через кухню. Стражник неохотно отступил, освобождая дорогу к двери. Видно, то, что я безошибочно ориентировался в помещении, внушило доверие к моим словам.

Повар, первым меня заметивший, пожал плечами и отвесил оплеуху мальчишке-поваренку. Тот опрометью бросился крутить вертел.

Все. Пронесло. Решили не связываться.

Я прошел через две комнатки, где переодевались повара и хранилась какая-то утварь. Охранник молча следовал за мной, приглядывал, чтобы я ничего не своровал.

Эх, мужик, орлы мух не ловят…

– Счастливо, – бросил я, выходя.

– Счастливо, уважаемый, – неохотно отозвался охранник, закрывая дверь за моей спиной. Громыхнул засов. Я стоял в грязненьком узком переулке, выходящем на канал. Никого

здесь не было, повонивало от кухонных отбросов в деревянных бочках, видно, не вывезенных накануне. Непорядок, в вольном городе Амстердаме за чистотой следят бдительно.

Может, я и зря задергался. Вийнмайстер мог и в сортир отойти. Только лучше остерегусь – здоровее буду.

Глава вторая,
в которой я начинаю паниковать, и, как выясняется, не зря

Кайзерсграхт – место тихое, мирное. Здесь живут богатые бюргеры, лишь изредка среди купеческих лавок гостиницы небольшие попадаются. Я прошел по набережной, оглядываясь на здание ресторана, пока оно из виду не скрылось.

Зря волновался, видно.

По мостику – изящному, мощенному белым камнем, я перешел через канал. Постоял в раздумье, решая, сразу ли податься к станции дилижансов или позволить себе хороший ужин. В «Оленьем Роге» мне поесть не удалось, но можно в другие места наведаться. В такие, где беглого каторжника никак ждать не станут, в «Медный шпиль» или в «Давид и Голиаф». Много есть приятных заведений в вольном городе.

Народу вокруг было негусто. Плохая погода всех по домам разогнала, что ли? Стояли на набережной отец с сыном-подростком – оба краснощекие, плотные, в плотных куртках и зеландских дождевых шапках. Кормили плавающих в канале уток, кидая куски белой булки с сосредоточенным, серьезным видом. Утки жрали хлеб лениво, даже их прожорливости наступает предел. Сытый город, благодушный. Тут даже нищие истощенными не выглядят. Вот в той же Лузитании – вроде бы и климат благодатный, и земля родит щедрее, а поглядишь по сторонам – нищета нищетой.

Почему вот так странно все устроено? В краях, где человеку жить должно быть легко и приятно, люди с голоду пухнут, бедствуют. А здесь – преуспевают, Дом хвалят с утра до вечера. И ведь не только в Державе так, в африканских странах, где вообще, по слухам, рай земной, все цветет и плодоносит круглый год, – там как была в древние времена дикость, так и осталась. Бегают голозадые негры, лопают друг друга, да еще и цивилизации противятся…

Может, человеку не должно быть в жизни легко? Когда привыкает он, что каждая пальма плодами увешана и спать можно под открытым небом, так сразу воля теряется. Вместо труда терпеливого, что Искупитель завещал, привыкают на случай надеяться.

Хотя все равно не понять… Вот Китай, уж на что люди трудолюбивые и умные, таких вещей навыдумывали, что в нашей Державе до сих пор нет, а тоже – полстраны голытьба…

Бюргеры птиц докормили, отряхнули руки, да и пошли вдоль канала. Отец трубку достал, сынок со спичками засуетился, огонь поднес. Вот жизнь у людей безмятежная… завидно мне, или нет?

Нет, наверное. Я бы от скуки помер.

Лучше уж по краю ходить, чем со скуки уточек хлебом откармливать.

С этой мыслью я двинулся – так, без цели особенной, не слишком-то таясь и не спеша. Прошел по Волвенстраат, вышел на другой канал – Херенграхт, где дома были еще выше, иные с золочеными шпилями. Гордые купцы и на железные небось не поскупились бы гордыни ради, да ведь не сберечь, не устеречь железный-то шпиль… В этих местах и людей гуляло побольше. Встретился богатый русский с двумя некрасивыми, тощими женами и одним мордоворотом-охранником, за ними следом карманник крался – я наметанным глазом сразу увидел. Вряд ли что сопрет, русский, похоже, из их аристократов, все ценное на Слове держит, да и охранник-татарин даром что невысок да плотен, а движения ловкие, взгляд цепкий, живо отсечет чужую ручонку кривой саблей…

Ладно, это их игры, мне они безразличны.

Потом навстречу стайка девиц попалась, не из простолюдинок и не из гулящих, а молоденькие бюргерские дочки. Из женской гимназии небось возвращаются. Вон и охранники сзади, двое, с суровыми лицами, с короткими, обтянутыми свиной кожей дубинками, удобными в уличных стычках. Лица постные, а глаза нет-нет да и стрельнут по девицам, по тугим попкам, по крепким икрам в теплых чулках. К этим стражам еще одного надо приставить, чтобы за ними присматривал…

Нет. Что-то я совсем расслабился. Будто пытаюсь из головы все сказанное Нико вытрясти, убедить себя, что ничего страшного не происходит. Сейчас перекусить поплотнее – да и в путь.

Я поплутал чуть по узким улочкам, перешел еще один канал, вроде бы Сингел, и направился к площади Дам, к ресторану «Давид и Голиаф» – месту в Амстердаме известному и популярному. Там, конечно, всегда хватает офицеров армии и стражи, морских капитанов, просто аристократов. Но как раз в таком месте никто и не подумает в посетителе каторжника подозревать.

Как ты говорил, мальчик высокородный? Лиса от собаки в конуру спряталась? Так и поступлю…

Здесь цены были еще выше, чем в «Оленьем Роге». И само здание побогаче, внутри на цепях люстры висят, поверить трудно, железные – искусной ковки, с керосиновыми лампами.

А само название – «Давид и Голиаф» возникло от статуй, внутри установленных.

Сдал я плащ слуге, запоздало сообразив, что в кармане пулевик. Да ладно, не рискнет слуга в таком месте по карманам шарить. Прошел в зал, подбежала девушка-прислуга, хорошенькая, если на лицо не глядеть, провела к свободному столику. Прямо между скульптурами.

Козырное место. То ли случайно освободилось, то ли вид у меня стал уж совсем благопристойный. Сел я, вполуха щебетание девушки слушая – сегодня у них лосось удался, да и вся остальная рыба, а вот перепелки не очень, хотя если господин пожелает…

Скульптуры были мраморные. Старые, деревянные, при пожаре сгорели, тогда дед нынешнего хозяина и заказал великому Торвальдсену новые. Тот еще не во славе был, но таланта ему всегда хватало.

Давид стоял, опустив пращу, улыбаясь уголками рта. Скульптор все передал – и молодость безусого лица, и небрежную ловкость обнаженного тела, и хищный прищур глаз. Давид был красив, зол и красив, как в преданиях.

А Голиаф уже упал на одно колено. Могучий мужчина в доспехах, вышедший на честный бой и сраженный подлым ударом в висок. На простом, бесхитростном лице застыла мука и удивление, он еще пытался подняться, но ноги не держали. Только Голиаф все равно вставал, каменные мышцы вздувались, как канаты, и жизнь, которой в камне нет и не было никогда, опаляла любого, взглянувшего на сраженного воина. Казалось, он все-таки встанет. Дойдет до Давида, который со страху повторно окаменеет, да и опустит тяжелый кулак на кудрявую голову…

Великие скульптуры. Великий скульптор. Я знал, за эту пару хозяину ресторана немалые деньги предлагали. Еще два ресторана смог бы открыть… только что же он, дурак, сук под собой рубить? На этих скульптурах, на могучем бойце, умирающем, но рвущемся в бой, и на насмешливом юнце, зло глядящем на дело своих рук, вся популярность ресторана держится. Конечно, и кухня хороша, но мало ли где вкусно кормят…

Будь хозяин ресторана из простых, рано или поздно отобрали бы скульптуры. Но он и сам был аристократ, барон захудалый, но Слово знающий и в Дом вхожий. А что ресторацией занимался – так это тяжелая судьба вынудила, это еще не позор…

– Да, господин? – терпеливо повторила девушка. Я сообразил, что минуты три уже пялюсь на скульптуры, не делая заказа. Виновато улыбнулся:

– Каждый раз любуюсь…

Девушка кивнула, украдкой кидая взгляд на скульптуры. Ей они тоже нравились. Интересно, кто больше, мужественный Голиаф или женоподобный красавчик Давид?

– Принесите финскую праздничную закуску, – начал я. – Потом – лосося в красном вине – именно в красном, ваш повар этот рецепт знает. Кофе крепкий. Сейчас – молодое белое, лучше из южных провинций, к кофе – хороший коньяк.

Девушка кивнула, озарилась довольной, неподдельной улыбкой. Заказ был хороший, дорогой, значит, и ей на чай перепадет немало.

Я остался наедине с Голиафом и его убийцей.

Понимаю я тебя, ох как понимаю! Ты от сопляка Давида беды не ждал. Я – от мальчишки Марка. Только мне еще тяжелее, я ведь его уже другом считал. К купцам в подмастерья собирался пристроить… дурак, дурак…

Зал постепенно наполнялся. Подходили люди, мужчины в костюмах от хороших портных, женщины в драгоценностях. Стареющая, но еще красивая дама в сопровождении молодого жиголо щеголяла железной цепью толщиной в мизинец. Цепь была в благородной рже, а сверху отлакирована. То ли и впрямь древняя, то ли нарочно водой раненная. Этого я не люблю, железо не для того дано, чтобы на женских шейках умирать.

А вот и мой заказ поспел…

Финская закуска была блюдом дорогим, но оно того стоило. Нежная селедочка, порезанная кусочками, лучок, ржаной хлеб, вареная в кожуре картошка, маленькая рюмка – стопка, как русские называют, с водкой.

Сервировалось все это на целом листе свежей газеты. В этом половина цены и была. Есть полагалось руками, потому вместе с закуской принесли две чаши с водой для омовения рук до и для споласкивания после.

Я потихоньку еду смаковал, потом рюмку опрокинул. Не коньяк, конечно. Но пить можно. А народ все прибывал, вскоре уже и пускать в зал перестали. Удачно я пришел. Сидишь в тепле, в окружении искусства, ешь дорогие блюда, мимоходом газету проглядываешь. Что мне Держава, что мне злая стража!

Подошли несколько аристократов. Им, конечно, место нашлось. Сам хозяин появился, без подобострастности – ровня как-никак, но все же вышел, встретил, поручкался, дамам плечики поцеловал, по италийской моде.

А я все газету читал. Мне уже и лосося принесли – правильно сделанного, мало где умеют лосося в красном вине тушить. А я увлекся. Когда-то газеты совсем дорого стоили, только аристократам по карману, неблагородным – глашатаи да менестрели оставались. Сейчас-то все продвинулось, печатные машины в каждом большом городе стоят, почтовые голуби новости разносят, теперь вот через всю Державу тянут все новые линии телеграфных башен. Профессия газетчика теперь уважаемая, даже младшие дети аристократов в репортеры идут… Тьфу ты, пакость, ну их, этих младших сынков и младших принцев!

Писали о разном. О театральных премьерах, о том, что в столичной Гранд-Опера применили паровую машинерию, вращающую сцену вместе с актерами, пускающую дымы, издающую звуки. Расписали постройку нового линкора, который будет самым быстрым и защищенным кораблем в мире. Чуть-чуть о горячих линиях, где дикари бунтуют, о Вест-Индии, о Далмации и Иллирии, о лондонских боевиках. Много было о Руссийском Ханстве, там снова татарские погромы начались, и хан Михаил перед народом выступал, призывал к единению и добролюбию. Самой интересной была статья, написанная епископом парижского собора Сестры-Покровительницы Жераром Светоносным, прославленным множеством исцелений и чудес. Жерар никогда светской жизни не чурался, сам был раскаявшимся грешником, после мистического озарения к праведной жизни повернувшимся. Вот и сейчас он размышлял о корнях добра и зла в человеческой душе и нес такое, что не будь на нем сана – обвинили бы в ереси. Чего стоила

одна только фраза, что Слово Потаенное дано было Искупителем не для пользы людской, а в искушение и назидание!

«Говорят нам, что заповедано Слово, высокородным радетелям вручено, дабы хранить и преумножать, славу человеческую на радость Искупителю к небесам нести. А посмотрите в небеса? есть ли там слава человеческая? или одна тщета и гордыня?

Владетельный лорд, владения свои объезжая, стальными шпорами коня мучая, будто медные недостойны ноги его украшать, гордится Словом сильным, богатствами великими, происхождением знатным. А вокруг – голь и нищета, мор и разорение. На большую деревню – один железный нож, до рукояти уже сточенный. Соткет мастерица лорду гобелен невиданной красы, с ликом Сестры, слезами залитым»…

Казалось мне, что писал дерзкий епископ не о придуманной истории, а о реальной. Будто укорял кого-то, не в лицо, а за глаза…

«Бросит лорд мастерице ржавую марку, освободит от налога на год, та уж и тому рада. А владетель Слово произнесет, глаз от неба не пряча, лик Сестры в Холод скроет да и поскачет в богатый замок. Понесет конь, сбросит седока да и умрет владетельный лорд, как простой человек. Только вместе с ним и Слово умрет. Исчезнет навсегда образ Сестры красоты небесной, для всех людей сотворенный. Умрут книги древние, где старинная мудрость скрыта, умрут клинки фамильные, доспехи чеканные, щиты вензельные, слитки железные и серебряные. Сядет старший отпрыск на коня да и двинется по ленным владениям, последнее у людей отнимая, славу рода восстанавливая, Искупителя не стыдясь. Для того ли дано было Слово? Несет нас всех норовистый конь, бросает на злой камень. Что камню древность рода и спесь людская?

Неужели и сердца наши из того камня, которому не разум дан, а одна твердость упрямая?

Ведь сказала Сестра Искупителю, в темницу придя: «От меня откажись – не обидишь, а нож возьми»… И ответил Искупитель: «Не подниму стали на людей, не ведающих, что творят, не пролью крови, ибо все в мире виноваты, и все невинны». Спросила Сестра: «Разве душегубцы, веры не знающие, невинны?» Ответил ей Искупитель: «Истинно говорю: даже если кто дюжину убьет, все равно чист передо мной, если покается. В раскаянии святость, в милосердии спасение». Вошла тут в темницу романская стража, дюжина без одного, и командир их сказал: «Знаем мы, что принесли тебе нож, чтобы убил ты нас и бежал из-под суда. Вместе будете побиты камнями, и ты, и сестра твоя названая». И взмолилась тогда Сестра Искупителю: «Убей их, ведь все равно чист будешь, а меня спасешь!» Ответил ей Искупитель: «В милосердии спасение, Сестра, сколько же повторять тебе это, неразумная! Неужели простого слова мало?» Поднял руку с ножом дареным, и»…

Дальше лист газетный кончался.

Нет, конечно, знал я, чем у Сестры все с Искупителем кончилось. Кто ж этого не знает? И все равно жаль, уж очень лихо Жерар излагал. А уж какую мораль он из всем известной притчи выведет – ни один умник не догадается.

Попросить, что ли, еще селедочки по-фински? Или лучше газету целую, к кофе османскому? Вон аристократ хлебает напиток драгоценный да газету листает, и дело бы умную газету, вроде «Курант – Нивс ван дер веек» или «Махт унд Вельт», а то «Мужские игры», большей частью из непристойных картинок да историй смачных состоящую…

К моему столику подошли двое. Я поднял глаза – и невольно вздрогнул. Офицеры Стражи. Один здоровый, морда кирпичом, другой маленький, тощенький, в очках роговых, такому в книжной лавке сидеть, а не с мечом и пулевиком на поясе разгуливать.

– Господин, вы не будете так любезны, – девушка выпорхнула из-за спин стражников, заулыбалась вся, – весь зал полон, разделите вечер с доблестными стражами…

– Буду рад, – сказал я. Запал у меня еще не прошел, и лицо не дрогнуло.

Офицеры поблагодарили, присели на другую сторону стола, девица начала им прелести кухни расписывать, особо рекомендуя рябчиков в имбирном тесте. Я глаза в газету опустил.

Да ничего. Какая разница. Кто во мне каторжника Ильмара узнает?

Ковырял я лосося, запивал молодым вином, что девушка исправно в бокал подливала, только не шла еда в горло. Никак не шла.

Офицеры свой заказ сделали, заговорили вполголоса. Вроде и дела им до меня нет… только один раз здоровый этот и глянул… а по спине холод пробежал.

Нехороший взгляд. Слишком уж равнодушный.

Сестра, сохрани дурака для покаяния!

Хозяин ресторана снова мелькнул, к столику подошел, мне улыбнулся мимолетно – я для него ничего не значил, офицерам руки пожал.

– Проголодались, господин Арнольд? – спросил он того, что покрепче.

– Да, как собака… – буркнул офицер на плохом романском.

– Говорят, облава была в городе?

– Да.

Не очень-то он разговорчив… и тут морозец, что по спине бегал, пургой обернулся.

Арнольд? Офицер Стражи? С акцентом германским?

– Схватили душегубцев? – любопытствовал хозяин дальше. Видно, титулами они равны были. Похожи, как копье на зубочистку, хозяин весь изнеженный, субтильный, точно Давид, а с Арнольда будто Голиафа ваяли, один смех на них смотреть рядом со скульптурами. А все одно – титулом равны, нам не чета…

– Не душегубца ловили, – встрял очкарик, чуть пренебрежительно, видно, он еще родовитее был. – Ильмар-каторжник в городе объявился. Все побережье в постах, а он, зараза, к нам добрался…

– Тот, что принца похитил? – воскликнул хозяин.

Вот уже как все повернули!

Я сообразил, что жую кусок лосося вторую минуту, торопливо проглотил, сам подлил себе вина. Вопросительно глянул на стражников, улыбнулся подобострастно. Им вина еще не принесли, и очкарик без ложной гордости согласился. Плеснул себе и Арнольду, залпом выдул. Хозяин возмущенно завертел головой, отыскивая прислугу. Две девушки уже тащили и вино, и закуску… вот как завертелись перед аристократами…

Арнольд не пил. Крутил бокал в пальцах, смотрел на очкарика с таким неодобрением, что только дурак бы не заметил.

Очкарик не заметил.

– Тот, тот, – подтвердил он. – К старым дружкам наведался. А те и нашим, и вашим, и доложили, и уйти позволили. Ничего, дружки на допросе, город в тройном кольце, войска подняты. Никуда теперь ему не деться.

Сестра-Покровительница…

– Маркиз, не стоит это говорить, – сказал Арнольд. Прибавил по-германски: – Я позволю себе предложить вам сменить бокал и попробовать розовое токайское…

Я лениво повернулся к суетящимся девушкам:

– Кофе. И османскую медовую сигару.

Они растерянно переглянулись. Хозяин пришел им на помощь:

– Увы, любезный, сегодня медовых сигар предложить не можем. Есть вест-индские, есть османские с конопле…

Конечно, медовых не предложат. Таких просто на свете нет.

Всем своим видом я изобразил возмущение. Потом сказал:

– В моем плаще, во внутреннем кармане… Нет, принесите плащ, я сам достану.

Один взгляд хозяина – и девица двинулась к входу.

Арнольд крутил в руках бокал – вот-вот резной хрусталь треснет. Он, наверное, как и я, не верил в случайные совпадения. Вот и не решался устраивать проверку в ресторане, на глазах аристократов. Сам, видно, из молодых выскочек, знает, как рада будет знать его оплошности.

Я ждал, проглядывая газету, но уже не различая букв.

Напряжение, возникшее между нами, наконец-то коснулось и тупого очкарика, и гостеприимного хозяина. Только они еще не поняли, в чем дело.

Девушка вернулась, с плащом на железном подносе. Смешно. Плащ полупросохший, в собственном соку.

– Медовые сигары должны быть в каждом уважаемом заведении! – скандальным голосом произнес я, потянувшись к плащу. Взгляд Арнольда скользнул по серой ткани. Видимо, это был последний штрих моего портрета, которого ему не хватало для полной уверенности.

– Не двигайся, Ильмар-вор! – со своим жутким акцентом рявкнул он.

Поздно.

Ударом ноги я опрокинул на стражников стол – за секунду до того, как Арнольд собрался сделать то же самое. Вырвал из кармана плаща пулевик многозарядный – эх, Нико, перемудрил ты самого себя, недооценил стражу, корчиться тебе на старости лет под кнутом палача…

– Всем лечь! – завопил я, одной рукой курок взводя, как аристократы делают. Получилось – щелкнула железка, отходя, и Арнольд замер, на ствол глядя. – Всем лечь! Я душегуб, счета не знаю!

Посетители за столиками сразу лицами в пол уткнулись – и аристократы, и бюргеры, и стражники, которых в зале было чуть ли не с десяток. Видно, все понимали, что такое пулевик многозарядный в злых руках.

И если бы офицер-очкарик геройствовать не стал, так бы я и вышел из ресторана, задом пятясь, сто человек враз напугав.

– Ильмар! – радостно взвизгнул придавленный столом очкарик. Ему уже аудиенция в Доме виделась, награды, слава, титул новый.

Пулевик у него был попроще моего, не многозарядный, а двуствольный. Зато орудовал он им ловчее. Как я ствол увидел, так сразу на спуск и нажал. В молодости доводилось мне стрелять из армейского ружья, кремневого, но то совсем другое дело. И палит с заминкой, и отдача другая, и спуск легче.

Грохнул выстрел на весь зал, вспухло облако вонючего черного дыма, а пуля между Арнольдом и очкариком в пол ушла.

Арнольд вмиг скользнул вбок, а очкарик не испугался. Отвага у него была, глупая, но крепкая. Я уже бежал, прыгал между статуями. Пуля меня минула, угодила прямо в несчастного Голиафа, аккурат в его могучую мужскую стать, раскрошившуюся в белый песок. От грохота и ударившей в лицо пыли я дернулся неуклюже, упал, снова лицом к страже развернувшись. Пулевик к руке будто прирос, а что с ним дальше делать, я и забыл.

– Держи вора! – вопил радостно очкарик.

А хозяин ресторана, вот уж чего не ожидал, тоже решил геройствовать. Только не меня ловить – тут он свои шансы хорошо понимал, а спасти несчастные скульптуры. Бросился к Давиду, припал, на лице решимость вперемешку с напрягом отразились, даже сам похож стал на каменного юнца. Может, и впрямь с его предков лепили? Ударил холодный ветер… о-го-го, такую махину на Слово взять!

– Не стрелять! Стой, вор! – кричал Арнольд, поднимаясь, доставая свой пулевик. Стол от его движения отлетел, как бумажный.

Очкарик пальнул еще раз. Хозяин ресторана как раз к покалеченному Голиафу припал, одной рукой в ужасе изувеченную часть щупая – было это смешно и постыдно, будто в похабном представлении комедиантов о нравах извращенцев, другой в воздухе знак странный чертя.

Еще удар холода – на этот раз совсем уж страшный, в мраморном Голиафе весу было килограммов четыреста. Исчезла статуя, и аристократик, на Слово ее взявший, спасший от разрушения, в улыбке радостной расплылся. И даже дырка посреди лба, от глупой пули, улыбку не согнала. Так он и рухнул – руки раскинув, навсегда свое сокровище от беды укрыв.

– Шайсе! – рявкнул Арнольд, повернулся и ногой со всех сил очкарику по челюсти въехал. Никто уже на побоище не смотрел, хруста позвонков не слышал, все носами в полу норы сверлили, Искупителю молились, только я и понял, что убил один стражник другого: за глупость, за плохой выстрел, за то, что навсегда вольный город Амстердам Давида с Голиафом лишился…

Посмотрели мы с Арнольдом друг на друга, и я понял – конец.

Теперь ему один выход – меня кончить.

У очкарика-то явно род древнее и могущественнее, не простят Арнольду бездумного гневного удара.

Из-под земли меня стражник достанет – я теперь его жизнь в руках держу.

Словно со страху руки все сами сделали, по курку ударили, взвели, барабан провернулся, новый патрон подставляя, крючок спусковой щелкнул, и ударил выстрел.

Скользнула пуля по лицу Арнольда, оставляя кровавую полосу по виску. Череп не пробила, и стражник лишь упал, сразу зашевелившись, вставая, стряхивая с лица кровь.

Но я того уж не дожидался.

Бежал через зал, перепрыгивая через посетителей благоразумных, пальцы чужие давя нещадно. Ударило два выстрела подряд. Обе пули рядом прошли. Видно, хороший был стрелок Арнольд, да не с залитыми кровью глазами по бегущему человеку стрелять.

Нырнул я в дверь, охранника ресторанного, ничего еще не понимающего, одним ударом уложил, с вешалки чей-то дорогой плащ сдернул – мой-то на полу остался – и выбежал в ночь. Перед рестораном уже люди столпились, в окна жадно заглядывали. Выскочил я в круг света от фонаря и взвыл дурным голосом:

– Душегубцы идут! Спасайся, народ!

Толпа – дура.

Как они все от ресторана рванулись, будто им уже ножи спину кололи!

И я вместе со всеми.

Эх, хорошо поужинал, даже бежать тяжело!

* * *

На час-другой я был в безопасности. Амстердам – не городишко на Печальных Островах, где каждый всегда готов каторжников беглых ловить. Можно было затаиться. Только надолго ли? Если такая охота идет, что весь город в кольце солдат, если порты закрыли, долго ли я прятаться смогу? Меня же любой сдаст – и правильно сделает. Перед совестью чист, перед Домом – в фаворе, награда велика, а что Сестра говорила: «Не отдай беглого господину его, придет день – сам побежишь!»… Так кто о том вспомнит, перед такой-то кучей денег!

Я бы не вспомнил.

Сходил бы потом, грех замолил, да и успокоился.

Если первый миг после бегства я был в горячке и страха не испытывал, то теперь он накатил как волна. Некуда мне деться! Ошибкой было на расстояние уповать, ошибкой было к Нико идти.

И куда разум делся? При посадке отшибло, или от радости все из головы выветрилось? Глотнул свободы перед дыбой. Хотя нет, на дыбу меня нельзя, я же граф. Шелковая веревка или стальной топор, а то и чаша почетная. Все как положено. А вначале допросят с пристрастием…

в подвалах стражи и без дыбы умеют языки развязывать. Долго будут мучить, прежде чем поверят, что ничего я не знаю про Маркуса проклятого…

Дождик сильнее зарядил, и это было плохо. Скоро весь народец по домам разбежится, легче будет страже меня ловить. А развалин спасительных тут нет, Амстердам город живой, место в нем дорого стоит.

Шел я по Дамрак, улице широкой, людной, но и она пустела на глазах. Даже слишком быстро, и я недоумевал, пока не вышел на глашатая. Стоял молоденький паренек на перекрестке, кутался в промокший смоленый дождевик и кричал, не жалея охрипшей глотки:

– Жители и гости вольного города! Стража просит вас пройти по домам, для пущего спокойствия и безопасности! В Амстердаме замечен беглый каторжник Ильмар, войска будут введены с минуты на минуту! Проходите по домам, честные люди!

Паренек глянул на меня мельком и, ничего дурного не заподозрив, добавил от себя:

– А то описание душегубца скверное, любой под него подходит. Вначале убьют, потом разбираться станут!

Народ к его словам относился серьезно. Кое-кто поворачивал, кое-кто ускорял шаг. Быть пронзенным мечом по ошибке никому не хотелось.

Я тоже быстрее пошел, как и полагается честному бюргеру. Только где мой дом… есть, конечно, такой, что могу своим назвать, только далеко… Куда деваться?

У витрины кондитерской лавки, заполненной восковыми сладостями, под яркой рекламой – разноцветные стеклянные буквы и крендели, карбидным фонарем изнутри подсвеченные, – я остановился. Мелькнула дурацкая мысль – внутрь войти, затаиться где-нибудь, переждать ночь… Но продавец с двумя крепкими парнями-подмастерьями уже закрывался, и на поясах у них дубинки покачивались. Видно, испугались обыватели. Пошел я прочь, пока не присмотрелись они ко мне.

Сестра, помоги…

Поднял я взгляд к небу с мокрой булыжной мостовой, да и замер. Впереди, на площади, купол храма высился. Раадху, амстердамский собор Сестры-Покровительницы. Купол, золотом тонким оклеенный, фонарями опоясанный, горел в ночи. И двери в храм еще открыты были, правда, стоял у них глашатай, тоже выкрикивал про каторжника Ильмара и войска, но стражи не видно было.

Неужели озарение Сестра ниспослала? Да нет, недостоин я того, чтобы так вот мне помогать, от дел небесных отрываться. Но ведь и впрямь… храм большой, главные паникадила лишь по праздникам зажигают, можно в полутьме затаиться. И даже грехом это не будет, где еще прятаться, как не в храме Сестры, что милостью своей беглых не обделяет…

Я пошел через площадь. Проезжали редкие экипажи, большей частью закрытые по плохой погоде, расходился от храма народ, вечернюю мессу выслушавший, а я напрямик шел, старался шаг тверже сделать. Не тать я, не беглец, простой бюргер, что спешит в измене покаяться, прежде чем с женой на постели возлечь… А на площади светло, как на грех, и от храмовых фонарей, и из окон раскрытых – по амстердамским обычаям занавеси вешать не положено, честному человеку нечего от соседей таить, наоборот – пусть все видят, какой у него, у честного человека, дом добрый да чистый…

Одна радость – стражников не попадается.

А храм все ближе, стены каменные словно выше становятся, вот уже витражи на узких окнах можно разглядеть, сцены из жизни Сестры без прикрас описывающие. По-хорошему пройтись бы вокруг, на каждое окно глянуть, потом изнутри посмотреть – витражи хитрые, снаружи одно видишь, как оно со стороны людям казалось, а изнутри все совсем по-другому, как сама Сестра свои деяния представляла… только нет на то времени. А жаль, за одну сцену с перевозчиком сколько в свое время копий было сломано, многим она обидной для Сестры

представлялась. Снаружи и впрямь – непотребство, а глянешь изнутри, как Покровительница бедного лодочника святым благословением оделяет, и все наносное из души пропадает…

Красив храм и славится на всю Державу, а только не до того мне сейчас.

Прошел я мимо уставшего глашатая, вступил под каменный свод. Народ еще был в храме, значит, подождать надо. Кто свечи жег, кто у святого столба посреди храма молился. Только и тут пробежал мимо юноша-служка, каждому говорящий:

– Стража просит по домам расходиться…

– Что вам Стража! – одернул его какой-то бюргер. Молодец, нечего священникам перед миром склоняться, их заботы небесные, далекие.

Купил я свечей у старика-прислужника, хотел две, а на монетку мелкую целых три вышло. Подошел к лику Сестры, раскаявшегося душегубца на добро наставляющей, – самая правильная для меня икона, – поставил свечи. Одну – за себя, Ильмара-вора, чтобы не схватили бедолагу, не дали умереть в позоре. Другую за хитроумного Нико, себя перемудрившего, чтобы выпутался старик, умер своей смертью. А третью свечу, которая вроде как и не нужна была, поставил за Маркуса, младшего принца. Что уж теперь, он мне зла не хотел…

И какое-то благолепие меня охватило, и стыд, и позор, и раскаяние. Перед ликом Сестры стоишь – во всех грехах винишься. Вот почему только потом уходит все это?

Неужели схватят меня, да ведь живым я и не дамся, значит, умирать во грехе? Может, для того меня Сестра к своему храму вывела, чтобы повиниться успел?

Прежде чем я понял, что делаю, ноги сами к кабинкам для исповеди понесли. И почти все – пустые. Эх, прав ли я?

На последнем запале вошел я в кабинку, шторку за собой задернул, в окошечко постучал. Замер, глядя на лампадку, перед иконой теплящуюся. Может, нет духовника поблизости?

Приоткрылось чуть окошко, и невидимый священник сказал вполголоса:

– Слушаю тебя, брат мой. Во имя Искупителя и Сестры, сними с души грех…

– Не один у меня грех, брат, – прошептал я. – Весь я во грехе.

– Для Сестры все едино – один грех или жизнь во грехе, – устало и знакомо успокоил священник. – Говори, брат…

– Виновен я, ибо отнял жизнь у человека, – сказал я. – И случилось это уже в седьмой раз.

Священник помолчал, потом уточнил:

– Во злобе или по жадности?

– В бою, брат мой. Только он стражник был, а я… я каторжник.

– Тяжек твой грех. Но сказала Сестра: «Жизнь защищая, вправе кровь пролить, чья жизнь важнее – лишь Искупителю ведомо»… Отпускается тебе, брат.

Про второго стражника, на Островах убитого, я говорить не стал. Взял же Марк на себя ту вину, как Искупитель вину учеников своих брал, так что нечего Сестру и тревожить зря.

– Виновен я, ибо убежал с каторги, – продолжил я. – А на каторгу был отправлен за дела преступные.

– Отпускаются тебе грехи, брат мой. Не цепи держат, а воля Искупителя. Смог уйти – значит, нет на тебе вины перед Ним.

Совсем хорошо. Я почувствовал, как груз с души спал, подумал секунду, добавил, вспомнив ресторан:

– Виновен я, пусть не моими делами, но из-за меня погиб человек, случился разор и переполох…

– Винись лишь в делах, тобой совершенных, – поправил священник. – Это не грех, не о чем мне Сестру просить.

– Виновен я, ибо час назад украл плащ чужой… нужда заставила.

– На тех, кто еду или одежду ворует, нет перед Искупителем греха, нет и перед Сестрой. Людского гнева бойся.

Устал он к вечеру, слуга Божий, людские проступки отпускать. Иные небось почище моих будут. Я подумал, в чем еще должен покаяться:

– Виновен я, ибо разгневан на меня Дом. Разгневан напрасно, но никому это неведомо.

Священник молчал. Странно. Уж гнев мирской власти отпускают сразу, тем более если гнев неправедный… Ведь это и не грех, а…

– Как твое имя, брат? – спросил священник. Я вздрогнул. Не положено этого спрашивать!

– Как твое имя, брат мой во Сестре?

– Ильмар, – прошептал я. – Ильмар-вор.

– Тот Ильмар, что убежал с каторги на Печальных Островах вместе с младшим принцем Дома Маркусом? На планёре, ведомом летуньей Хелен?

Это больше не на исповедь походило, а на допрос у Стражи…

– Да… – признался я.

Священник ответил не сразу:

– Греха в этом нет, но… Во искупление прочти семь раз «Славься, Сестра!», не медля, но без торопливости.

На миг он запнулся. Я уже понял, куда ветер дует, но покорно ждал.

– И не выходи из исповедальни. Жди, брат мой, я подойду.

– Зачем? – прошептал я. Но окошечко уже закрылось.

Что же делать? Исповеднику перечить нельзя, епитимью нарушить – тоже. Что делать?

– Славься, Сестра, радость нашей радости, печали утоление, проступка наказание… – начал я. Осекся. Все во мне кричало: «Беги!». Все воровские повадки ожили, бунтовали против ожидания. Но как можно сейчас уйти?

– Славься, Сестра, – начал я снова, с трудом заставляя себя не частить. Может, успею дочитать да уйти… Но, видно, исповедник точно знал, сколько идти от его кабинки до моей, едва успел я в седьмой раз прошептать: «И тем возрадуемся»… как шторка на кабинке была отдернута.

Стражи нет, ни городской, ни храмовой. И то хорошо.

Только исповедник, в белом плаще с откинутым капюшоном, по возрасту – мой ровесник, на вид, правда, телом послабее, зато в глазах – подлинная вера, не моей чета. Смотрел он на меня и с брезгливостью – что уж тут, никуда тут не денешься, и с сомнением, и с любопытством невольным.

– Ильмар-вор? – еще раз спросил священник.

– Да, брат мой…

– Надень.

Он бросил на пол передо мной тугой сверток. И тут же, сам устыдившись презрительного жеста, поднял его, развернул, подал в руки.

Это оказалась ряса, такая же, как и на нем.

– Надень ее, брат, капюшон накинь и за мной следуй.

– А грехи?.. – на всякий случай спросил я. Не сказал он еще традиционной фразы!

– Во имя Искупителя, Сестры и Святого Слова, отпускаю тебе грехи, брат мой. Иди с миром.

Священник подумал и добавил неположенное:

– За мной иди…

Глава третья,
в которой я прошу об отпущении грехов, а получаю кое-что в придачу к титулу

В рясе исповедника, накинутой поверх моего, краденого, плаща, я выглядел как очень-очень крупный, даже толстый священник. Среди Сестриных слуг такие редкость – хоть и отказываются многие из них от мужской сути, жертвуют грешной плотью, но расплываться себе не позволяют. Слуги Сестры – они в лихие годы не хуже преторианцев воевали, это не священники Искупителя, которым чужую кровь вообще проливать нельзя.

Но народа было уже мало, никто на меня не смотрел, и мы быстро прошли к неприметной двери, куда молящимся входить не велено. Оглянулся я напоследок на пустеющий зал – эх, сейчас бы самое время под скамейкой притаиться или за богатой драпировкой на стенах…

– Не отставай, брат мой, – бросил священник, не оборачиваясь. Смирился я с судьбой и пошел следом.

За дверью оказался коридор – без окон, тускло освещенный, лампы висели редко, а горели вообще через раз. Убранства богатого нет, зато под потолком балки удобные, можно повиснуть и затаиться, никто сверху искать не станет…

Тьфу, пропасть мне на этом месте!

С воровскими привычками на святое место смотрю!

Шел мой исповедник быстро, приходилось шаг удлинять, чтобы не отстать. Дважды навстречу другие священники прошли, в обычных темно-желтых одеждах. На меня не взглянули – видно, много их тут, все друг друга не знают, или приезжают часто гости из других храмов. Тихо очень было, и от этого глубокого безмолвия я словно слабел, последней воли лишался, скажи мне сейчас исповедник: выходи сдавайся страже, – так ведь и вышел бы…

Только за поворотом коридора вдруг нам старушка попалась, что, согнувшись в три погибели, мыльной водой пол мыла. И от этого заурядного зрелища я немножко опомнился. Казалось бы, чего тут: грязь-то, она всюду пристает, решила добрая женщина так Сестре послужить – хвала ей. А нет, сразу напряжение спало.

Мы поплутали еще немного по коридорам, причем мне показалось, что священник специально меня запутывает. Потом он отворил прочную дубовую дверь, знаком велел внутрь пройти и сам вошел. Достал спички – тоже совсем обычные, дешевые, от таких порой и матрос прикуривает, чиркнул о стену, запалил тусклую масляную лампу.

– Садись, брат мой.

Комнатка крошечная, без всякой роскоши. На полу лишь ковер лежит, но без того здесь совсем смерть, вокруг лишь камень холодный, ни камина, ни окна, ни панелей деревянных. Стоит койка простая, узенькая, стол крошечный, жесткий стул. Все. Из стены, в щелях между камнями воткнутые, торчат крепкие палочки – вешалка, на ней кой-какая одежда. Икона с ликом Сестры, простая, будто у бедного крестьянина. На столике лампа, кувшин с водой, кружка глиняная да лист бумаги со стилом.

Аскет.

Священник бережно стило колпачком прикрыл, в карман спрятал – будто смутился такой роскоши, стило и впрямь хорошее было, резное, бамбуковое, медными колечками опоясанное. Сел на койку, я – на стул, больше-то и некуда было.

– Сейчас спрошу я тебя еще, брат мой. Ответь честно, не впади в грех. Ты и впрямь тот Ильмар-вор, которого вся Держава ловит?

– Тот самый, – ответил я. – Зачем спрашивать, брат? Неужто кто решит мной назваться?

– Уже решали, – спокойно возразил священник. – И у нас, и в других городах. Больных людей в мире много, всегда найдутся те, кто готов любое злодеяние на себя взять, лишь бы гордыню потешить.

– В чем тут гордыня… – прошептал я, не для священника, для себя самого. – Ильмар я.

– Тогда скажи, кого вы в пути с Печальных Островов встретили?

Ну и вопрос. Никого мы не встречали.

– Никого, там даже птиц не летало… – ответил я.

Священник вздохнул, поглядел на меня с явным разочарованием.

– А! – воскликнул я, сообразив. – Корабль встретили, линкор имперский…

Глаза у исповедники блеснули.

– Что на берегу делали?

– Да ничего… – Я запнулся. – Ну…

Он ждал.

– Любовью мы с летуньей Хелен занялись, как мальчишка ушел. Не по похоти, с перепугу! Нет ведь в том греха?

У священника чуть уголок рта дернулся. Неужто тоже кастрат? По голосу и фигуре – не скажешь.

– Нет… для мирского человека – нет. Если все по доброй воле…

Он оборвал сам себя.

– А что подарил тебе Маркус, младший принц Дома?

На все предыдущие вопросы он явно знал ответы. И спрашивал, лишь проверяя меня. А вот сейчас… сейчас тон чуть изменился.

– Титул. Сделал меня принц графом Печальных Островов.

– Еще.

– Кинжал, – под пристальным взглядом священника я полез под плащ, дотянулся до ножен, еще в Лузитании купленных, достал кинжал.

Он бросил на нож лишь один беглый взгляд. Я кинжал не протягивал, исповедник тоже не просил.

– Еще?

– Больше ничего, – растерянно ответил я. – Да он сам нищий, принц беглый… я богаче его был, когда на берег попали.

– Допустим, Ильмар… – Видимо, священник поверил, что я и есть беглый каторжник. – Зачем ты в храм пришел?

– Сестре исповедаться… укрыться…

Священник на миг сложил ладони лодочкой, прикрыл глаза, беззвучно шевельнул губами – видно, возносил короткую молитву Сестре.

– Это благодать Сестры на тебя снизошла, Ильмар. Ее рука тебя вела. Восславь Сестру, поблагодари Искупителя.

Я на всякий случай прошептал благодарность – как будто мало этим занимался по пути в Амстердам.

– Меня зовут брат Рууд, – сказал исповедник. – Я укрою тебя от стражи.

Что?

Даже в самых безумных мечтах я такого не мог представить. Нет, конечно, слуги Сестры беглого страже не выдадут – это им прямо заказано. Даже мог я такое представить, что священник мне совет даст или монетку бросит – мол, благословение Сестры с тобой, спасайся, несчастный.

Но чтобы укрывать!

На гнев Дома нарываться!

Дела мирские – они от веры далеко, и нет у Владетеля власти над Церковью. Так-то оно так… но я все же не крестьянин тупой, из дальней деревушки, что местного пастора выше наместника губернского ставит. Захочет Владетель – и Церкви туго придется, ну, не самой Церкви, конечно, в здравом уме никто на нее не покусится. Но Богу простые люди служат, на земле живут, и не от всего убережет строгий взгляд Сестры и любящий взор Искупителя. Было ведь когда-то, хоть и редко о том говорят, что Владетель Клодий, которому Церковь отказала в праве вторую жену в законный брак взять, сместил Преемника. Как – про то легенды молчат, а уж священники и совсем вспоминать не любят, но съехались епископы из всех провинций, от Лузитании до Богемии, да и выбрали Господу нового приемного сына.

Нет, не станет Церковь с Владетелем ссориться… не станет…

Я посмотрел на священника – но взгляд того был тверд и невозмутим.

– Ты под моей опекой, брат Ильмар, – сказал он. – Я укрою тебя.

– Зачем? – спросил я.

– Чтобы тебя не схватила стража. Город наводнен войсками.

– Я не такой дурак, брат Рууд. Я спрашиваю, зачем тебе нужно меня укрывать?

– Сестра завещала спасать несчастные заблудшие души…

– Брат Рууд! Милость Сестры безгранична. И души ее слуг полны доброты. Только ответь, почему тогда на площадях казнят душегубов, секут пальцы ворам, плетями учат беглых крестьян? Ответь, почему вы не укрыли от беды всех? Тогда я поверю, что тебе ничего от меня не нужно.

– Не в человеческих силах спасти всех. Когда мы можем помочь – мы помогаем…

– Брат Рууд, тебе ведь двойной грех – лгать, – сказал я.

Священник быстро сложил руки столбиком, зашептал молитву. Видно, мои слова пришлись к месту, почуял он в себе ложь, попытку уйти от ответа.

– Ты прав, брат Ильмар, – закончив краткую молитву, произнес он. – Церковь не может спасти каждого беглого каторжника, да и не станет чинить помехи мирскому правосудию.

– Тогда почему ты хочешь меня укрыть?

– Преемник Юлий, Пасынок Божий, велел всем слугам Искупителя и Сестры доставить к нему Ильмара-вора и младшего принца Маркуса… буде такие встретятся.

Я вздрогнул.

К самому Преемнику?

Это что же, сам Пасынок Господний меня видеть желает? Меня – каторжника?

– Повинуешься ли ты воле Преемника Юлия?

– Повинуюсь, – кивнул я. – Да, брат мой.

И вдруг ехидный воровской норов проснулся и заставил спросить:

– А если бы отказался я, брат Рууд? Стражу бы кликнул? Или сам принудил бы?

– Не суди о том, что не сделано, – спокойно ответил священник. – Я знаю, ты верующий человек и чтишь Господа. Зачем тебе противиться святой воле?

Я кивнул:

– Хорошо, брат Рууд. Повинуюсь, твоей защите себя вручаю и готов идти с тобой.

– Подожди, – неохотно сказал священник. – Брат Ильмар, не так все легко. Я не могу просто взять и доставить тебя к Преемнику Юлию. Стены имеют уши, а люди имеют языки. У Дома другие планы на твой счет, Ильмар. Если до стражи дойдет, что ты здесь…

На миг мне представилась безумная, немыслимая сцена. Стража, штурмующая храм, и священники, с мечами идущие навстречу…

Ой…

Во что же я вляпался?

– Я не вправе никому говорить о том, что ты в храме. – Рууд будто рассуждал вслух. – Все может случиться, и, если прольется кровь…

Ох, грехи мои непомерные!

– Я недостойный и слабый слуга Божий. – Рууд посмотрел на меня. – Я не смогу сам доставить тебя в Урбис. Мы пойдем к епископу – и ему ты признаешься, кто ты есть. Больше никому! Запомнил?

– Да, брат мой… – прошептал я. – Можно мне напиться?

– Пей, Ильмар. Утоли жажду. Но у меня нет ничего, кроме чистой воды…

Я жадно выпил полную кружку. Вода на самом-то деле была не такая уж чистая и свежая. Стоялая, и хорошо если со вчерашнего дня. Брат Рууд – аскет… прости Сестра, я даже сейчас предпочел бы глоток легкого вина…

Почему-то мне думалось, что резиденция епископа будет где-то наверху, под крышей храма. А пришлось подниматься совсем немного. Старик, наверное, епископ, как же я не сообразил, тяжело ему карабкаться…

Здесь встречалась охрана. Тоже священники, только в алых одеждах, с короткими бронзовыми мечами, дозволенными Сестрой. Обманчивые мечи – из особой бронзы, она подороже стали выйдет.

Нас не останавливали. Видно, брат Рууд на хорошем счету и к епископу вхож. Мы миновали два поста, остановились у двери, ничем от других не отличающейся. Рууд тихонько постучал. Миновала минута, и дверь открылась. В проеме стоял молодой парень, такой же бледный и просветленный, как сам Рууд.

– Добрый вечер, брат Кастор…

– Добрый, брат Рууд…

Кастор глянул мимолетно на меня, но любопытствовать не стал.

– Мы должны поговорить с его преосвященством.

– Брат Ульбрихт готовился отойти ко сну…

– Служение Сестре не знает отдыха.

Как все просто у них! Кастор отступил, освобождая проход. Мы вошли в большой зал, больше всего напомнивший мне чиновничью канцелярию. Столы, заваленные бумагами, стеклянный сосуд, в котором мок, впитывая чернила, десяток стильев. У стены высится механическая счетная машина, масляно поблескивающая медными шестеренками.

Ого! Неужели у храма такая потребность в бухгалтерии?

– Я спрошу брата Ульбрихта… – без особого энтузиазма сказал Кастор. Только сейчас я заметил еще одну дверцу в стене. С чего бы это епископ амстердамский, брат во Сестре Ульбрихт, опочивал рядом с канцелярией?

Священник скользнул в дверь, а я подошел к окну. Глянул. На площади еще горели фонари, и в их свете поблескивали кольчужные нашивки на кожаных куртках стражников. Два или три патруля прохаживались вокруг храма.

Вовремя же я успел.

– Входите, братья, – тихо позвал Кастор. – Его преосвященство вас примет.

Брат Рууд зачем-то взял меня за руку – будто боялся, что я растаю в воздухе или вздумаю убежать. Провожаемые взглядом Кастора, мы вошли в опочивальню епископа.

Да. Брат наш во Сестре аскетом не был.

Дорогой персидский ковер устилал весь пол. Стены тоже были в коврах, гобеленах, картинах – словно бы и не роскоши ради, потому что на каждом выткан, вышит или нарисован лик Сестры. Наверное, подношения храму от прихожан. И все же эти горы мягкого хлама больше подошли бы опочивальне старой аристократки, чем обиталищу духовного лица.

Мебель тоже была дорогая, пышная, а уж кровати – низкой, широкой, с железными шариками, украшающими спинки, – в спальне богатого повесы стоять, а не у священника…

И запах – да что ж это, сплошные благовония и духи разлиты в комнате? Куда такое годится?

Но когда я увидел самого епископа, все насмешливые и неодобрительные мысли разом вылетели из головы.

Епископ амстердамский, брат во Сестре Ульбрихт, был парализован. Он сидел в легком деревянном кресле на колесиках, одетый в одну ночную рубашку. Еще не старик, хоть и пожилой, но весь высохший, прикрытые пледом ноги тонки и неподвижны.

– Подожди там, брат Кастор… – сказал епископ.

Священник за нашей спиной молча вышел, прикрыл дверь.

– Добрый вечер тебе, брат Рууд, – вполголоса сказал епископ. – И тебе, незнакомый брат. Прости, что не встаю, но я ныне и перед Пасынком Божьим не встал бы…

Я рухнул на колени. Подполз к епископу, припал губами к слабой руке:

– Благословите меня, святой брат. Благословите, ибо я грешен и нечестив.

Шел от брата Ульбрихта тяжелый запах болезни. Вот почему так духами в комнате пахнет – чтобы запахи немощного тела отбить… И вот почему опочивальня рядом с канцелярией – нет у епископа сил и здоровья двигаться.

– Прими мое прощение, – спокойно сказал епископ. – Как звать тебя, брат?

– Ильмар, Ильмар Скользкий. Вор.

Рука епископа дрогнула.

– Ты тот самый Ильмар?

– Да, святой брат…

– Рууд?

– Это он, ваше преосвященство, – отозвался священник. – Я спросил все, что было в скрытом послании, и он сказал так, как должно.

Слезящиеся глаза брата Ульбрихта всмотрелись в меня.

– Засучи правый рукав, брат Ильмар.

Я подчинился.

– Откуда у тебя этот шрам?

– Это с детства, ваше преосвященство, – прошептал я. – Упал с дерева. Я всем говорю, что это след от китайской сабли, но вру. На самом деле – шрам от острого камня.

– Что ты унес из языческого храма в Тессалониках, семь лет назад?

– Там не было ничего ценного, святой брат… Несколько древних свитков, я не смог их прочитать, и никто не дал хорошей цены… я пожертвовал их храму Сестры в Афинах…

Брат Ульбрихт улыбнулся:

– А если бы тебя дали хорошую цену?

– Продал бы, ваше преосвященство. Я грешен.

– Мы все грешны… – Епископ посмотрел на Рууда. – Милость Сестры с нами, брат. Это действительно вор Ильмар. Я знаю и другие вопросы… но это уже не нужно. Это Скользкий Ильмар. Вор из воров, искусник, грабитель древних могил…

– Прости меня, святой брат…

– Ты прощен. Уже прощен. Отвечай на вопросы, и все с тобой будет хорошо.

Откуда в его слабом теле бралось столько силы? Я сразу успокоился, будто глупый ребенок, впервые вкусивший таинства веры…

– Брат Рууд, кто еще знает о нем?

– Никто, брат Ульбрихт. Ильмар исповедовался… и я понял, кто рядом со мной.

– Рука Сестры… – снова сказал епископ и сложил руки лодочкой. Я последовал его примеру, и минуту мы молились вместе молча.

– Скажи, Ильмар, где принц Маркус?

– Я не знаю, святой брат…

– Отвечай правду, Сестра слышит тебя через меня.

– Я не знаю, брат Ульбрихт! Тогда, на побережье, он словно сквозь землю провалился! Я пытался его найти, но не смог.

– А зачем ты его искал?

Я пожал плечами. Если уж Сестра меня сейчас слышит, то и видит, наверное. Поймет. Что я могу сказать, как объяснить? То ли привязался я к мальчику, то ли объяснений хотел, то ли помочь собирался…

– Отвечай, Ильмар.

– Не знаю. Зла я ему не хотел.

– И правильно делал. Проклят будет во веки веков тот, кто убьет его, ввергнут в холод адский, в пустыни ледяные… а уж о земном наказании слуги Сестры озаботятся!

Я вздрогнул. В глазах епископа блеснул такой яростный огонь… такая святая вера! Словно не о мальчишке, родными преданном, Домом проклятом, говорил, а об одиннадцати предателях, Искупителя толпе отдавших…

– Не бойся, Ильмар… – Епископ почувствовал мое замешательство. – Не к тебе мой гнев. Так ты не ведаешь, где Маркус?

– Нет.

Епископ вздохнул. Задумался. Брат Рууд стоял в сторонке, беззвучный, неподвижный, словно и дышать разучился.

– Не может быть, что ты случайно сюда пришел… рука Сестры тебя вела… Брат Ильмар, скажи, что тебе дал мальчик?

– Титул…

– Тщета! Что еще?

– Кинжал.

– Покажи мне его.

Брат Ульбрихт повертел кинжал, вгляделся в узоры на рукояти и лезвии, в свирепый профиль выгравированного орла. Движения были умелы и осторожны – видно, побывал он в страже храмовой, имел сноровку с оружием обращаться.

– Да, да… и впрямь кинжал Дома… – без всякого интереса произнес он. Вернул мне оружие. – Все?

– Все, святой брат.

– Скажи, а мальчик научил тебя Слову?

– Нет.

– Ты хотя бы слышал, что он произносит, когда тянется в Холод?

– Нет… он одними губами шептал…

– Движения рук? Позу? Интервал времени между Словом и Холодом?

Я молчал, сбитый с толку неожиданным потоком вопросов.

– Ваше преосвященство, – заговорил Рууд. – Искусный магнетизер, полагаю, способен погрузить Ильмара в сон, и тот вспомнит многое.

– Да, возможно…

Епископ будто ослаб. Не оправдал я его надежд… а не велит ли он сейчас выставить меня из храма – прямо на площадь, к разъяренным стражникам?

– По крайней мере мы узнаем интервал и двигательную фазу Слова, – рассуждал Рууд. – А возможно, что в магнетическом сне Ильмар сумеет и прочитать речевую формулу по губам мальчика…

– Это все равно ничего не даст, – возразил епископ. – Ничего…

– Но Сестра привела Ильмара к нам!

– Возможно, для того лишь, чтобы мы укрыли Ильмара. Он заслужил покровительство Сестры хотя бы тем, что спас Маркуса с каторги.

– Но если хоть малейший шанс…

– Да, конечно. – Епископ поднял взгляд на Рууда. – Ты молод, преисполнен надежд и оптимизма. Ты горишь святым огнем подвижничества. Ты прав, брат Рууд, это я слишком стар и немощен, чтобы строить пустые надежды… Брат мой, ты повезешь Ильмара в Рим. Ты сопроводишь его к Преемнику Искупителя, и, если будет на то Божья воля – это поможет нам… поможет всем нам. Брат Рууд, подойди ко мне!

Через миг священник стоял на коленях рядом со мной. Епископ возложил на его голову руку, произнес:

– Именем Сестры, ее волей… на радость Искупителю… дарю тем сан святого паладина. Снимаю с тебя все обеты, освобождаю от новых – пока не достигнешь ты Рима и не сопроводишь вора Ильмара к Пасынку Божьему! Отныне все в твоей воле, нет и не будет на тебе грехов, любой твой поступок во исполнение миссии – мил Искупителю и Сестре!

Рууд задрожал.

Еще бы. У меня колени подогнулись со страху. Святой паладин – это даже не епископ, не кардинал. Сан этот дается тому, кто ради веры ни себя не щадит, ни других, кто должен совершить такое дело, что весь мир в восторг повергнет! Неужели ради того, чтобы доставить меня в Урбис, ради надежды слабой, что я чего-то вспомню, готов епископ такую ответственность взять, через себя – все грехи Рууда, прошлые и будущие, на безгрешную Сестру отвести?

И тут епископ произнес Слово.

Ледяной ветерок дохнул на нас. Брат Ульбрихт потянулся в ничто… и достал крошечный блестящий предмет. Стальной столбик на шелковой нити, святой знак…

– Это столб из того железа, которого Искупитель касался… – спокойно сказал епископ. Не было в голосе благоговения, только усталость. – Носи его знаком святого подвижничества, брат Рууд. Знающие – узнают. Все. Вера с тобой.

– Вера со мной, брат Ульбрихт, – прошептал Рууд, приняв святой столб в сложенные лодочкой ладони. Поцеловал его, бережно надел его на шею.

– Иди. Возьмешь мой экипаж… пусть брат Кастор приказ заготовит. И езжай немедленно. Никому сейчас веры нет. Никому, понимаешь?

– Если нас остановит стража?

– Скажи, что вы едете… нет, не в Рим. Куда угодно, любой другой город назови. Брат Ильмар пусть тоже в наши одежды оденется, священником назовется…

– Как я могу, брат Ульбрихт? – спросил я.

Епископ вздохнул:

– Прав ты. Не стоит святое дело с обмана начинать. Брат Ильмар, крепка ли твоя вера?

– Крепка, святой брат…

– Веруешь ты в то, что Искупитель – приемный сын Божий, первый из сыновей земных, что Сестра – ему сестра названая, Господу приемная дочь?

– Верую…

– Не отступал ли ты против веры, хоть в самой малости? Не творил ли языческих обрядов, не молился ли лживым богам, не поносил ли святой столб и чудеса Слова Господнего?

– Нет, ваше преосвященство…

– Хорошо. Милостью Искупителя и Сестры, недостойный брат мой, дарую тебе сан святого миссионера, истинное слово во тьму несущего. Отпускаются грехи твои.

Не было у меня никаких сил ответить. Поцеловал я слабую руку епископа, приняв ее, по правилу, в свои сложенные лодочкой ладони, и только о том подумал, что судьба человеческая – игрушка в руках всевышнего. Две недели назад был я просто беглым татем. Ну, положим, каторжником-то я как был, так и остался, но вот в придачу – стал графом Печальных Островов и святым миссионером.

Судьба.

– Идите, – сказал епископ.

– Брат Ульбрихт, предан ли вам брат Кастор? – спросил Рууд, не вставая с колен.

– Да, насколько я ведаю. Но я не знаю, только ли мне он предан.

– Добр ли он к вам?

– Да, брат Ульбрихт. Очень добр и заботлив.

Глаза у епископа стали грустными и печальными.

– Ваше преосвященство, как мне поступить?

– На тебе нет грехов, брат Рууд.

Мы поднялись с колен. Епископ потянулся, достал с кровати колокольчик, позвонил. Через несколько мгновений дверь опочивальни открылась.

– Брат Кастор, – тихо сказал епископ. – Подготовь все приказы, что велит тебе брат Рууд, святой паладин Сестры.

Брат Кастор вздрогнул. Склонил голову.

– Отпускаю тебе все грехи, брат Кастор, – добавил епископ.

Он не понял. Уже и я все понял, а брат Кастор так и не сообразил. Выписал бумаги, названные Руудом, скрепил их печатями, своим росчерком, а подпись епископа там заранее была. Я украдкой поглядывал на дверь из канцелярии в опочивальню: может, одумается епископ, подкатится на своем кресле, окликнет…

– Все готово, – сказал брат Кастор, протягивая бумаги Рууду. Тот молча принял их, и так молниеносно, что любой душегубец бы позавидовал, выхватил тонкий стилет.

– Прости, брат Кастор, – сказал святой паладин, вонзая лезвие в грудь секретаря епископа.

Не издав ни звука, Кастор рухнул на пол. Глаза остались открытыми и растерянно взирали на брата во Сестре.

– Отпускаю тебе грехи, – сказал Рууд. – Прощаю то, что был ты соглядатаем Дома, прощаю то, что ты совершил, и то, что хотел совершить.

Лицо у него даже не дрогнуло. И злобы в глазах не было, не говоря уж о сожалении.

– Идем, брат мой Ильмар, – отворачиваясь от тела, сказал Рууд. – Нам еще надо одеяние тебе подобрать, в дорогу снарядиться, на конюшню приказ отдать. Идем, нет у нас времени.

Глава четвертая,
в которой меня учат благочестию, а я учу разуму

При виде приказов, подписанных епископом и его покойным секретарем – впрочем, о смерти брата Кастора никто еще не знал, – вся святая братия проявила достойное рвение.

Рууд меня сразу же услал в свою келью. Там я и сидел, глядя тупо на крошечный лик Сестры, что на стене висел.

Скажи, всемилостивейшая, неужели стоило священника убивать? Даже если был он наушником Дома, так ведь есть у храма подвалы, камеры для покаяния провинившихся братьев. Та же тюрьма, если честно.

Запереть, да и дело с концом…

Нет – убил. Не колеблясь, не медля. Один брат – другого.

А чего тогда мне ждать? Если интересы веры заставляют святых братьев друг друга резать! Кто я для них? Титул насмешливый, сан, мимолетно положенный – разве это брата Рууда остановит? Вот расскажу я все, что знаю, Преемнику Юлию, стану не нужен, и…

Мысли были неприятные. Тяжелые и почти грешные. Без позволения Сестры святой паладин греха не совершит. Если Сестра дозволила – значит, правильно Рууд поступил!

Только ведь Сестра – она далеко, в царствии небесном. А человеку свойственно ошибаться. Прав ли был добрейший епископ Ульбрихт, давая сан брату Рууду? Сестра ли его устами говорила?

Вспомнил я тот блеск в глазах епископа, когда он о принце Маркусе заговорил, и нехорошо мне стало. Знал святой брат что-то такое, что и Рууду, наверное, неведомо. А уж мне – тем более. Что-то очень важное о маленьком беглом принце.

Ох, не стоит в игры сильных мира сего влезать! На все мои козырные шестерки у них по тузу приготовлено. Стану не нужен – вмиг сметут.

Раздались за дверью шаги – быстрые, уверенные. Вошел брат Рууд. Только я его не сразу узнал.

Плащ на нем теперь – малиновый, с синей каймой. Плащ священника-подвижника, что и оружием владеет, и словом истинной веры. На поясе длинный меч, и уже по строгой красоте рукояти, по ножнам я угадал, что и клинок хорош. Кожаные сапоги, на груди – святой столб поблескивает. Не стал под одежду прятать, может, и правильно, все больше почтения в окружающих…

– Одевайся, брат Ильмар.

Дал он мне одежду миссионера – все из палевого сукна, неприметного и скромного. Редко такую встретишь в державных владениях. Миссионерская судьба – свет веры к дикарям нести, в джунгли, в пустыни, в болота. Редко-редко такой встретится в портовом городке – торопящийся на корабль, в плавание в чужие края. И еще реже возвращаются они…

Может, и меня такая судьба ждет? Как поведаю все, что знаю, так и напомнят – сан не зря дан. Отправят в Конго, Канаду, Ниппон или иную окраину мира. Неси свет веры, бывший вор Ильмар…

Все это я думал, переодеваясь под пристальным взглядом Рууда. Вроде бы и не обыскивали меня, а теперь – все вещички спутнику знакомы. И деньги мои он видел, и мелочь всякую, вроде гребешка и карманного туалетного несессера. И пулевик.

– Стрелять умеешь? – спросил брат Рууд.

– Вроде получалось.

– Хорошо. Путь трудный.

Вот и все рассуждения. Вышли мы из кельи, и двинулся я за своим новым спутником по бесконечным коридорам. Конюшни были не совсем при храме, но оказалось, что к ним тянется под площадью подземный туннель. Под большими городами все изрыто, и такими вот тайными ходами, и катакомбами древними, и канализацией, если город совсем уж крупный и богатый. А под Лютецией – или, если попроще, без державной пышности, под Парижем, – говорят, подземный город чуть ли не втрое больше верхнего, даже и до Версаля дойти можно, на свет не выходя.

– Брата Кастора вспоминаешь? – спросил вдруг Рууд.

Я промолчал.

– Вспоминаешь. Вижу.

А хоть бы и вспоминал! Ему-то что? Молчу же, не учу монаха истинной вере.

– Мне неведомо, что такое важное есть в принце Маркусе, – сказал вдруг Рууд. – Но Преемник сказал, что сейчас он для веры – как фундамент для храма. Такие слова зря не говорят. Малый грех вера простит, большего бы не сотворить…

– Кровь проливать мне приходилось, брат Рууд, – ответил я. – Вот только малым грехом я это никогда не считал.

– И зря, брат. Вера не только на добре стоит, крови за нее немало пролито. Если вдруг невинен был брат Кастор – Сестра его милостью не оставит. А если прав я – значит, спас душу его от предательства.

Гладко все получается. Куда уж глаже. Я и не стал спорить.

Вышли мы наконец из туннеля – прямо в конюшни, к выезду крытому, где уже готов был экипаж. Крепкая карета для дальних поездок, на железных рессорах, с шестеркой вороных лошадей. Окна серебрёные, снаружи ничего и не углядишь. На закрытом облучке ждали два кучера – тоже в одеяниях священников. Кто-то из младших братьев.

– Садись, – сказал Рууд. Пошел к возницам, поговорил коротко. Я тем временем забрался в карету.

Уютно. Ничего не скажешь. Видно, сам епископ на ней выезжал. Два мягких дивана – хоть сиди, хоть спи, – на них пледы теплые. Погребец, внутри и еда, и бутылки, в гнездах надежно закрепленные. Яркая карбидная лампа, столик откидной, переговорная труба к возницам, даже рукомойник дорожный есть. Куда роскошнее первого класса в самых хороших дилижансах.

Устроившись на диване, я почувствовал, как наваливается усталость. Неужели милостью Сестры все же вырвусь из ловушки?

Следом забрался брат Рууд. Экипаж сразу же тронулся, ворота распахнули, и мы выехали в дождливую холодную ночь.

– Располагайся удобнее, брат мой, – сказал Рууд. – Путь длинный. Сейчас мы двинемся на Брюссель, так меньше подозрений у стражи будет. Потом уже к Риму направимся.

Экипаж катился по площади – мягко, без тряски надоедливой. Патрульные, что были вокруг храма, на карету поглядывали, но не препятствовали.

– Присоединяйся, брат, – предложил Рууд добродушно. Достал из погребца бутыль вина, разлил по красивым стальным бокалам.

– А как же твои обеты? Ты вроде вина не пьешь? – спросил я, принимая бокал.

– Не время теперь плоть умерщвлять, – спокойно ответил брат Рууд. – Сейчас глоток вина – не грех. Только фанатики посты соблюдают и обеты держат, когда надо в бой идти.

– А ты боя ждешь, брат?

– Я всего жду, Ильмар.

Его глаза блеснули.

– И запомни… брат мой… ты теперь себя беречь должен. Ты – ниточка, которая может к Маркусу привести.

Вот. Очень приятное дело.

– Спасибо, брат Рууд, остерегусь, – пообещал я. Мы выпили, потом Рууд молча убрал вино.

Карета выехала наконец с площади, загрохотала по неровной мостовой вдоль Принсенграхт.

– Расслабься, – посоветовал Рууд. – На выезде из города нас все равно будут проверять, брат.

Легкое дело – после такого напутствия расслабиться.

Посмотрел я в окно, на домики-барки, вдоль всего канала стоящие. В окнах кое-где огоньки горят, а так как занавесок по местному обычаю нет, то можно все насквозь видеть. Женщина с вязаньем, видно, ждет кого, раз за полночь не ложится. Мужчина полуголый гантелями каменными ворочает. А вот целая толпа за окном – кружатся в танце, на столах бокалы хрустальные поблескивают. Пускай стража каторжника ловит, пусть Дом указы грозные рассылает, пусть на краю света краснокожие переселенцев режут – есть ли до того дело простому бюргеру?

И на миг меня снова тоска коснулась. По такому вот спокойствию, по жизни устроенной, по необязательности при виде стражника напрягаться…

– Мирская жизнь соблазнительна, таит в себе многие прелести и искушения, – сказал брат Рууд. – Мне понятно, как ради Господа, ради Искупителя и Сестры, от нее отказаться. А скажи, Ильмар, что тебя с честной стези свело?

– Любопытство, брат Рууд. Любопытство… Скажи, кто из здешних людей хотя бы из своей провинции выезжал?

– Немногие.

– А я в Китае был, через Руссийское Ханство проезжал, с живыми ниппонцами беседовал, в Египте полгода жил – да не в державной Александрии, а в языческом Мероэ, – даже в дикой Африке старые храмы раскапывал.

– Любопытство – божественная черта, людям подаренная, – согласился Рууд. – Но не все человеку дано постичь.

– А я многого и не желаю, брат Рууд. О загадках божественного мироздания не сокрушаюсь. Мне бы повидать, как люди в чужих странах живут, на далекие берега ступить – уже хорошо.

Брат Рууд помолчал. Видно, говорил я что-то опасно близящееся к ереси, но границ все же не преступил.

– Купцы, миссионеры, географы, тайные слуги Дома – многие путешествуют по всему миру, – сказал он наконец. – Недавно в холодных краях, что за Африкой раскинулись, целая экспедиция побывала. Ледяной материк нашли. Там никто не живет, только звери, доселе невиданные. Птицы, не умеющие летать, а плавающие словно рыбы, например… Не верю я, Ильмар, что одна лишь страсть к путешествиям тебя с честной дороги сбила. Нет в тебе злодейской сути, злобы душегубной.

– Правильно, – признался я. – Не только любопытство. Еще и лень. Не хочу я, брат, изо дня в день кропотливым трудом заниматься. Вставать по утрам, галстук повязывать, перо чиновничье на шляпе поправлять, на службу идти… Нет. Не хочу.

– Это – грех. Господь наставляет нас трудиться прилежно.

– Грех, – признал я. – Только сам Искупитель плотницким трудом пренебрег и сказал, что каждого своя дорога в жизни ждет.

– Остановись, брат Ильмар! Ты опасные вещи говоришь!

– Брат Рууд, а разве вам не положено смутные места в священных книгах толковать?

Брат Рууд кивнул.

– Положено, брат Ильмар. Прости мою горячность. Говори, сомневайся, я счастлив буду развеять твои заблуждения. Спрашивай, брат.

Похоже, он и впрямь был готов к разговору. Я задумался. Потолковать о вере со святым паладином – шанс редкий, раз в жизни, да и то не всякому выпадает.

– Скажи, брат, что такое Слово?

– Слово Господне дано людям как пример чуда повседневного, ежечасного, достойным людям доступного. Позволяет Слово в пространстве духовном, под взглядом Господним, любую вещь, тебе принадлежащую, скрыть до времени…

– А вот Жерар Светоносный писал, что Слово – искушение, данное людям в испытание…

– И достойный Жерар прав. Слово – будто оселок, на котором каждый свою душу правит. Кто отточит до достойного блеска, а кто и напрочь в труху сведет.

– Но разве все люди не едины перед Богом? Почему тогда те, кому дано Слово, не спешат им с другими людьми поделиться?

– Каждый достойный рано или поздно свое Слово находит. А найдя – прямой путь к душе Искупителя получает. Дальше уже его воля, как употребить полученное.

– Что-то редко Слово благу служит. Ну, святой Николай под Рождество Искупителя по бедным домам бродил, из Холода монетки доставал да беднякам дарил. Святой Парацельс в Холоде лекарства прятал, больных исцелял. Только и тут сумой могли обойтись, а разбойников и простым словом усовестить можно… Еще могу кое-кого вспомнить. А в основном-то, брат Рууд, как получит человек Слово – так одна страсть наружу выходит! Прятать, копить, от людского глаза укрывать.

– Да, Ильмар. Так и есть. Значит, далеки мы пока от Господа. Вот и нет пока на земле царства любви и добра. Слыхал ли ты, Ильмар, о пороховом заговоре в Лондоне? О том, после которого Британия уже не оправилась?

– Слыхал.

– Тогда заговорщик на Слове Божьем пронес порох и взорвал парламент… А король Яков, правивший тогда Британией и не признававший власти Владетеля, с перепугу все сокровища своей короны в Холод убрал и ума лишился. Не смог ничего достать обратно.

– Говорят, – тихонько вставил я, – что часть сокровищ была на Слове у Лорда-казначея, да тот предателем оказался.

Не захотел отдавать их наследникам, сбежал, только и сам вскоре сгинул, не воспользовался…

– Может быть, Ильмар. Четыреста лет прошло, никто из людей уже правды не знает. Но только что в итоге получилось? Всё достояние британское – в Холоде. Ни денег – войскам заплатить, ни оружия – солдатам раздать. Власть рухнула, резня началась, Британия в крови потонула. Добро это или зло?

– Зло.

– А то, что после этого острова под державную власть вернулись, истинную веру без оговорок приняли? Если бы сейчас в Европе не единая власть была, если бы отдельные провинции свои законы имели и настоящие войны вели? Сейчас, когда пулевики в ходу, когда планёры могут бомбы сбрасывать? Так чему послужило Слово?

– Добру. Наверное – добру.

– Вот так, брат мой Ильмар. Невозможно слабым человеческим умом постичь, к чему отдельный поступок приведет. Малая капля крови сегодня завтра большой пожар погасит.

Я замолчал. Не мне спорить с настоящим священником, искушенным в словесных тонкостях.

– Слово – тайна огромная, непостижимая, – задумчиво сказал Рууд. – Вот представь – нет Слова! Вообще нет! Что бы стало с миром? Где могли бы хранить дворяне свои ценности – от разграбления, от воров… да, от воров, брат мой Ильмар… Вместо потаенного Слова, на котором вся графская казна хранится, – сотни людей охраны, трудом не занятые. Вместо того чтобы в Холод налоги спрятать, да и донести без помех до Дома – целые обозы по дорогам двинутся, значит, надо эти дороги огромным трудом поднимать, чинить, в порядке держать…

Нас как раз тряхнуло, и я рискнул вставить:

– Хорошие дороги – они и добрым людям полезны.

Брат Рууд слегка улыбнулся.

– Не спорю, брат. Пришло время – построили дороги. Но каким чудом, скажи, удалось бы руссийскому тёмнику Суворову пушки через Альпы перетащить, когда в швейцарской провинции битва состоялась? Каким чудом – кроме Слова? А как святой брат наш, Самюэл Вандер-Пютте, незадолго до той баталии, смог бы из Китая в Европу тайну пороха доставить? Через Руссийское Ханство пронести – и пулевики, и порох, и книги тайные? Как он смог бы в Китай нефрит и железо доставить для подкупа? Если бы Дом против Руссийского Ханства без пушек и пулевиков воевал – жили бы под игом! Все в мире связано, брат. Одним Слово беду несет, другим – пользу приносит, от беды спасает.

– Слышал я, что в давние годы в Европе порох знали, – возразил я. – Потом был утерян секрет, спрятан на Слове, а мастера и убили. Пришлось из китайских земель заново тайну доставлять.

– А если и так? Видишь, Слово все время работает, одно теряется, другое находится. И благо в нем, и зло.

Я кивнул.

– Искупитель создал Слово непознаваемым, и в том была великая мудрость. Для стороннего взгляда все просто. Сказал человек что-то, потянулся куда-то, с силами собрался – и достал вещь из Холода. А теперь подумай сам: мог принц Маркус от цепей освободиться?

– Нет, конечно. Навык нужен.

Брат Рууд усмехнулся:

– А если бы он взял цепь, его сковывающую, да и положил на Слово?

– Но… – Я замолчал, пытаясь представить картину. Мальчик касается цепи… прячет в ничто… остается свободным? – У него сил не хватало?

– Не в том дело. Цепь не ему принадлежала, он сам на цепи был. Вот если вначале снять цепь, власть над ней ощутить – то пошла бы она в Холод без задержек. Об этом еще святой Фома рассуждал – над чем мы руками владеем, то и духу подвластно… Ладно, а вот представь, веревка или цепь, один конец свободный, а к другому привязан ослик, или человек прикован. Берет принц Маркус эту веревку-цепь, да и кладет на Слово. Что случится?

– Живое и жившее Слову не подвластно.

– Правильно. А то, что к живому привязано? Уйдут путы в Холод, станет пленник свободным?

– Не знаю.

Брат Рууд улыбался.

– Скажи! – попросил я. – Скажи, брат!

– А вот это, Ильмар, от того, кто Словом владеет, и от того, на ком путы, зависит. Может, так случится, что исчезнут. А может – и нет… Хорошо, представь, что берутся за одну вещь два человека, знающих Слово. И каждый вещь на Холод прячет. Кому она будет принадлежать?

Я молчал. Все в голове смешалось. Не было никакого ответа на эти вопросы, ничего я не мог сказать.

– А если…

Карета вдруг дернулась, начала сворачивать к обочине, останавливаясь. Я глянул в окно.

– Брат Рууд, дозор армейский!

– Не бойся, брат…

Дозор был серьезный. Два офицера в надраенных медных кирасах, десяток солдат с короткими копьями и мечами. У одного офицера в руке был двуствольный пулевик. О чем говорят, слышно не было, но, похоже, ответы возниц их не удовлетворили.

– Брат Рууд…

– Успокойся, брат, лучше вот о чем подумай. Если подходит человек со Словом к вещи составной. Например – к нашей карете. Берется за колесо, да и говорит Слово. Одно колесо в Холод уйдет, вся карета, или вообще ничего не случится? А что с нами, в карете сидящими, будет? В Холод не уйти, значит, на землю упадем? Или пока мы в карете, нельзя…

Дверь открылась. Офицер с пулевиком заглянул внутрь. Почтительно произнес:

– Святые братья…

– Мир тебе, слуга Дома, – невозмутимо отозвался Рууд. – Так вот, рассуди, брат, что случится?

– Не знаю, – сказал я учтиво, голову склоняя. – На все воля Искупителя и Сестры…

Не пересказывать же ему, как Марк в планёр вскочил, чтоб не дать летунье его на Слово взять.

– Святые братья, – с легким нажимом повторил офицер. Брат Рууд повернулся к нему:

– Мир тебе. Говори.

– Из вольного города Амстердама запрещен выезд, – сказал офицер. Властно, но под этой напускной твердостью пряталась неуверенность. Наверное, не один экипаж он этой ночью назад завернул, но вот что сейчас делать – не знал.

– Я знаю, офицер. Только касается ли этот приказ нас?

– В приказе сказано – всем без исключения…

– Повтори приказ дословно.

Офицер кивнул, явно обрадованный предложением. Чуть прикрыл глаза, произнес:

– Именем Искупителя и Сестры, повелением Дома, запрещен для всех без исключения выезд за пределы вольного города Амстердама. Все экипажи, а также отдельных путников, проверять в поисках беглого каторжника Ильмара, после чего заворачивать обратно. Если же каторжник Ильмар или младший принц Дома Маркус будут замечены или хоть подозрение в том появится…

– Хорошо, офицер. Так ты полагаешь, что Сестра своим слугам запрещает город покидать?

– В приказе не сказано ни о каких исключениях.

– Как твое имя, офицер?

– Рейнгарт, святой брат.

Рууд молча достал бумаги. Протянул офицеру два листа. Тот молча начал читать, беззвучно шевеля губами. Поднял округлившиеся глаза на Рууда.

– Я, святой паладин Сестры, ее волей отменяю приказ в той части, что касается нашего экипажа. По воле епископа Ульбрихта мы, два смиренных брата, следуем в город Брюссель с миссией особой важности.

– Мне запрещено пропускать кого бы то ни было! – с мукой в голосе воскликнул бедолага Рейнгарт.

– Беру твой проступок на себя, брат, – безмятежно ответил Рууд. – Именем Сестры прощаю грех.

Он поднял с груди святой столб, прикоснулся к покрывшемуся испариной лбу офицера.

– Нет на тебе греха. Вели освободить дорогу.

– Я должен спросить разрешение у штаба…

– Тебе дано *высшее* разрешение! – повысил голос Рууд. – Уведоми о нем свой штаб.

– Дайте мне слово, что в экипаже нет беглого каторжника Ильмара и принца Маркуса, – прошептал офицер.

Видимо, крепкий был приказ, раз офицер осмелился такое требовать от святого паладина.

– Здесь лишь два священника храма Сестры, – ответил Рууд. – Все. Иди и не греши.

Офицер кивнул. И посмотрел на меня.

– Благословите, святой брат.

Тут был какой-то подвох. В глазах Рууда вспыхнула тревога, а офицер ждал.

В один миг я вспомнил все благословения, что происходили на моих глазах. И с облегчением произнес:

– Ты уже удостоен напутствия, брат мой. Чистое не сделать чище. Иди с миром.

– Спасибо, братья. – Офицер подался назад. – Мягкого пути, святой паладин. Мягкого пути, святой миссионер.

Он притворил дверь, махнул рукой солдатам. Защелкали кнуты, карета тронулась, выкатилась на дорогу.

– Трубачей нам не хватает, – сказал я. – Десятка трубачей да пары глашатаев.

– О чем ты, Ильмар? – удивился Рууд.

– И чтобы трубачи всех сзывали, а глашатаи объявляли: «Мы едем в Брюссель, а вовсе не в Рим. Святой паладин – дело самое обычное. А скромный миссионер в епископской карете – явление заурядное. Не удивляйтесь, люди добрые. Не обращайте на нас внимания».

Брат Рууд молчал. Лицо его медленно шло красными пятнами.

– Ты считаешь, что мы выдаем себя?

– Конечно, брат, – удивился я. – На самом-то деле нам надо было пешком двинуться. Или верхом, но никак не в карете.

– А как же дозоры? Нас со всеми документами едва пропустили…

– Брат Рууд, если дать две-три монеты любому крестьянину – такими тропками проведет, что ни одного стражника не встретим.

– Это воровские повадки.

– Конечно. Только, может, стоило их вспомнить, ради святого-то дела?

Священник задумался. Приятно было увидеть, что и я способен поучить его уму-разуму.

– В чем-то ты прав, Ильмар. Но заставу мы проехали. Пока сообщат дозорные начальству, пока старшие офицеры к епископу обратятся, пока раздумывать будут – чисто дело или нет, – мы уже в Риме окажемся.

Лошади и впрямь несли карету во весь опор. Может, на таких рысях, с частой сменой, да по хорошим дорогам, и впрямь дней за пять до Рима доберемся – даже и через Брюссель?

– Я бы все равно предпочел внимания на себя не обращать…

Брат Рууд усмехнулся. К нему вновь вернулась уверенность.

– Не бери в голову лишнего, брат. Доедем.

Он разулся, прилег на диван, полог матерчатый, что от падения удерживает, на себя набросил, закрепил.

– Лучше ложись спать. Пока дорога гладкая, отдохнуть надо.

Эх, святой паладин! Уж не сан ли новый тебя ума лишает?

Путешествовать с комфортом – искушение большое, особенно если после долгих лет аскетизма в том греха нет…

Но этого я, конечно, вслух не сказал. Лег, полог над собой пристегнул. Только и промолвил:

– А ведь солдат ты не испугался, святой брат… Ты кого-то другого боишься.

Брат Рууд не ответил. Лишь на миг с дыхания сбился.

Я немного подумал, не стоит ли теперь, став миссионером, какие-то особые молитвы Сестре возносить. На коленях или еще как. Но брат Рууд ничем подобным себя не утруждал, и я тоже решил не дергаться.

На хорошей дороге, да в карете с упругими рессорами, полеживая на диване, – сон не хуже, чем в гостинице. Привык я к толчкам и покачиваниям, перестал их замечать. Один только раз, под утро, проснулся – когда карета остановилась. Выглянул – возницы отлить слезли. Последовал я их примеру, постоял потом у кареты, в звездное небо глядя. Холодно, но хоть дождя нет, тучи почти разошлись. Тянуло откуда-то сыростью, видно, вдоль реки или канала едем.

– Пора в путь, святой брат.

Хорошие возницы. Молчаливые, нелюбопытные. И крепкие, не зря за поясами мечи носят. Видно, глупости я Рууду говорил, одиноких путников больше бед подстерегает. Наткнулись бы на банду душегубцев, что делать?

Забрался я обратно в карету. Святой паладин вроде и не шевельнулся, но глаза чуть приоткрыл. Бдит.

Лег я и проспал до полудня, до самого Брюсселя.

За двенадцать часов мы двести километров проехали, почти без остановок, без всяких задержек. И кони, хоть и выглядели усталыми, шли еще ровно. Остановились мы не у храма Сестры, как я полагал, а у обычной городской конной станции. Один возница коней утирал, другой на станцию сходил. Вернулся, доложил вполголоса Рууду, что и как. Я не вслушивался, ходил, ноги разминал. После полета на планёре решил я серьезнее к своему телу относиться. Вора ноги кормят… впрочем, я ж теперь не вор… или вор?

А вот вопрос – можно быть сразу графом, миссионером и вором? Если пред ликом Искупителя все грехи едины, если Сестра все простит – так, наверное, и такое возможно?

– Брат… – Рууд подошел ко мне. – Хороших коней на станции нет. Возницы предлагают дать нашим отдых до вечера, и дальше двинуться.

– Почему бы не дать, – согласился я. – Выспались вроде славно, можно и вторую ночь в дороге провести.

– Значит, решено.

Рууд махнул рукой возницам, те стали распрягать коней.

– Ты знаешь, где здесь можно хорошо поесть и отдохнуть? – спросил он.

– Конечно. Идем, святой брат. Вот только…

Он смотрел на меня, ожидая продолжения.

– Не стоит ли нам переодеться? Святой паладин, да в компании с миссионером – не самое обычное зрелище.

– Ты опять предлагаешь таиться, брат Ильмар?

– Даже Сестра не пренебрегла одеждами рабыни, когда пришла Искупителя увидеть…

– А что ей сказал Искупитель, помнишь? «По душе своей выбираешь одеяния. Сбрось чужое с себя, будь той, кем была».

Мне ли тягаться со священником в знании святых книг?

Я склонил голову.

– Твоя воля, брат. Идем.

Такая досада меня взяла, что повел я его в самое людное и знаменитое место Брюсселя – к статуе Жаннеке-пис. Конечно же, на улицах на нас смотрели. В первую очередь – на Рууда. Иногда к нему подходили, склоняли голову, и брат Рууд смиренно благословлял верующих.

В тени его популярности, за роскошью алого плаща, я совсем терялся.

Ох беда!

Видно, Рууд и впрямь был смиренным братом в большом храме. И вдруг – пришла удача в моем лице. Само собой так вышло, из-за требований секретности, из-за наказа Пасынка Божьего – лишним людям об Ильмаре не говорить, из-за слабости и болезности епископа, неспособного самолично со мной в Урбис отправиться.

Вот и сложилось.

Получил брат Рууд, считай, от самой Сестры, соизволение делать, что хочешь. Мирские радости – одно, Сестра против глотка доброго вина или вкусного обеда никогда против не говорила. А вот гордыня… гордыня, она похуже пьянства будет. Кто ей поддался, тому успокоиться тяжело.

Шел брат Рууд впереди меня, касался смиренной ладонью калек, гулящих девиц, добропорядочных бюргеров, малых детей, опрятных старушек, мудрых старцев, грязных нищих, воспитанных юношей, нарядных красоток. Раздавал благословения… ну, не всем подряд, но каждому, кто попросит.

Хорошее дело?

Только вот каждому хорошему делу надо время и место знать. На пылающий дом воды плеснуть – благо, на утопающего – насмешка и преступление.

Но я молчал. Только иногда говорил брату Рууду, куда сворачивать – город он плохо знал. Вышли мы на площадь, к фонтану, сели на открытой площадке «Снежной страны» – ресторанчика с хорошей руссийской кухней. Прислуга здесь ходила в меховых шапках и долгополых красных рубахах, на манер жителей Ханства. Правда, в самой Руссии я такие одежды встречал редко, праздничные они, наверное.

Брат Рууд принял от официанта меню, отпечатанное роскошно на бумаге, глянул на меня. Взгляд был смущенный. Не знал он, что здесь стоит брать, а чего поостеречься.

– Принеси нам, любезный, – сказал я пареньку, – борща. Потом – бешбармак и пельмени. Бутылку водки с ледника, обычной, не клюквенной, и соленых грибов.

Парень кивнул, по руссийскому обычаю ладонь к сердцу прижал, на кухню двинулся. Вскоре подали борщ – он всегда в огромном котле стоит готовый, – тарелки с рубленой вареной бараниной, вазочку со злой горчицей, черный хлеб.

С любопытством поглядывая на меня, брат Рууд принялся за еду. Доев борщ, признал:

– Варварская кухня приятна.

– Эх, жаль Китай далеко, – вздохнул я. – Ты бы попробовал, брат, что желтолицый народ готовит.

– Вкусно? – полюбопытствовал Рууд.

– Да. Только непривычно. Они и змей едят, и крыс, и насекомых…

Лицо святого паладина дрогнуло, и я замолчал.

– Надеюсь, здесь ничего такого нет?

– Нет, – поспешил я его успокоить. И без того народ вокруг любопытные взгляды исподтишка бросает, а уж если паладину дурно станет и заблюет он ресторан…

Утолив первый голод, мы расслабились. Дурные мысли у меня стали проходить. В конце концов, из кольца стражников выбрались! Кто нас теперь остановит?

На площади, у фонтана, ребятня играла. Бросалась камешками в Жаннеке-пис, пятое столетие занятую своим делом. Скульптура была глупая и в чем-то даже неприличная, только горожане ее любили всем сердцем. Легенда гласила, что в старые времена, когда Европу еще сотрясали настоящие войны, к Брюсселю подступил враг. И прокрался бы незамеченным мимо задремавшей стражи, если бы не маленькая девочка, вышедшая по нужде – иногда прибавлялось «по нужде, Сестрой посланной!» – и заметившая врагов.

Легенда была глупая. Ну что это за враг, если вся его сила в скрытности, и одна маленькая девочка способна весь город разбудить? Шайка воровская, а не враг… Да и с чего вдруг ребенок врагов углядел? На стену, что ли, девочка поднялась свои дела делать? Как-то неудобно это для женского пола…

Да и скульптура – так себе. Уж могли бы свою героиню изобразить в тот миг, когда она тревогу поднимала, а не перед тем! И уж тем более – обошлись бы скульптурой, зачем в фонтан ее было превращать?

Но в каждом городе свои обычаи. Вот и стояла, точнее – сидела мраморная девочка посреди фонтана, вымученно улыбаясь горожанам.

– Глупая скульптура, – вдруг сказал Рууд.

Я кивнул. Умен святой брат, разделяет мои мысли.

– В хрониках сказано, что на самом деле это был мальчик, – объяснил он. – И вовсе он не поднимал тревогу, а просто затушил фитиль у бомбы, под казарму заложенной.

Вот оно как…

– Причем сделал он это случайно… – добавил брат Рууд и впился взглядом в приближающегося подавальщика. На руках у того исходил паром огромный противень, заваленный мясом и вареным тестом.

– А почти все подвиги, запомнившиеся на века, совершены случайно.

– Да? Почему это? – заинтересовался Рууд.

– Чего же запоминать подвиг, который совершен великим и непобедимым героем? Или победу, когда войско было неисчислимо? Тут ничего необычного нет. И помнят такое, только если рассказано о таком подвиге талантливо – рассказ о подвиге запоминают, а не сам подвиг. А вот когда девочка вышла по нужде и врага углядела, или когда человек пустил стрелу и случайно попал в предводителя чужого войска… Или если помочиться и случайно затушить фитиль. Вот тут сразу запоминается.

Блюдо водрузили перед нами на стол. Брат Рууд поискал взглядом приборы, недоуменно глянул вслед подавальщику.

– Это полагается есть руками, – пояснил я.

– Варвары, – вздохнул Рууд. Но за еду все же принялся.

Глава пятая,
в которой я узнаю, кого боятся святые паладины, но все еще не знаю – почему

После сытного обеда брат Рууд расслабился. Его больше не тянуло бродить по улицам, он готов был сидеть у неправильного фонтана с неправильной скульптурой и пить крепкий русский чай, до которого оказался большим охотником.

Я был доволен. Не стоит лишний раз показываться. Все равно, конечно, слухи по городу уже идут. И все же запоздалая осторожность лучше, чем никакая.

– Ильмар, скажи мне, смиренному служителю Сестры… – начал Рууд.

Как он полюбил подчеркивать свое смирение, едва накинул алый плащ!

– Что движет тобой в жизни?

– Что?

Вот такого вопроса я не ожидал.

– В чем ты видишь смысл существования?

– Ни в чем особенно, святой брат. Уж если дана жизнь милостью Господней – так живи. Грешить не греши или хоть поменьше греши… Вот и все.

– Так живут дикие звери! – Брат Рууд твердо вознамерился наставить меня на путь истинный.

– Прости, святой брат.

– Сестра простит, – буркнул Рууд недовольно. – Есть две стези в жизни. Одна – набивать брюхо, тешить похоть, гордыню до небес возносить. Это и есть животная жизнь, от которой нас Сестра с Искупителем отучили!

– Что-то не помню я зверей, которые гордыней страдают…

Но святой паладин на эти слова внимания не обратил.

– А есть путь второй, человеческий. Пороки изгонять, душу смирять, к Божественному лику приближаться.

Я молчал. Не понимал, к чему он клонит.

– Есть в тебе зерно, Искупителем посеянное, – сообщил Рууд. – Ты ведь грешник, большой грешник. Но порой к правде обращался – свитки святые храмам жертвовал…

– Это… Рууд, да я всего раз так поступил. Да и то потому, что прибыли от них не ждал…

– В тебе сейчас говорит честность, – одобрительно кивнул Рууд. – Но скажи, ведь ты пользы с того не ждал? Гордыню не тешил, на выгоду не рассчитывал, от гнева Сестры откупиться не желал?

– Да что Сестре тот дар… – пробормотал я. – Ей все сокровища мира принадлежат…

– Значит, поступал ты по правде. Так вот, Ильмар…

Ах, ну зачем так громко! Вроде и нет никого поблизости, стесняются люди рядом со священниками садиться – а все равно, зря!

– Это была рука Сестры! Она тебя в храм привела, ко мне направила. Скажи, что ты станешь делать потом, когда все Пасынку Божьему расскажешь?

– Не знаю.

Мне бы для начала знать, что со мной делать будут! Что мне самому делать – после подумать можно.

– На тебя теперь сан положен. Это твой шанс к Богу приблизиться. Веди дальше жизнь честную. Отправься в далекие страны – слово святое нести. Или уйди в монастырь строгий, постом, молитвами, истязанием плоти прощение вымаливай. Не хочу я, Ильмар, чтобы погибла твоя душа.

Вот. Так я почему-то и думал. Что Пасынок Божий, Искупителя Преемник скажет – еще не знаю. А вот святой паладин уже сказал свое слово.

– Недостоин я такой чести, брат Рууд…

– Это отговорка, брат! Это в тебе животная жизнь говорит! Опомнись!

Святой паладин разгневался не на шутку. С минуту буравил меня строгим взглядом, потом вздохнул, чаю себе подлил и мягко добавил:

– Опомнись, Ильмар, о душе думай! Нигде нет истинного спасения – кроме как в служении Господу.

– Рууд… – Я кончил рассматривать чисто вымытый каменный пол, поднял глаза: – Скажи, Рууд, кто больше Искупителю и Сестре угоден? Тот, кто прожил честную жизнь, крови не пролил, трудился неустанно, детей вырастил, дело после себя оставил… Или тот, кто всю жизнь в монастырских стенах молитвы возносил?

Сказал я – и сам испугался. Но святой паладин, против ожиданий, не рассердился.

– Правильный вопрос. Богу все мило – и честная мирская жизнь, и служение в храме. Но вот для тебя, Ильмар, для вора и распутника…

Вот уж кем себя не считаю, так это распутником. Зря он так…

– Для тебя один путь – покаяние. Смирением и трудностями грехи смоешь.

– Спасибо за науку, брат…

Рууд кивнул. Ласково тронул меня за плечо.

– Возжигай в сердце огонь веры, брат!

Все бы хорошо. И говорил он с пылом, не каждый проповедник так с амвона выступит. И каждое его слово – словно из святых книг взято.

Только одна мысль продолжала меня мучить.

Неужели старые грехи замаливая, надо в монастырских стенах схорониться, ни только зла не творить больше, но и добра? Неужели ничего не делать – милее Богу, чем добро творить? Или и впрямь надо самого себя наказывать? Но тогда, выходит, Бог – как душегуб-мучитель, чужим страданиям рад. Нельзя же так думать!

Или можно?

Вон сколько зла на земле. И вся расплата – за гробовой доской, в иной жизни. Кому райские сады, кому адовы ледяные пустыни. Там Бог обиженных утешит, счастьем наградит, злодеев покарает… Знал я одного человечка, с детства помню, по соседству с нами жил. Всегда был готов над родной женой поиздеваться, и ударить, и словами унизить, людей не стыдясь. А потом будто опомнится. И приласкает, и повинится. Та и рада…

Зачем же Господу так же поступать? Веру испытывать? Так ему все про всех известно. Все насквозь видит, все про всех знает.

Куда уж больше похоже, что Богу до нас дела нет. Создал – и оставил барахтаться во тьме духовной. Только Искупитель о всех и скорбит, но Искупитель власть лишь над душами имеет, только и в силах, что сокрушаться да судить нас, грешных, когда отживем свое…

Я понимал, что впадаю в ересь. Причем в ересь такую примитивную и всем знакомую, что даже не возгордиться от нее. Атеисты всегда то же самое говорят, когда их на путь истинный наставляют. А священники уже устали объяснять о промысле Божьем, о том, что каждому шанс дается грехи искупить… Много у священников объяснений. Так много, что сразу видно – никто истины не знает.

Мне уж проще, прости Сестра, думать, что забыл о нас Бог…

Брат Рууд, наверное, решил, что я погружен в благочестивые размышления. Сидел тихо, перед собой глядя, и мне не мешал. Эх, брат, нет во мне такой веры, как в тебе. Не гожусь я в миссионеры. Не гожусь и в монахи. В честные люди, может, и сгожусь – только ты же сам говоришь, что этим грехов не искупишь.

Но как тебе сказать об этом, брат Рууд…

– Давай погуляем по городу, – сказал святой паладин.

– Как будет угодно, брат… – ответил я.

Мы гуляли по Брюсселю до темноты. Еще два раза заходили в ресторанчики – выпить кофе, перекусить пышными, с пылу с жару, вафлями со взбитыми сливками. В одном сидели особенно долго – там стоял новомодный оркестрион. Сквозь стеклянную дверцу было видно, что все без обмана – действительно сама машина играет, рычаги работают – смычок сам по сдвоенной скрипочке ходит, колотушки на барабанчиках и бубенцах ритм выбивают, у органчика мехи раздуваются, клапаны открываются-закрываются. К машине человек приставлен: накручивает тугую ручку, меняет по заказу гостей, за несколько монет, большие медные диски с дырочками. На каждом таком диске – музыка записана. Хотелось и мне выбрать песню, да вряд ли у них тут псалмы и каноны есть, а «Девочек предместья» мне, в нынешнем моем положении, заказывать неловко…

Этим серым осенним днем народу на улицах – кроме, конечно, районов магазинов и лучших ресторанов, вроде Рю де Шене или Гран-Пляс – было не особо много, и я успокоился. И стражи почти не было. Газовые фонари на Дворцовом проспекте еще не горели, в парке лениво бродили служители с граблями – тщетно боролись с листопадом. На дворце наместника машет крыльями телеграфная башенка, скучает над воротами золоченый имперский орел…

По ковру желтых листьев, устилающему, несмотря на старания служителей, каменные дорожки парка, мы дошли до маленькой церкви – двойной, сразу и Сестре, и Искупителю посвященной. Редко такие делаются. Рууд сразу повел меня к лику Искупителя, и это было правильно. Мы оба Господу через Сестру молимся, значит, сейчас важно Искупителю молитву вознести.

Служитель, похоже, принадлежащий к священникам Сестры, почтительно остановился в стороне, не рискуя мешать паладину. Мы молча помолились. Стоя на коленях, я смотрел на скорбный лик Искупителя, грубым вервием привязанного к святому столбу.

Вразуми!

Ты самому Господу – сын приемный, рядом с ним вставший. Редко я к тебе обращаюсь, строг ты к грешникам, уж проще через Сестру прощение попросить. Но вот теперь… может, укажешь путь? Что мне делать? Веру диким чернокожим нести? В монастыре укрыться?

Искупитель молчал. Неужели и ему не до меня?

Вразуми!

Наверное, на миг я взмолился так сильно, что в голове помутилось. Мне показалось, что я вижу… нет, не деревянную скульптуру, пусть и сработанную святым мастером и со всем возможным мастерством. Мне показалось, что я вижу Искупителя наяву. Показалось…

На миг.

Если это был ответ Искупителя, то я его не понял.

Брат Рууд закончил молитву, подошел к священнику. Они облобызались, поговорили минуту. Потом паладин ушел к лику Сестры. Я еще постоял на коленях, пытаясь почувствовать ушедшее ощущение… ощущение жизни, застывшее в мертвом дереве.

Нет. Больше ничего не было.

Я встал и, стараясь не глядеть в глаза Искупителю, пошел к брату Рууду.

Перед тем как мы выехали из города, я постарался всем, кому мог, сказать, что святой паладин и я, недостойный такой чести провожатый паладина, возвращаемся домой, в Амстердам. Пусть гадают, зачем был совершен наш визит. Может, святой брат Рууд решил русскими блюдами полакомиться?

Я даже слегка намекнул об этом работникам конной станции. Мол, собирается святой паладин в дальнее паломничество, в дикие снежные земли. Вот и решил заранее ознакомиться с варварской кухней…

Версия, конечно, дурацкая. Неужели в Амстердаме не нашлось знатоков чужеземной кулинарии? И неужто это столь важно, чтобы карету за двести километров гонять?

Но чем нелепее объяснение, тем охотнее в него верят. Люди привыкли везде и всюду подвох искать. Так что отъезжал я из города с более легкой душой.

Отъехав немного, возницы свернули на неприметную лесную дорогу, и, обогнув Брюссель, мы направились на юг. Как они собирались добираться до Рима – через Берн или Париж, выбирая путь кружный, но по хорошим дорогам, или более не заезжая в крупные города, – я не понял и спрашивать не стал.

Быстро темнело. Вскоре возницы зажгли яркие карбидные фонари, но ход все равно пришлось сбавить. Не та дорога, что между Амстердамом и Брюсселем, не та…

– Хочешь глоток вина, брат? – спросил Рууд.

– А как же смирение и тяготы, что очищают душу?

– Не в походе, брат, не в походе… здесь их и без того достаточно, к чему нарочно плоть смирять…

Я молча принял бокал. Карету сильно трясло, и Рууд наливал совсем по чуть-чуть, зато часто. На востоке так чай наливают, чтобы почаще приходилось вставать и подливать гостю…

– Брат Ильмар, скажи, каким тебе показался принц Маркус?

Я пожал плечами.

– Да ничего особенного. Мальчишка как мальчишка. Хотя нет, конечно, порода чувствуется. Умный, волевой, собранный… Упрямый.

Брат Рууд кивнул.

– Куда он мог податься? А, Ильмар?

– Мне неведомо. Я же ничего о нем не знаю, Рууд. Пойми! Попался на пути… втравил в беду. Век бы его не видеть!

Святой паладин вздохнул:

– Вот если бы мы сами смогли мальчика найти… к Преемнику доставить. Вот это была бы служба Сестре!

– Его уже, может, и в живых нет, – заметил я.

Брат Рууд погрузился в мрачные раздумья.

– Что он спер? – спросил я.

– Не знаю.

– Но может, догадываешься?

– Может, и догадываюсь, – неохотно ответил Рууд. Но делиться догадками не стал.

Карета вдруг дернулась, стала тормозить. Святой паладин глянул в окно и вдруг дернулся, бросая на пол бокал. Вино сочными брызгами запятнало дорогую обивку.

– Беда, Ильмар, – тихо сказал он.

Я тоже приник к стеклу.

Впереди, в тусклом закатном свете, виднелась другая карета. Стояла она перекрывая дорогу, а для надежности еще и бревно поперек дороги лежало. Рядом маячили силуэты – человек пять-шесть…

– Готовь свой пулевик, вор, – резко сказал Рууд. – И моли Сестру о помощи…

Он распахнул дверь, спрыгнул. Пошел вперед. Кучера тоже сошли, двинулись с ним рядом. Я помедлил, прикидывая, не лучше ли выскользнуть через другую дверь и под прикрытием кареты в лес броситься…

Что за мысли в голову лезут! Не был никогда предателем и не стану!

Я выбрался следом, низко надвинув на лицо капюшон. Пулевик тяжело оттягивал карман.

Кто же это нас остановил, да еще так по-воровски? Неужели стража? Или простые лесные бандиты? Душегубцы-то пропустят, они гнева Сестры убоятся, не тронут святых братьев… Что?

На перекрывшей дорогу карете были церковные знаки – святой столб и епископская корона. Как и на нашей, только ниже – эмблема города Кельна.

И стояли перед каретой не смущенные солдаты, не насупленные стражники, не грязные душегубы. Стояли перед ней священники в желтых плащах. И один – в малиновом, с синей каймой.

Святой паладин.

Еще один!

С меня на миг спало напряжение. Видно, епископ обеспокоился о помощи? Передал телеграфом или иными быстрыми путями в Кельн…

Да нет, как бы он успел. Да и зачем подмоге преграждать нам дорогу?

– Мир вам, братья, – сказал чужой паладин.

– И вам мир, – откликнулся брат Рууд. Голос у него был спокойный, но меня это не успокоило.

– Милостью Искупителя мы встретились…

– Милостью Искупителя и Сестры.

Так!

Перед нами были священники не из храма Сестры, а из Церкви Искупителя. Конечно, большой-то разницы нет… одному Богу служат…

– Куда направляешься, брат?

Чужой паладин подчеркнуто игнорировал всех, кроме брата Рууда. И спутники его – крепкие, мрачноватые парни – стояли невозмутимо и безучастно.

– По святому делу.

– Далеко ли? Не нужна ли помощь в пути?

– Благодарю, брат, не нужна.

Может, так и разойдемся? Постояв, поговорив, обменявшись поцелуями и рукопожатиями?

– Дозволено ли мне спросить, брат, кто с тобой отправился в путь?

– Святые братья нашего храма. А сейчас помогите нам оттащить эти деревья, что случайно упали на дорогу, и сдвинуть к обочине вашу карету.

Я даже восхитился братом Руудом. Сейчас он вел себя так, как и должен вести настоящий мужчина перед лицом опасности. Без лишней бравады, но и без страха.

– Подожди, брат. Не случайно упали эти деревья, а волей Искупителя.

– Что же случилось, брат?

От этих бесконечных «братьев» уже в ушах звенело. Храни Господь от таких родственничков!

– Мы перегородили путь, чтобы не пропустить злодеев.

– И кто же эти злодеи?

– Беглый принц Маркус и каторжник, душегубец Ильмар Скользкий.

Пугаться я не стал. Что-то такое и ожидал услышать. А вот на «душегубца» обиделся.

– Мне неведомо, где находится беглый принц Маркус, – вздохнул Рууд.

– Жаль. Но, может быть, нам стоит проверить вашу карету? Вдруг негодяи тайком пробрались внутрь?

В голосе паладина мелькнула насмешка.

– Проверьте, братья. Осторожность никогда не помешает, – спокойно согласился Рууд.

Чужой паладин помолчал.

– Верю, что их там нет. Скажи, брат, а дозволено ли нам будет рассмотреть лица – твои и твоих спутников?

– Ты подозреваешь нас в укрывательстве преступников? Опомнись, брат! – Голос Рууда взвился.

– Именем Искупителя, брат! Его правда во мне! Покажите лица!

– Именем Покровительницы! Ее правда во мне! Освободите дорогу!

Наступила тишина. Страшное, нелепое, невозможное творилось на глухой дороге. Святой паладин Искупителя и святой паладин Сестры сошлись друг против друга, угрожали именем единого Бога, которому Искупитель приходится сыном приемным, а Сестра, получается, приемной дочерью…

Потом чужой паладин поднял навстречу Рууду святой столб, что висел на его груди.

– Деревом, к которому Искупителя привязали, кровью его…

– Железом, которого Искупитель касался… – поднимая навстречу свой знак, ответил Рууд.

Опять ничья. У каждого – великий сан, дающийся для великих дел. У каждого в руках святыня, которой подчиняться надо. Это что же получается – Сестра с Искупителем спорит? Или сам Бог не знает, что ему делать?

– Брат…

Чужой паладин протянул руку. Коснулся плеча Рууда.

– Мы служим одному Богу. Искупитель и Сестра – два знамени веры, две опоры небесного престола…

– Ты говоришь истину, брат…

– Зачем нам лгать друг другу? Наш сан позволяет говорить неправду. Но зачем – разве Искупителю и Покровительнице неведома истина? С тобой – каторжник Ильмар, а возможно, и принц Маркус…

У меня вспотели ладони. Глянул я на лес, примерился, как в кусты кувыркнуться. Не найдут. По темноте никак не найдут.

– Ты не во всем прав, брат. Со мной Ильмар, но со мной нет Маркуса. Я везу каторжника…

Какой же я ему каторжник! Я теперь святой миссионер!

– В Урбисе ему помогут вспомнить все, что наведет нас на след принца.

– Вряд ли вор что-то знает, – брезгливо произнес чужой паладин. – Брат, найти и убить Маркуса – наш святой долг…

Чего?

Я отступил на шаг. Чужой паладин бросил на меня короткий взгляд. Понял, кто есть кто. Но как он может об убийстве говорить, ведь им заповедано крови не проливать! Они ни мечей, ни пулевиков не носят! Как он может говорить об убийстве мальчишки! Как его язык в жабу не обратится!

И как Искупитель позволяет своему паладину о таком думать!

– Брат, наш долг – найти принца Маркуса…

– Убить, – холодно произнес чужой паладин.

– Ты говоришь ересь. Преемник сказал…

– Пасынок Божий безмерно добр. Он на себя готов принять этот грех. Но наш долг – взять его на себя.

– Нет.

– Брат, выдай нам Ильмара.

Пора бежать. Не станет святой паладин Рууд из-за меня с другим паладином драться.

– Мы можем вместе отправиться в Урбис, – сказал Рууд, тяжело, будто песок изо рта выталкивал.

Гордыня! Пусть сам брат Рууд о том и не подозревал. Но не мог он меня убить и в лесу бросить – не потому, что другом считал или человеколюбием был переполнен, а все из-за гордыни. Хотелось ему перед Преемником на колени упасть, меня пред очи Божьего Пасынка поставить.

– Нет, брат, слишком велика опасность. Ильмар должен умереть. А вы возвращайтесь в Амстердам…

Зря он это сказал.

– Во имя Сестры – пропустите нас! – рявкнул Рууд. Отступил на шаг, руку чужого паладина сбрасывая, плащ скинул, выхватил меч. Умело, клинок жил в его руках.

– Во имя Искупителя…

Меча у чужого паладина не было. Он тоже сбросил плащ и выхватил что-то вроде цепа – две дубинки, связанные крепкой веревкой. Такое оружие я видел в Китае, потому понял, что дело тяжелое. Крови-то проливать служитель Искупителя не будет. А вот убить может запросто.

– Осторожно, Рууд! – крикнул я. Видимо, тот понимал опасность невзрачного оружия. Закружил, чертя клинком в темноте быстрые и смертоносные письмена. В руках чужого паладина закрутился китайский цеп.

Остальные братья к ним приближаться не стали. Может быть, боялись под удар попасть, а может, не рисковал никто поднять руку на паладина. Вместо того четверка чужих священников бросилась на двоих наших.

Грянули выстрелы. Возницы-то, оказалось, тоже с пулевиками были! Один из чужаков упал, второй схватился за плечо и, пошатываясь, отступил к карете. Зато два других успели добежать до кучеров. Взлетели в воздух дубинки – и огласил лес страшный крик умирающего.

Ох беда…

Били святые братья друг друга умело и жестоко. Прежде чем погибнуть, второй наш кучер успел еще один пулевик выхватить и в живот врагу разрядить. Кровь брызнула – даже в темноте видно было. Но тут и на его голову обрушилась дубинка. Сложил на миг чужак руки столбом – да и пошел на меня.

– Тебе же убивать – грех! – закричал я нелепо, отступая к нашей карете. Ноги едва слушались, не желали бежать. – Грех!

А он все шел, и, когда вступил в круг света от фонаря – увидел я лицо. Глаза стеклянные, безумные, верой наполненные.

Боюсь я такой веры.

Потянувшись за пулевиком, я нацелился в лоб священнику, взвел курок. Прошептал:

– Стой, брат, стой…

– Умри с миром, – ответил он. Будто был уверен, что я покорно голову под дубину подставлю.

Зря он так думал.

– Прости, Сестра, – прошептал я, да и нажал на спуск. Пулевик грянул, руку толкнул. Во лбу священника дырочка появилась. Глаза потухли. Постоял он миг, да и завалился навзничь.

Не хотел я его убивать, святого брата, да только что же делать, когда тебя призывают умереть?

А чужой паладин наконец-то исхитрился и достал брата Рууда. Так угостил цепом по ногам, что Рууд рухнул на колени.

– Во имя Искупителя! – крикнул чужой паладин, воздев руки к небу. Размахнулся еще раз цепом, подался вперед…

Прямо на клинок, что брат Рууд выставил. Пронзила сталь плоть человеческую, но и замах уже не остановить было. Из последних сил брат Рууд попытался уклониться, но ударил его цеп по груди, по ребрам, выбив жалобный крик.

Вся схватка и минуты не длилась. А вот – закончилась. Сидел у кареты раненый священник Искупителя, дыру огромную в плече тщетно зажимая. Видно, наши кучера не пулями стреляли, дробью крупной. Подошел я к нему, глянул, но помочь не решился – уж слишком много ненависти в угасающих глазах было.

– Умри с миром, – сказал я, вспомнив, что и у меня есть сан. Пошел к паладинам.

Чужой лежал в такой луже крови, будто свинью зарезали. Похоже, артерию перебило. Я даже смотреть не стал. А вот брат Рууд дышал. Оттащил я его в сторону, стараясь грудь не тревожить. Что-то там хрипело, булькало, на губах кровь пузырилась. И на груди мокро было – видно, обломок ребра кожу порвал.

– Брат Ильмар… – прошептал Рууд, открыв глаза. – Беги…

– Не бойся, брат, – сказал я. В горле запершило, и слезы навернулись. – Все. Кончен бой. Победили мы…

– Ильмар… в Рим… в Урбис… Пасынку Божьему скажи, что я… смиренный Рууд… тебя спас и к нему…

Взял я его за руку, кивнул.

– Темно… ничего нет… темно… – Я едва слова-то разбирал, кровь у Рууда в горле булькала. – Ильмар…

– Я все сделаю, – сказал я. – Доведется попасть к Пасынку Божьему – о твоем геройстве расскажу…

Брат Рууд дернул головой, выплюнул кровь. Сказал почти отчетливо, с безмерным удивлением:

– Как так может быть… я же паладин святой… должен подвиг совершить…

Я молчал. Ну как сказать умирающему, что никакой сан, никакой титул от смерти не спасают? И не защитят от нее долг, обязанности, любовь, вера. Все ей едино, старухе. Кончается для брата Рууда земная жизнь, начинается небесная.

– Холодно… – жалобно сказал Рууд. – Тут… холод… брат!

В последнем порыве сил он попытался поднять руку:

– Я Слово знаю… слабое, но Слово… возьми, дарю…

– Говори. – Я приник к лицу паладина. – Говори, брат! Говори!

– А….

Он попытался вдохнуть воздуха и забился в конвульсиях.

– Да скажи, тебе ведь без надобности! – завопил я, тряся Рууда за плечи. – Говори!

Никому и ничего он уже не скажет. Ушел вместе со своим Словом слабеньким, на котором что-то держал. Интересно – что?

Поднялся я от безжизненного тела, еще раз всех обошел. Ни один признака жизни не подавал. Тот, что раненный был, перед смертью из кармана тонкую шелковую удавку достал, да и прополз по направлению ко мне метров пять, пока я с Руудом разговаривал. Но не дополз.

Тоже ведь хотел подвиг совершить. И понять не мог, почему на это сил не хватает.

– Что же вы наделали, братья святые? – спросил я. На душе так гадко было – словно лучше бы под дубинками. – Как же так – одному Богу служим, добра хотим, а ради того чтобы мальчишку и каторжника убить – готовы против веры пойти?

Некому уже было мне ответить. А то ведь нашли бы слова, братья. Уговорили бы голову в петельку засунуть.

Трупы все я в нашу карету сложил, потому что зарывать их времени не было, а оставлять зверям на съедение – не по-людски. В карманах не рылся, в чужой карете тоже – лишь заглянул, проверил, что и там никого нет. Пусть я и вор, но на то, что Богу принадлежит, – не позарюсь. Лишь немного еды и бутылку коньяка взял, это не грех…

– Что же все это значит, а, Сестра? – спрашивал я, таская тяжелые, изувеченные тела. – Искупитель, ответь? Сам Бог не знает, что со мной делать? Или он на нас и не глядит, зря мы, злодеи, верой тешимся?

Нет ответа. Нет. Холодно и темно – почти как для брата Рууда, паладина несчастного.

Коней я распряг и отпустил, всех, кроме одного. В чужой карете была клетка с почтовыми голубями – их я тоже выпустил на волю. Не за что птицам и лошадям погибать.

А перед тем как закрыть в карету дверь, коснулся я руки брата Рууда и сказал:

– Ты уж прости, святой паладин, но не пойду я в Урбис, к Преемнику. Нечего мне там делать. Вором жил, вором и умру. Как смогу – Сестру восславлю. Но голову под дубину не опущу.

Нечего было ответить Рууду. После смерти не поспоришь.

Сел я на лошадь – та нервничала, да и седла не было, но мне приходилось по-всякому ездить. Потрепал ее по гриве, шепнул:

– Ты уж только до города какого довези, родная. А там я тебя в хорошие руки пристрою, обещаю. Или на волю выпущу. Лучше на волю, верно?

Лошадь со мной тоже не спорила. И я поехал сквозь ночь – прочь от того места, где восемь святых братьев убили друг друга, причем всем теперь уготованы райские кущи, ибо каждый служил Богу.

Как они там, в этих самых садах заоблачных, не передерутся? Или обнимутся и восславят Сестру с Искупителем? Или все беды на меня свалят – и ждать примутся?

Может, и хорошо, что мне теперь никакого рая не видать – только адские льды…

Часть третья
Галлия

Глава первая,
в которой я рассказываю про моря и океаны, а мне дают хороший совет

Весь день жарило немилосердно. Я уж и до пояса разделся, и шейным платком голову повязал – от солнца. Все равно, отшагав от рассвета три десятка километров, чувствовал себя выжатым досуха. И до города мне точно не успеть, значит, снова ночевать в чистом поле.

Три дня прошло, как сгиб Рууд и прочие святые братья. На мне уже давно не было одежды священника – вместо того я щеголял в парадном костюме моряка, купленном за немалые деньги. Зато и стража особо не приглядывалась, и народ смотрел по-доброму. Моряков державных все уважают. Лошадь я отпустил близ первого же городка, как обещал, и сейчас двигался по галльским землям налегке, лишь иногда, если предлагали, подсаживаясь на попутные повозки и дилижансы.

Жарко. Весь день было жарко, словно лето решило вернуться. А сейчас наползают с запада тучи, и, похоже, скоро польет хороший дождь. Не хотелось бы оставаться под открытым небом.

Последний поселок я миновал часа два назад, и возвращаться было глупо. Зато впереди, чуть в стороне от дороги, на берегу мелкой речушки, окруженный некошеными лугами, стоял аккуратный домик. Странный такой дом – вроде и не фермерский, но и на загородную виллу ничуть не похож. Словно пришел человек, купил землю окрест, да и поселился – ничего не делая, не выращивая скотину, не разводя виноградники.

Странно, но интересно.

Я свернул с дороги и двинулся к домику. Тропинка была едва заметна – хорошо, если раз в неделю кто ходит. И в то же время жилище не похоже на заброшенное. В окнах занавески, цветочки, перед домом – клумба. Маленькое строение рядом – вроде бы курятник – свежевыбелено. И в то же время никакой ограды нет. Неужто здесь стража такая свирепая, что народ ни воров, ни разбойников не боится? Вряд ли. Раньше таких гостеприимных домиков я не встречал…

– Убирайся!

Дверь скрипнула, чуть приотворившись, и в щель высунулся длинный ствол пулевика. Пулевик казался таким же древним, как и надтреснутый голос, и столь же доброжелательным.

– Добрый день! – остановившись, произнес я. – Зачем на честного человека, слугу Дома, оружие наводишь?

– А кто тебя знает, честного, – ворчливо отозвались из-за двери. Я расслабился. Раз начал разговор, то стрелять не станет. – Может, ты душегуб, матросика придушил, одежду снял, а теперь у старика последнее хочешь отнять?

Значит – старик. По голосу даже пол не разобрать, настолько старый.

Но глаза острые – разглядел, что штаны на мне флотские, рубашку-то я жгутом скрутил и на плечо закинул…

– Не душегуб я. И форму ни с кого не снимал! И тебе вреда не причиню!

– Все вы так говорите, – откликнулся недоверчивый хозяин голосом человека, которого за последнюю неделю убили раз пять. – На чем плавал?

– На «Сыне Грома», – не задумываясь соврал я. – Старший матрос, Марсель меня зовут.

– А чего здесь делаешь?

– В Лион я иду, к своим. Вот, хотел ночевать напроситься…

– Так я и думал, – мрачно ответил старик.

Я топтался перед дверью, размышляя, не стоит ли отправиться подальше от старого маразматика с пулевиком.

– Дождь сильный собирается?

– Сильный, – подтвердил я.

– Тогда иди в курятник. Выбери курицу пожирнее, придуши и тащи сюда.

Ствол пулевика качнулся и скрылся. Хозяин так и не объявился.

– Какую курицу? – растерянно переспросил я.

– Пожирнее! – рявкнул дед с неожиданной силой.

Ну и дела. Пожав плечами, я пошел в курятник, закрытый лишь на щеколду, и действительно обнаружил там десятка два куриц. Пинками отогнав самых проворных от дверей, я схватил первую попавшуюся и свернул ей шею.

Неужели для деда даже нет разницы, хорошую несушку в суп пустить или бестолковую старую птицу?

– Поймал? – осведомился дед из-за двери.

– Ну да…

– Тогда входи.

Дверь открылась, и я наконец-то увидел хозяина. Выглядел он и впрямь лет на восемьдесят, но при этом вполне крепким, чтобы завалить курицу самостоятельно. Пулевик – немногим его младше, кремневый, с длинным стволом, дед по-прежнему держал наготове.

– Счастливый ты, – непонятно сказал он. – Дай куру.

Я вручил ему бедную птицу с полной уверенностью, что теперь мне прикажут убираться вон, а то еще и сопроводят приказ порцией свинца.

Дед глянул на курицу, покачал головой:

– Ты, парень, не только птицам привык шею скручивать. Верно?

И что он углядел в курице?

– Верно, – признал я. – Я же все-таки военный человек, дед.

Внутри домик тоже был чистым и опрятным. Вряд ли старик сам порядок поддерживает. Большая комната, из нее еще две двери внутрь, стол – внушительный, не на одного, на нем яркая керосиновая лампа. Камин пылает, к нему два кресла придвинуты. Шкаф – а на полках, под стеклом, помимо посуды и всякой мелочевки, десятка три книг. Ого!

– Знаем мы таких военных, – мрачно изрек дед. – Сумеешь ощипать?

– Дело нехитрое.

– Пошли.

За одной из дверей оказалась кухня. Я огляделся – растопленная плита, в железной – железной! – кастрюле кипит вода, на полках – немало продуктов. Столовые приборы – деревянные, но нож железный, и кастрюль медных – две, и сковорода чугунная… Богатый старик! Зачем ему жить в глуши? И уж тем более – зачем пускать незнакомцев?

– Дед, а ты сам не душегуб, часом? – осведомился я.

Дед захихикал. Сухой, жилистый, даже сейчас, слегка горбясь, он был выше меня ростом. Сил, конечно, у него немного, но в общем все выглядело как в страшной детской сказке. Заблудились дети в лесу, пришли в домик, а там их старик-людоед встретил…

– Конечно. Видел же – я такой душегуб, что на солнечный свет боюсь высунуться, – охотно ответил он.

– Ладно, старик, пойду… – сказал я.

– Да подожди… – Он отставил свое ружье в угол. – Не душегуб, не бойся. Свари куру, я картошки почищу. Есть-то хочешь?

– Всегда, – освобождая ему место у стола, ответил я.

Вдвоем мы за полчаса соорудили ужин. Пока курица варилась, дед молча достал бутылку вина, разлил по хрустальным бокалам, первым отпил.

– За твое здоровье, старик, – сказал я, делая глоток.

– Жан. Меня зовут Жан.

Жан так Жан.

– А тебя как звать?

– Я ведь говорил – Марсель.

– Недослышал, прости уж старика.

Ага, такой недослышит.

– Не боишься случайных людей в дом пускать? – спросил я. – Как-никак живешь богато.

– Ты же честный человек! – наигранно удивился дед.

– Отец Жан, я не дурак. Странно ты себя ведешь. До города километров двадцать, так? Земля вокруг твоя…

– Я мирный селянин…

– Да какой ты селянин, – ухмыльнулся я. – Не сеешь, не пашешь, лозу не растишь, из живности одни куры…

– Живу не с земли. Но на земле.

– Как знаешь, – пожал я плечами. – Приютишь на ночь – спасибо.

– Да пущу я тебя, все будет с кем поговорить. Достань лучше из шкафа сыр, нарежь…

– Кто ты, Жан? – тихо спросил я. – Если простой человек – то как живешь тут один, никого не боишься? Если святой – то не слишком-то святую жизнь ведешь. Если ангел Господний – то не к лицу тебе таиться, правды не говорить.

– Э, святых-то я еще встречал, – вздохнул старик. – А вот ангелов – не приходилось… Я всего лишь отшельник.

Отшельников встречать мне доводилось. Но выглядели они…

– Дед, я человек прямой, военный…

Старик ухмыльнулся. Да что такое, за три дня никто в моем маскараде не сомневался, а этот будто в игру со мной играет!

– Ну ладно. Я простой лекарь. Когда-то им был. А сейчас доживаю тот век, что мне остался…

– И как это тебя от душегубов хранит?

– А ты подумай, Марсель, – усмехнулся старик. – Подумай.

– Лихих людей лечишь? Нехорошо!

– Лечить всегда хорошо. Я законов не нарушаю – если исцелю душегубца, то страже о том сообщу. А дальше ее дело… пусть ищет.

– Встречал я таких лекарей. Только клятва Гиппократа от стражи…

– Может, и не спасает. А вот титул – да.

Я оторопело смотрел на старика.

– Я – барон.

– А я – граф.

За окном застучали первые капли дождя. Дед недовольно нахмурился:

– Молодой человек, я не лгу.

– Допустим, и я тоже, – зло огрызнулся я.

Старик захихикал.

– Ладно… хочешь – верь, хочешь – нет. За плитой следи!

Я разлил по тарелкам суп, и мы молча поели. Неужели старик не врет? Что лекарь – возможно. Но чтобы барон… и в такой глуши… один… в маленьком доме…

– А где же владения вашей милости?

– В Багдаде. Я барон Жан Багдадский.

– Персия уже сорок лет как не под Домом…

– Ага, – прихлебывая суп, согласился барон-лекарь. – Только разве Дом это признал?

– Верно. А за какие заслуги высокий титул пожалован?

– За пятьдесят лет честной службы Дому. За лечение дурных болезней, переломанных костей, за принятие родов, исцеление от мигреней и прочую ерунду.

Я отложил ложку.

– Ваша милость, а ведь вы правду говорите.

– Конечно.

– Значит, самого Владетеля видели?

Старик хмыкнул.

– И лечили?

– Чего не было – того не было, – признал старик. – Те, кто к Владетелю допущен, получше меня мастера. Зато, – он развел руками, – и доживать век по-своему им не позволят. Если в заднице Владетеля ковырялся, значит, причастен великих державных тайн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.